

ЗАЛА 18

ШРАФЪ

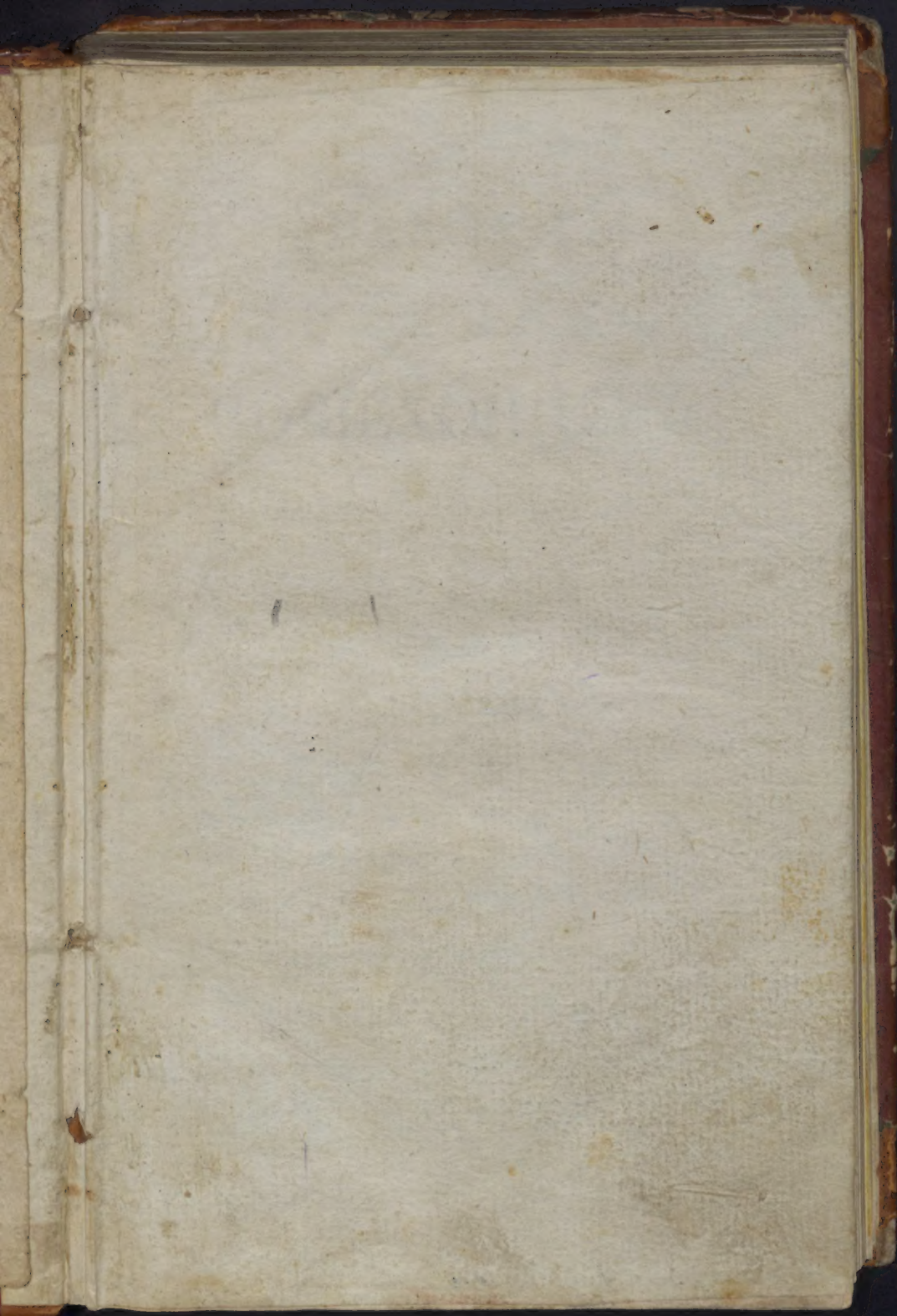
ПОЛКА

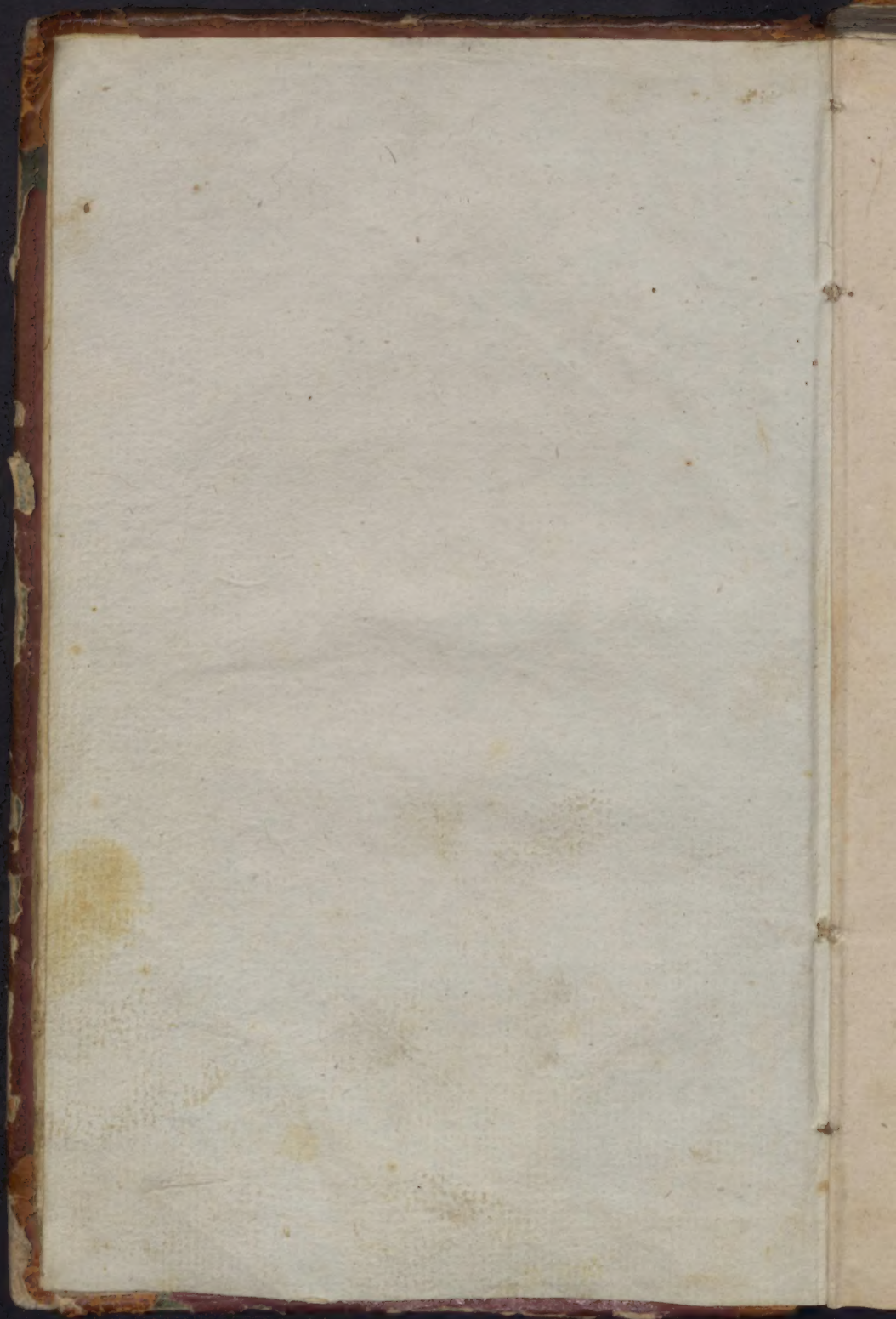
№

216

7

19

АНЕКДОТЫ ДРЕВНИХЪ ПОШЕХОНЦЕВЪ.

сочиненіе

Василья Березайскаго.

Во всякомъ вѣкѣ бываютъ бѣснѣи, и
нѣтъ народа, которой бы не имѣлъ сво-
ихъ собственныхъ.

Essai sur le poëme epique.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Типографіи Государственной Меди-
цинской Коллегіи 1798 года.

АНЕКДОТЫ
ДРЕВНИХ
ПОСЕХОНЦЕВЪ

Съ дозволенія
Санктпетербургской Цензуры.

Н Я Н Ю Ш К А М Ъ

И

М А М У Ш К А М Ъ

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ПОСВЯЩЕНО

КРАСАВИЦЫ НЯНЮШКИ!

ЛЮБИМЫЯ МАМУШКИ!

Нѣтъ достойной жерпвы хвалы и благодарности, коею бы воздасть вамъ было можно за всѣ ваши неищепныя одолженія обществу. Такъ — что горящій свѣпильникъ во шѣмъ, то вы точно во свѣпѣ. Чудной вашъ даръ поучасть ввѣренныхъ смотрѣнію вашему пипомцовъ, есть убѣдипельнѣе всякаго вишіи — и ученіе ваше не красноглаголиво шокмо, но паче сильно, основашельно, полезно, чисто, привлекашельно, сладко, прелесшно. Сего ради, когда вы отверзаеша уста ваши на проповѣдь, всѣ

II

васъ слушаютьъ съ благоговѣй-
 нымъ вниманіемъ — ни кпо не
 дерзаетъ прерватьъ вашего раз-
 глагольствія — и горе, горе бы
 послѣдовало тому, кто бы оп-
 важился сіе сдѣлать! Вы въ слу-
 шателяхъ вашихъ по изволенію
 производите смѣхъ, и извлекае-
 те слезы. Да умолкнутъ опселѣ
 завистники и враги ваши. Долго
 омрачаемая ваша слава откры-
 лась нынѣ во всемъ своемъ сія-
 ніи и совершенствѣ. Уже изъ
 просвѣщенныхъ нѣтъ ни едина-
 го сомнящагося, что вы знаете
 для другихъ, и какихъ же? немо-
 гущихъ еще выговорить ла-ла,
 ма-ма, время сна и бдѣнія, часъ
 позыва къ принятію пищи, пи-
 тія, и — и обратно — Чшо же

болѣ всего; вы врачуете, или
 приспосойнѣ сказаць, унимаєте
 всякаго рода болѣсти и немочи;
 да и какъ же? не отваживаясь
 никогда на удачу, но все по наукѣ,
 по преданіямъ, и слѣдственно
 по правиламъ самымъ надежнѣй-
 шимъ и дѣйствительнѣйшимъ.
 На примѣръ если сядетъ у кого
 на глазу ячмень, то для прогна-
 нія такого гостя, стоишь толь-
 ко по наставленію вашему, къ
 тому глазу поднеси кукишъ,
 приговаривая сіи достопамят-
 ныя слова: ячмень, ячмень, вопѣ-
 шебъ кукишъ, что хочешъ, то
 купишъ; купижъ себѣ попорокъ,
 сѣки себя поперіокъ. Ахъ! сколь-
 ко есть у васъ подобно спаси-
 тельныхъ рецептовъ! Но къ чув-

IV

спивительному сожалѣнію вамъ
рѣдко дається полная власць отъ
родиптелей. Сіи лиходѣи своимъ
дѣтямъ, ужъ чудо, когда при-
спавляють васъ по семи къ
одному дитяти. Но за то дитя
сіе еще въ пеленахъ суще, какимъ
бываетъ для нихъ утѣшеніемъ!
Оно всегда видитъ болѣе того,
кто на него смопритъ. И такъ
какая надобность, хотя бы оно
и объ одномъ зрячемъ было? —
Въ сей безъ сомнѣнія немалолестной для васъ истинѣ вы
сами признайтесь можете и дол-
женствуете. Но да не оскорбитъ
скромность ваша, когда я
продолжу хвалу вамъ — есть ли
въ природѣ какая тайна, кошо-
рая бы опъ всеобъемлющаго ва-

шего проницанія была сокрыта?
 Чево вы не знаете? вы вѣрно
 предсказуете войну по столбамъ
 видимымъ на небѣ и когда хо-
 рошенько посмотрите на оныя,
 то тутъ же скажете, чья бу-
 детъ побѣда. Урожай и неуро-
 жай хлѣба по разнымъ наблю-
 деніямъ вы предвѣщаете еще
 прежде посѣва. Вы по собствен-
 ному вашему календарю и вы-
 численію предугадываете намъ
 спояніе и перемѣну погодъ на
 всѣ времена года. Ахъ, какъ
 сладко бесѣдовать съ вами! —
 Вы повертываете решетомъ,
 разводите бобами, лаговариваете
 воду, когда что сокровенное
 знать надобно — и въ случаѣ
 крайнія необходимости ученѣй-

VI

шія и мудрѣйшія изъ васъ гля-
 дятъ на кофе или гадають въ
 карты. Словѣ, для разныхъ
 попребѣвъ жиіи человѣческомъ,
 вы имѣете разныя средства,
 но всѣ равно дѣйствительныя
 и необманчивыя. — Правда, есть
 и изъ старичковъ нѣкоторые
 тоже весьма достойные и на-
 добные люди, но я не смѣю ихъ
 сравнить съ вами знаніемъ: со
 всею премудрою премудростію
 ихъ, они шатую имѣють пропи-
 ву васъ разницу, какую Саламан-
 ка предъ Кембричемъ, или въкъ
 Шкоповъ предъ Невтоновымъ. Ибо
 коли правду сказать, кто бы безъ
 васъ пропскавалъ и извяснилъ
 намъ соннія видѣнія и грезы,
 какъ на прѣмѣрѣ; что видѣнная

во снѣ гора по пробужденіи означаеѣ горе, рѣка рѣчи, дѣвица диво, кровь кровнаго, мертвецѣ снѣгѣ (хотя бы еѣо было въ Пешровки), горохѣ слезы, лошадь ворога, собака друга, и прочее сему подобное. Счастливыѣ шопѣ, кто соблюдаетѣ ваши правила въ избраніи дня ѣхаетѣ въ дорогу, и кто несомнѣнно съ вами вѣрится, какія худы, и какія хороши встрѣчи. Да, теперь споллагоря намѣ знать, что предвѣщаетѣ чесаніе ладони, лба, переносья, локтя праваго и лѣваго, брови той или другой, ушей и проч. такѣ же, умываніе кошки лапою, выскакиваніе изѣ печи угля, спукѣ въ окнѣ кузнечика, пѣніе пѣпухомѣ курицы и проч.

VIII

и проч. Но за все сіе кому, какъ не вамъ должны мы воздать всю честь и благодарность? — безъ вашего пушеводства можетъ быть мы ни когда бы не вы-
брили на путь поликаго разу-
мѣнія. Еще — вы знаете, какъ
найти и достать кладъ, что
путъ надо сказать, какъ взять
и проч. равно какъ и то, на ка-
кой день должно искать поль-
славную въ вашихъ запискахъ
разрывъ праву, и на какой ве-
черъ спасительно лишь воскъ
или олово — о заговорахъ же ва-
шихъ, ладонкахъ, корешкахъ,
спрыскиваніяхъ, и особливо прое-
кратномъ окачиваніи сѣ песка,
я ни слова. Епо уже и малые
ребята знаютъ, что сіи посо-

бія сутьъ безцѣнное сокровище при изурокахъ, поспрѣлахъ и родимчикахъ. Но что много? — Всѣ поль полезныя науки вамъ такъ знакомы, какъ другому свои пять пальцевъ. Встающихъ изъ могилъ и прогуливающихся по ночамъ мерпвецовъ, буку, Ягу, Русалокъ Кіевскихъ, домовыхъ, водяныхъ, лѣсовыхъ и другихъ подобныхъ оборотней вы знаете лучше, нежели кощей безсмертннй число, вѣсѣ, мѣру своихъ сокровищъ. О глубокомъ вашемъ свѣденіи въ политическихъ исторіяхъ, я ни, ни. Вы такъ въ нихъ пверды, что безъ всякаго труда изъ одного царства помахиваете въ другое, и часпо для связанія произшес-

Х

вѣй сидя на одномъ мѣстѣ бы-
спиропарнымъ своимъ умомъ пе-
реносипесь въ одно мгновеніе
за тридесять земель, за триде-
вять морей, въ подземельное,
царство. Вы уволише, сударыни
меня отъ ненужнаго шруда при-
водити на все сіе примѣры, тѣмъ
паче, что едино заглавіе ихъ со-
спавило бы не маловѣсную книгу
— однако не лѣзя не упомянуть,
что обладая толикими совер-
шенствами, вы, какъ и всѣ пра-
вославные, не опускаете, по Го-
рацію, совокуплять полезное *для*
себя съ пріятнымъ. — Нѣтъ моихъ
силъ перечестъ всѣ ваши до-
стоинства и добродѣтели; но
не преиду молчаніемъ рѣдкаго
благородства и бескорыстія ду-

ши вашей. Вы нескрываете подв
спудомъ, по примѣру не благодар-
наго своего брата, шаланшовъ
вашихъ, но благоохотно сооб-
щаете оныя всѣмъ человѣкамъ
въ пользу живущихъ и въ науче-
ніе потомству. О koliko было
бы неблагодарно послѣднее, если
бы оно забыло чудесныя преданія
и память вашу. Для опроверженія
сего вздумалъ я предать бумагѣ
кой-какія сказанія о славивших-
ся нѣкогда на бѣлѣ свѣтѣ про-
идошахъ Пошехонцахъ, и укра-
сить оныя преславнымъ вашимъ
именемъ. — Ирои велики, пред-
мѣтъ важенъ и вашей кисти до-
стоинъ; но для начинающаго ше-
стновать по стезямъ вашимъ
онъ не такъ то легокъ. И такъ

ХП

помогите мнѣ благодѣтельница
рода человѣческаго, сколько мож-
но, лучше воспѣть громкую ихъ
славу, и дѣянiя весь свѣтъ на-
смѣшившія; ахъ, нѣпѣ — я ошиб-
ся; весь свѣтъ удивившія. По-
звольте, я не льщу себя тѣми
лаврами, коими вы себя увѣнча-
ли; а вотъ и причина: вы сами
мнѣ, не помню, какъ то доказы-
вали, что пероиъ написать, не
въ скаскѣ сказать. А я прибавлю:
читаютъ ни одни малые, а и
возмужалые. Прощайте — пора
за дѣло.

ЛЮБОВЬ ДЪ

къ

СЛОВОХОТУ.

Другъ мой! кажется, нынѣ у насъ люди спали очень просвѣщенны. Ты самъ припомнишь, что за весьма немного предъ симъ лѣтъ торговашь книгами у купечествующихъ не почиталось торгомъ. Естли ими и перебивали нѣкопорые частные люди, то безъ всякой коммерческой дальновидности; и гдѣ же? — Смыдно сказать, въ полкучмѣ, вмѣстѣ съ желѣзными обломками, на ряду съ подовыми, на рогожахъ, или на шѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣнныхъ собакъ запирали; такъ что и подойти бывало страшно. Да какія же и книги были? Коли не сплошь, то большею частію,

А

разница — иноземщина — спарь — запачканыя — ну сущій дрызгб — иная безъ начала, другая безъ конца, трешья безъ шого и другаго, у четвершой брюхо, какъ ножомъ выпорошо; словомъ, всякая всячина, лишъ бы лавошнику попалась походяще, коли ни на то, такъ на другое. И Г^{ла}. купечествующіе имѣя въ виду какой нибудь главной промыселъ на продажу книгъ глядѣли сквозь пальцы. Не говоря уже о другомъ; блинами, кислыми щами, и другими симъ подобными мѣлочами торговавъ они считали для себя выгоды, нежели сею душевною пищею. Однако я ихъ въ этомъ не виню; ибо они можетъ быть имѣли на то свои причины. Но нынѣ, благодаря умудреніе и дѣятельность ума человѣческаго, какое различіе! Одна только книжная вывѣска — такъ любо глядѣнь. А въ самую лавку войдешъ, словно въ какой

модной магазинѣ; не вышелъ бы —
какая числота — какой порядокъ —
есть на что полюбоваться, и изъ
чего выбрать для провѣденія съ
пользою времени. Однихъ сочи-
тельскихъ именъ напечатана въ
Москвѣ цѣлая книга, да и то еще
только опыты; а сколько перево-
довъ, и говорить нечего. Судить
объ нихъ не наше дѣло. Довольно,
что Публика узнала вкусъ въ чи-
тани — Истинна сія изъ того яви-
вается, что всѣ отъ великаго до
малаго стараются заводить библио-
теки и учебныя кабинеты, или по
крайней мѣрѣ другіе опредѣляютъ
для оныхъ мѣсто. Однако это дѣло
почти постороннее. Я вотъ что
хочу сказать тебѣ, для чего никто
изъ соотечичей нашихъ при столь
благопріятныхъ обстоятельствевахъ
для писемословія не вздумаетъ чего
нибудь написать о Пошехонцахъ;
право, это чудно. Когда объ нихъ

разговаривающѣ, то всѣ слушающѣ охотно. Я ещо очень и не однажды замѣтилѣ. Пѣшѣ, кажется, чело-
вѣка, кто бы не зналъ объ нихъ
какой нибудь исторіи, и не любо-
пынствовалъ знать болѣе. Ещо
подлинно рѣдкость; такая книжка
по всему вѣроятію не сдѣлала бы
подрыву. Въ ней можно помѣстить
довольно забавнаго, не нанося ни-
кому обиды. Ибо подлинныя Поше-
хонцы нынѣ выведены. Слѣдова-
тельно и повѣснвутаго объ нихъ
никто на свой щепѣ не применѣ —
да ещо бы и смѣшно было. Еще же
сказанъ и то: не все закупорившись
и нахмурившись бесѣдованъ съ
Дриспошелями, Платонами, и про-
чимъ ихъ причномъ; одно и то же
моженѣ наскучить: Самѣ Соломонъ
говоритѣ, что *ученіе многое трудѣ
молити*. И такѣ надобно иногда по-
чинать или поглядѣть и Недоросля.
Ещо дѣло по моему мнѣнію безъ

грѣшное и безобидное. Климатѣ
нашѣ хоть и суровѣ; однако не
всегда же ненасытъ да шуманы, бы-
ваетъ и ведро. — Кѣ тебѣ, любез-
ный Словохотѣ, склоняю я рѣчь
свою. Ты часто увеселялъ бесѣды
наши повѣспованіемъ своимъ о
Пошехонцахъ. Теперь я спалъ отъ
тебя далеко — не откажи мнѣ въ
твоей прозѣбѣ: Не можешь ли ты
мнѣ сообщая преданія объ оныхъ
хотя помаленьку? Сказать ли тебѣ,
что мнѣ пришло въ голову? Я хочу
собрать нѣсколько сего рода повѣ-
стей выдавъ оныя въ свѣтъ сперва
небольшою книжкою для увеселенія
чипапелей; а послѣ, ежели увижу,
что начало сіе будешь принято
благосклонно, постараюсь издавъ
и продолженіе. И такъ услугою сею,
о которой я тебя прошу именемъ
всѣхъ охотниковъ, ты меня чув-
ствительнѣйше обяжешь. Ибо я
надѣюсь сію сдѣлавъ угожденіе

всѣмъ книгочіямъ. Еспѣли же епо
сторяча сказано много, такъ по
крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ
нихъ. Вишь и то не дурно; все
лучше, нежели ничево. По малой
мѣрѣ миѣ такъ думаетъ я. А буде
кто скажетъ намъ, что оснаю-
щееся опѣ должнѣши, то естъ,
праздное время, можно бы употре-
бити на что нибудь лучшее, то
мы на сіе дадимъ такую опповѣдь:
что можно и на худшее. И въ семъ
случаѣ наше дѣло не будетъ ли
то, что называется середка на
половинѣ?

ЛЮБОВѢДЪ.

С. П. В.

С Л О В О Х О Т Ъ

къ

ЛЮБОВѢДУ.

Любезный другъ! Предпріятіе швое
миѢ шѢмѢ болѣе нравишся, чшо я
и самѢ, правду тебѢ сказашъ, давно
уже обѢ еномѢ думалѢ и думаю;
да шо бѣда, чшо не могу собрانشя,
какѢ присупишъ къ дѣлу. На сло-
вахѢ шо все таки кое какѢ можно;
ибо не всякое изѢ нихѢ спавишся
вѢ спроку; а пишашъ на бумагѢ со
всемѢ иное дѣло: чшо написано
перомѢ, того не вырубишъ по-
поромѢ, говоришся пословицей. —
СверхѢ же сего гдѢ ны возмешъ
доспашочное собраніе сказаній обѢ
ешихѢ ИрояхѢ? ВсякѢ обѢ нихѢ
чшо нибудь знаешъ, говоришъ ты;
но зачши же спрашивашъ, шо уви-
дишъ самѢ, чшо не такѢ шо скоро
нападешъ на знашока и охотника.

Когда что надобно, то шупъ шово
и нѣпѣ. Я право самъ плохой зна-
покъ въ Испоріяхъ; кои и слыхалъ
въ ребячествѣ, тѣ вышли теиерь
изъ памяти. Въ наши тоды на умъ
не басни. Онѣ, знаешъ — соловью
худой кормъ. Однако отъ испини-
наго усердія моего, съ каковымъ я
всегда спарался исполнять пвои
желанія, не могу преминути, чтобъ
и въ сей пвоей прозбѣ не оказати
тебѣ должнаго послушанія. Были
бы только тебѣ побаски мои въ
угоду и пользу; я радъ тебѣ услу-
жити ими, сколько сможетъ и
сбумѣется. Гдѣ чево не достаеиъ,
изволь дополнитъ, худое поправъ;
гдѣ сказано неловко, выдумай осп-
рѣ, что не такъ, передѣлай по сво-
ему вкусу, и представъ свѣшу въ
шакомъ видѣ, какой тебѣ будеиъ
угоденъ. Матерія еиа почти
спихотворческая; слѣдовашельно и
вольности спихотворческія въ ней

позволительны. — Въ прочемъ, кто еще знаетъ; можешь быть мы начalomъ симъ кому нибудь подадимъ поводъ обрабoтать предметъ сей, какъ надобно. Ахъ, какъ бы епoму родительское сердце порадовалось! — Препровождаю къ тебѣ первое сказаніе о Кишотахъ Полехонскихъ, дѣлай съ нимъ, что изволишь.

С Л О В О Х О Т Ъ.

Городъ Галить,
годъ нынѣшній,
мѣсяцъ на небѣ,
число въ святцахъ.

ПОСЫЛКА ПЕРВАЯ

ОТЪ СЛОВОХОТА КЪ ЛЮБОВѢДУ.

Ну, слушайте, начинается притча.

Въ Ярославскомъ Намѣспничествѣ при рѣкѣ Согожѣ обиталъ древле народъ именуемый Пошехонцами, и управляемый по погдашнимъ обычаямъ Воеводами. Сполица ихъ и по нынѣ пребываетъ на томъ же мѣспоположеніи, и подъ тѣмъ же извѣстна именемъ; но жители со всемъ спали не шѣ; они шакъ переродились, что ни на волосъ не походятъ на своихъ предковъ. Онѣ перемѣны климата, или онѣ сообщенія съ другими народами епо происходишъ, я ни того, ни другаго, хопя и знаю, не ушперждаю; ибо намъ въ епомъ нѣшъ большой нужды. Епо дѣло касается ученыхъ; имъ и шолковать о семъ предоспа-

вялется — а наша цѣль со всемъ другая — Сколь счастливы на выдумки, ловки, развязаны, шолковы, распоропны были оныя древніе Пошехонцы, покажетъ слѣдующее.

Когда по нѣкопрымъ обстоятельствомъ, (сказываютъ все по несправедливымъ наговорамъ и наущническому) смарый ихъ Воевода Взяпколюбъ отъ правительсва смѣненъ былъ другимъ по прозванію Щукою; то сіи свѣшъ знающіе люди сочли за долгъ опдашь поклонъ сему новому своему градоначальнику. Въ слѣдствіе чево собрались они въ самое укромное мѣстечко, а именно въ подовинникъ, чпо бы никшо не мѣшалъ, думашъ крѣпкую думушку, какъ бы все епо сдѣлать и лучше и прекраснѣе. Ибо имъ не хопѣлось, какъ говоринся, на первой случай ударить себя въ грязь рожею. И шакъ по долгомъ между собою совѣшованіи, прѣшн

и небольшой схваткѣ, на концѣ они положили для поздравленія отпра-
вившѣ къ нему нѣсколькихъ декупа-
товъ, кои по лѣтамъ своимъ, ра-
зуму, опытности и знанію свѣп-
скаго обхожденія наиболѣе были
уважаемы. Хотя они и не ошчая-
вались къ благородному сему госпю
прийти прямо, то естъ, съ перед-
няго крыльца; (ибо у Воеводъ для
случая важивалось и заднее) однако,
дабы изъяснить ему оцущипельнѣе
свое усердіе, они не хотѣли пред-
стапъ предъ него съ пустыми ру-
ками. Новое затрудненіе; что при-
несетъ, не знаютъ: оныя собираютъ-
ся въ угомонное мѣсто, засѣдаютъ,
думаютъ, умудряются — долго ли,
коротко ли ещо продолжалось, намъ
до того нѣтъ дѣла — хоть день
другой и погадали, да ужъ за то и
выдумали — бѣленькаго баражка въ
бумажкѣ? Скажешъ иной. Нѣтъ;
для нихъ ещо, яко не новое, плевъ

бездѣля. Крестамъ же да перспнямъ,
какъ тогда важивалось, они спра-
ведливо предпочли то, что будетъ
оныхъ похлѣбнѣе и посыпнѣе. И
такъ въ послѣднемъ ихъ засѣданіи
опредѣлено было онымъ всего міру
поднесши дары самые лакомые и
дорогіе, а именно: горшокъ величи-
ною съ добрую карчагу, чино плащье
паряишь, сложенного грѣшнѣваго
тѣста, и еще живаго на потѣ
случий къ счастію ихъ пойманнаго
ворона, (не знаю, для забавы дѣ-
тямъ восводскимъ, или на жаркое)
а сверхъ того сколько не высиже-
ныхъ курочекъ съ яичкомъ, пѣну-
шковъ съ гребешкомъ, по естѣ:
свѣжихъ яицъ, сколько было дымовъ
въ городѣ. — Горшокъ съ тѣстомъ
по праву, спаршиишнѣва взялся нес-
ти на головѣ *Салѣ*, спрѣчь, спаро-
сна *Истропашѣ*, лукошко съ яичами
выборной *Угарѣ*, а ворона сошкой
Хвѣтѣ. За ними должна была слѣдо-

вать вся опборная свита въ самомъ
лучшемъ, какъ легко себѣ предска-
завшъ, снаряда и убранствъ. Во
увѣщаніе же всего, уговорились они
воеводу привѣтствовать слѣдую-
щею рѣчью: „Здравствуй кормилецъ
„нашъ и съ кормилицой и съ цече-
„ревяшками.„ Но дабы удобнѣе
привѣтствіе сіе заманивъ въ голо-
ву, и не сшибившись какъ нибудь
во время говоренія, они взяли пре-
доспорожнось раздробить его на
три части. Сшаросна по уговору
ихъ долженъ былъ сказать начало
привѣтствія: *Здравствуй кормилецъ*
нашъ, выбранной послѣ него продол-
жавшъ: *и съ кормилицой*, а соцкой за-
ключившъ: *и съ цецеревяшками*. Дары
изготовлены; привѣтствіе сочинено
и выучено. И такъ большая полови-
на дѣла сдѣлана — остаеися толь-
ко сходить и опшаркать ногами. —
Уже пѣшухи въ послѣдній разъ
пропѣли по полуночи; уже густой

дымъ изъ избъ валишъ столбами, расплалася и омрачалъ горизонтъ Пошехонья. Предзнаменованіе во истинну не доброе — и пресловутый оный градъ приходитъ въ нѣкое смутное движеніе, старые обоюго пола бродяшъ, какъ угорѣлыя кошки; а молодые глядя на нихъ со всемъ безъ души; Словомъ, всѣ какъ изумленные на подобіе шѣней шапающихся семо и овамо, опускаютъ головы. Но мудрые наши вожди ни мало не взираютъ на сіе всеобщее уныніе своей веси, и посмѣваются внутренно суевѣрію просполудиновъ. Толикое естъ преимущество просвѣщенія предъ невѣжествомъ! — Посольство въ гошовности, и любясь своимъ убранствомъ, любитъ само собою, гордится сдѣланною ему довѣренностію, и предъидущему съ горшкомъ на головѣ шѣша шихими и важными шопами шароситъ, при восклицаніяхъ на-

родныхъ начинаеися великолѣпное шеспивіе къ дому воеводскому, сопровождаемое несмѣнною толпою зришелей — переходъ былъ не далекъ; и пошому сія славная процессія къ сожалѣнію зришелей кончилась скоро. Уже проидоши наши у ворошъ воеводскихъ; дароносцы лѣзущъ первые на крыльцо по своему чину; но имъ путь преграждается: Тутъ доносятъ они о винѣ своего пришествія, и чрезъ малое время имъ входъ во внушреніе покои опверзася. Какова имъ была первая вспрѣча ошъ воеводы, ешо заподлинно неизвѣстно; іполько надобно думать, что не худая. Ибо дары были покрыты, какъ водисся; воевода же былъ хонъ и шука, сирѣчь проныза, однако не сердце-вѣдецъ. И шакъ кпо какъ хочешъ, шакъ себѣ и думай. По крайней мѣрѣ ихъ по достоинству проводили; а ешо еще лучше и вспрѣчи.

Сказывающѣ, что *Испромахъ* глава и краса всего посольства, уже какъ рыбка на льду переводилъ одышку, и набиралъ въ себя побольше воздуха, готовясь начать огромное и высокое свое привѣщаніе, какъ печально спохнувшись о пороги, всею силою своею шарахнулся оземь. Другіе же говорящѣ, будто у него на епощѣ разъ развязалась оборка, и что де выборной плути наснуливъ на волокшійся по полу ея конецъ, своею нелиогкою, былъ всею причиною полъ скоропоспѣжнаго его колѣнопреклоненія. — Да полно какое намъ до епоща дѣло? Непромахъ нашъ цапнувшись рыломъ о полъ, охнулъ изъ глубины сердца съ визгомъ, и въ поропяхъ молвилъ: *О цортъ бы цѣ задавилъ!* — Выборной не вслушавшись хорошенько въ его слова, и счиная оныя за комплиментъ, пригошовленный Воеводѣ, пошчасъ подхватилъ: *и съ корми-*

личой, а Соцкой довершилъ: И зъ це-
церевяткали. Привѣшпвіе сказано;
теперь остається только дары
сбыть съ рукъ долой. Церемонія
еша истинно споила бы того, чпо-
бы поглядѣть ее; но мы за невоз-
можностію ее видѣть, по крайней
мѣрѣ хотъ послушаемъ обѣ ней —
Спароспа не успѣлъ, такъ сказать,
хваципсья носомъ о полъ, какъ гор-
шокъ съ головы его всемъ опвер-
спіемъ своимъ бацъ въ лицо Вое-
водѣ, и словно пріятель какой, ну
съ нимъ цѣловались, да миловались.
Воевода неприготовившійся къ сей
нѣжной сценѣ, такъ двинулъ его
кулакомъ по боку, чпо реченный
ласкапелъ весь въ дребезги, только
брызги полетѣли. Выборной, желая
соблюсти въ точности данное себѣ
наставленіе все, какъ должно, дѣ-
лалъ свои па впередъ; но какъ по
грѣхъ своихъ ради нечаянно насту-
пивъ на шею спароспѣ, и нехоти,

долженъ былъ прикурнуть съ нимъ
вмѣстѣ. Лукошко изъ рукъ его на
полъ какъ громъ, а яица покапились
во всѣ спороны, только до Воеводы
онѣ не достали; Ибо ему что то взду-
малось отъ гостей пошпилились.
Соцкой, не именемъ только, да и са-
мымъ дѣломъ Хвапъ, поступилъ пря-
мо похвацки. Онъ видя, что това-
рищи его дары свои съ рукъ сбыли,
смѣкнулъ, что и ему зѣвапъ нечево.
Подспунилъ, какъ надлежитъ, къ
Воеводѣ, и подавая ему ворона, вы-
пустилъ его изъ рукъ, не давъ Во-
еводѣ прощануи своихъ для при-
нятія сей пички. Воронъ въ по-
ропяхъ, какъ уторѣлой, прямо махъ
въ глаза Воеводѣ, и крыльями своими
такъ плошно оѣвилъ его по макуш-
кѣ, что заставилъ его сдѣлать себѣ
самой починительной книксенъ; и
по томъ отъ Воеводы словно бѣ-
шеной, бросился считать стекла
то въ той, то въ другой оконницѣ.

Стекда впушрь и внѣ покоевѣ бреччанѣ какѣ гусли, сипукѣ словно отѣ каретѣ вѣ миліонной, шумѣ какѣ вѣ портовой банѣ. Словомѣ, во всемѣ домѣ такая поднялась сумошхо, чшо хопѣ свяпыхѣ вонѣ понесни.

Дѣшпи Воеводскія и сѣ нянюшками побросались отѣ госпей всѣ какѣ мыши по норамѣ — кому куда ближе. Воеводша вообразивѣ, чшо домѣ ихѣ посѣшили шѣ бесплошныя красавцы, безѣ коихѣ ни одна мѣльница не спроишся, ошгоняла ихѣ кресномѣ и молишвою; однако шце-пшо. Владыка дому самѣ ошоронѣлѣ; споншѣ какѣ изумленной, прошираснѣ себѣ глаза; ибо соложеное шѣбсечко оныя ему гораздо позасѣвшило --- о шлафоркѣ его шѣшѣ дѣла; говоряшѣ, чшо онѣ вѣ шонѣ же день велѣлѣ его ночи двѣ при-
для подновленія цѣвшу, попаритѣ хорошенько вѣ лукомѣ перѣлѣ. Но бросимѣ шакія маловажности, а

возвратимся лучше къ своимъ ниско-
поклонникамъ. — Пепромахъ еще
не вспалъ, только поворачивается,
какъ сыръ въ маслѣ; передъ у него
сѣ ногъ до головы въ тѣспѣ, спина
словно въ яишницѣ, а лицо не въ
примѣрѣ будучи, какъ у зарѣзаного
барана. Въ беспамятствѣ, хватает-
ся онъ руками по за затылокъ, по
пошираетъ себѣ лобъ, по поглажи-
ваетъ виски. Угаръ малымъ чемъ
его лучше; корчится, кривляется;
подуываетъ что по на руку, понав-
шуюся подъ лукошко, и легохонько
прячетъ ее за пазуху: сѣропѣмечкой
его кафтанъ, отъ разбитыхъ лицъ
сдѣлался блѣднопалевымъ: лицо какъ
у священника, такъ что и отецъ
родимой погда не узналъ бы его.
Соцкой Хванъ по же схватилъ на
калачи себѣ. Да правду малку ска-
занъ, доспалось и всѣмъ сестрамъ
по добрымъ сертамъ. Воевода прежде
всѣхъ отъ изумленія опаматовав-
шійся, не долго далъ поздравителейъ

своимъ, однимъ нѣжишься, а другимъ рошозѣишь — закричалъ: ей! — мало — свиснулъ, зазвонилъ — набѣжало, на- скакало, словно бѣшеныхъ — сказалъ, указалъ — начали, приняли, безъ разбору и бережи, кому чѣмъ ни попало, кпо черепьемъ, кпо яицами, и руками и пинками, кпо вѣ носъ, кпо вѣ зашеекъ, кпо орясиной по- слѣ дяди Герасима, и по ушамъ, и по плечамъ, крестили, глушили,, валяли, опдудавъ, шузили, доро- гихъ гостей подчивавъ, и прово- жавъ съ высока перема Воеводскаго. Кратко сказать; ихъ такъ хорошо вѣ епопѣ приснопамятной деніокъ у Воеводы угостили, чпо они ус- пилали домой неоглядываясь. Даль- нѣйшее описаніе сея пирухи, и чинъ возвратнаго шествія депу- татповѣ нашихъ восвояси, я оспав- ляю. Описывать сіе, значило бы ослабилъ воображеніе читателя.

Таковъ конецъ перваго дѣйствія.

ПОСЫЛКА ВТОРАЯ.

Р асказываютъ, что выше упомянутый воевода Щука, нѣсколько лѣтъ до Воеводства своего, жилъ въ Москвѣ; а для чего, ещо не извѣстно. Догадываются, что онъ старую икру изъ кармановъ своихъ выкидывалъ, чтобы накопить новой получше и побольше. Домочадцы его, или по тогдашнему Халун, которыхъ онъ привезъ съ собою въ Пошехонье, довольно на свой пай съ Баринѣмъ своимъ пополкали въ прихожихъ, и попоппали площадей Московскихъ. Они говорили о себѣ, что знаютъ всѣ входы и исходы, всѣ улицы и закоулки. Сии краснобаи Пошехонцамъ, которые на ошпскахъ своихъ почти выросли и далѣе лѣсу ничего не видавали, росписали свою Москву мапушку самыми лесными и поразительными красками, какъ въ про-

чемъ и быть бы надлежало. И для чего не такъ? Ежели что правда, то правда. Но эти насмѣшники плушты, глухарямъ Пошехонскимъ напѣли много іакого, чего и духомъ не бывало. На примѣръ, Ивана Великаго подняли они выше мѣсяца; Церквей наципали ровно сорокъ сороковъ сороковъ; и все вызолоченыя, какъ жаръ горящъ. Царь колоколъ и Царь пушка по ихъ словамъ были, какъ двѣ самыя большія Валдѣйскія горы; что палаты все бѣлокаменныя высокія, а улицы широкія; что шамъ валенцы валяются по улицамъ, квасы все медовые, какъ сына сладкіе, и пояшъ ими безданно, безпошлинно и проч. и проч. словомъ, небывалые Туземцы такъ заслушались гостей своихъ, что съ позволенія сказать, хощъ галка вѣрошъ влепи; а Орашорамъ то и на руку. Они отъ часу болѣе умудряются, или яснѣе, врѣшъ себѣ да повираются; благо

есть кому слушать. — Любопытство свойственное всемъ людямъ, не было чуждо и нашимъ Гоштенпошамъ. Закипѣла въ ихъ жилахъ молодецкая кровь, загорѣлись рѣпивы сердца. За нѣсколько предѣсимъ первостепенные, но малоимущіе знапки вкуса, думаю, не столько заботились о экипажѣ и убранствѣ, что бы блеснуть первое Маія за Калинкинымъ; не такъ, говорю, невидаль, зажившій корову, жаждущъ правы на будущее лѣпо: какъ добрыхъ нашихъ молодцовъ одолѣло, взяло непериѣиіе повидать золоты верхи Москвы бѣлокаменной. „Акѣ
„жо быць ребяци — надобецъ повид-
„зецъ енпакова бисера, гушарили они
„межѣ собою; спанемцѣ ко гадаць,
„акѣ бы намкъ сдѣлацься, да не
„даць промаху.„ Горою пѣхпурою
прогулянься? Пѣпѣ — ешо не дѣло.
На коняхъ верхомъ прокапаться?
И ешо что за выдумка? — Тхатъ съ

какими нибудь продуктами, или съ избытками своихъ издѣлій, продать излишнее, и на вырученные деньги закупить кое что нужное, а между тѣмъ себя показать, другихъ по-смотрѣть, и съ Богомъ домой воротиться? Такая мысль не пришла имъ въ голову; да правду сказать, она имъ и ненужна была. Ибо Московская шелкоперая Шука, (*) (сказывала пращуру, бабушкиному дѣду прапращуру, одна лѣтъ въ сошеньку съ походомъ молодца) шакъ спаралась о числотѣ, благоуспройствѣ и славѣ Пошехонья, что чрезъ мѣсяцъ ея воеводствованія по всѣмъ обывательскимъ клѣпямъ, житницамъ, хлѣвамъ и подвизбицамъ, все стало такъ гладко, шакъ вычищено, прибрано, словно ладонь на прикащичьемъ гумнѣ, хоть яицомъ по-

(*) О сей Шукѣ, желающій можетъ прочесть въ *пересмѣшникѣ* часть 5 стр. 211. А намъ описывать ее, нѣтъ слѣду.

капи. Развѣ уже кто по чрезвычайной лѣнкости не выносилъ всего сору изъ дому, а пряпалъ его гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Чего другаго, а неряхѣ пожалуй сыщешъ вдоволь во всѣ времена и вѣки. Однако же надобно сказать и то, что такихъ неопряшницъ при попечительной Щукѣ было очень немного.

Но о Щукѣ и неряхахъ на сей разъ довольно, коли не съ излишкомъ. „Какъ распадца съ родцимыми, какъ „пустидца въ даль дальную, на чужу „незнаму спаронушку, безъ проводника, безъ жожапаго, рассуждали „Новопросвѣщенные Московскими „выходцами любомудрцы, сбѣхавшись налегкѣ парами къ спароспаннымъ ворошамъ; идциъ такъ идциъ ушъ всѣмъ, молвилъ самъ, „а нейдциъ такъ нейдциъ никому, „сдобъ никому не было завидко. „Разумную сію сеншенцію не могло не одобришь разумное собраніе, под-

нтверждають ея , только все какъ
будно изъ подпалки. Ибо уже глу-
боко забрала добрыхъ молодцовъ
охопа молодецкая. Но на хопѣнъе
бываетъ и шерпѣнъе : и хочеться и
колепся, и набольшой не велипѣ.
Думають , умудряются отъ бѣлой
зари вплошь до сумерковъ; вѣспи-
лица разума прещаетъ онѣ на пря-
женія въ нихъ содержимаго ; но ни-
что не пособляетъ. И пакъ, подъ
исходъ оплагаютъ они опредѣли-
тельное и конечное сего дѣла рѣ-
шеніе до завшрся: ушро вечера му-
дренѣ , говорилъ имъ бывалый и
въ кольѣ и въ мильѣ Угаръ — уже
начали было совѣшники наши по-
шаркиванъ ногами, наровя каждой,
какъ бы ближе ко своимъ могучимъ
шпямъ ; какъ вдругъ проглядываетъ
красно солнышко, высовывается изъ
окна пеща староспшна *Вилатьевна*,
Лада и прорицалище Пошехонское,
и возговоришъ имъ словеса слѣдую-

ція: „Охъ вы гой есѣ милые мои
„дѣтѣшки! по пустому вы по напра-
„сному ломаѣте себѣ крѣпкія голо-
„вушки. Вы спросились бы прежде
„пожилыхъ людей — вы послушайте
„моево совѣту бабьева — вы взой-
„дишечко на гой, гой, гой, ударяющѣ
„гдѣ вѣ бирюль, люль, люль, ушѣ-
„шающѣ что Царя вѣ Москвѣ, Ко-
„роля вѣ Любѣ, старца вѣ кельѣ,
„младенца вѣ люлѣ. Вы увидите
„какѣ плапичку на лапчкѣ, Москву
„машушку золотины верхи.,, Сказавъ
сіе, пропала Оиладьевна, какѣ мол-
нія, слуховое окно хлопнуло. Зага-
дочка сія бросилась вѣ носѣ всему
собранію, не исключая и самого спа-
роспы. Но Оиладьевна для мила
дружка зяпюшка, недолго мучила
ошгадкою, развязала пунлявую свою
загадочку, копорой, такѣ сказать,
вся сила замыкалась вѣ помѣ, что бы
они смотрѣли Москвы шли на ко-
локольну. Получивъ шоль радостное

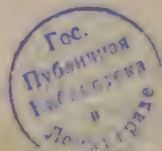
изъявленіе, соколы наши ясные, раз-
лешаюся по своимъ нырищамъ,
держа всякъ крѣпко накрѣпко въ
своей памяти, какъ бы наутріе не-
опоздать предъ своей брашьею. —
И лишь только начала показывать-
ся провозвѣстница дня, сбѣгаются
оповсюду къ колокольнѣ, словно на
бѣгу ударившіеся объ закладъ, въ
запуски. Тѣсняся, толкаются какъ
сумасшедшіе, давятъ другъ друга,
лѣзутъ, приступаютъ; всякому хо-
чется занятъ мѣстечко для себя
получше и покомодиѣ, дабы насы-
титъ лютое свое желаніе. Но то
удивительно, что изъ такого мно-
жества, не одинъ человекъ не дога-
дался забѣжать къ Церковному сна-
роствѣ за ключами, или позвать его
самого, чтобы онъ отперъ имъ две-
ри — прибѣжали, говорю, споятъ,
давясь, нажимаютъ, покрыва-
ютъ, но отойши отъ дверей никто
не хочетъ; всякъ боится, чтобы

не прозѣвать захваченнаго своего мѣста. Наконецъ кое какъ ключи достали; но до замка нѣтъ допору. — Уже и замокъ отпертъ — да двери не отворяются; ибо ихъ только что припираютъ — ходоки наши, отъ сильнаго запору или задору, бьются съ часъ времени и болѣе, но все на одномъ мѣстѣ. Подъ конецъ, входъ на колокольню открылся; ибо они силою своею дверь спугнули съ крючьевъ такъ, какъ ппичку съ гнѣзда. И тогда то колокольня, яко очарованіемъ ибкимъ, вѣдинъ мигъ наполнилась нещепнымъ множествомъ Астромоновъ. Иные изъ нихъ на полночь, другіе на полдень, прешьи на востокъ, четвертые на западъ, и въ верхъ на небо, и въ низъ на земь, пляшутъ съ просонья свои глаза; но далѣе предѣловъ зрѣнія ничего не видятъ; только что небо сошлось съ лѣсомъ, но сіе имъ было не въ диковинку; ибо ещо они видали и

прежѣ сего. Чѣмъ дѣлать? Епта-
кая бѣда, парень! Не ужели Филапъ-
свна спланетѣ обманываѣтъ, да и ко-
вожѣ еще? Спароспу, своего зяпѣ
любимаго. Нѣтъ, епому нельзя
спанѣся. Шупинѣ съ цѣлымъ мі-
ромъ неловко; у ево, знаѣтъ, какая
шея— такъ развѣ она сама какъ ни-
будь ошиблась въ умозрѣніи. Пусть
будетѣ такъ— по крайней мѣрѣ она
подала хорошую замашку. Въ тако-
выхъ прореченіяхъ ненадобно крѣпко
къ словамъ привязываѣться, но иногда
должно подразумѣвать и другое. Но
лихо найпи бы кончикъ, а до клу-
бочка добраѣся ужѣ можно. „Со
„звонарничѣ невидко Москвы умсп-
„вовали Филапъевнѣсны, для радци
„шова, сѣцо іона неволь высока,
„акъ бы іона была есцо повыше,
„шопѣ золошныя маковичѣ у насѣ
„не увернулись. И взабылъ ребяци,
„подхванилъ хванилъ бывшій шогда
„сѣ перелому опѣ восводскаго уго-

„щенія на коспыляхъ; а знайцѣ ли
„ребяци — вѣ бору — на высокоушѣ
„есь такія лѣсины, ажно ужасно
„на нихъ поглядѣць — еша звонар-
„нича, (показуя на колокольну) имѣ
„и вѣ дѣпіюныши негодзипця.,,
При сей остроумной его догадкѣ,
вдругъ всѣ ур-а-а ур-а-а — восклик-
нули отъ радости почиай такъ,
какъ поютъ черныя лебеди, когда
видятъ мучимаго на улицѣ ребя-
тишками пшенца своего. Теперь
много и долго думать нечево. Хватъ
намѣкнулъ, а шутъ ужъ и смѣкнули.
Сговаривались нечево; не надобно
ходишь по домамъ и собираешь под-
писки; всѣ охотники и всѣ готовы;
не кличь кликаешь, всѣ вѣ сборѣ —
забѣжали за шопорами, да благосло-
вась нука улизывать на реченную
высокушу вѣ запуски, одинъ друга-
го опередить стараюсь. Долго ли,
коротко ли такою выступью они
шли, только пришли. Скоро по

В

скаска сказывається, дане скоро дѣло
дѣлається — разгуливають по высо-
кушѣ, словно гончія, языкѣ высуня,
и куда одинѣ, шуда и всѣ за нимѣ.
Наконецѣ, выбраютѣ они лѣсину
самую высокую, елину спогодова-
лую, кудревасшую. — Не такѣ легко
и проворно, лакомые до меду мура-
вейники и боровики, взлѣзаютѣ на
борть, какѣ наши Мишиньки да
Михайловичи помахиваютѣ на ново-
обрѣшенную свою обсерваторію.
Уже двадесять или тридцать му-
жей щцаливѣйшихѣ и любопыт-
нѣйшихѣ, яко легкія сціуры, (векши)
уцѣпившись за сучья, сидятѣ на лѣ-
синѣ, подобно сычамѣ во всѣ спю-
роны поглядывая. Верхолазѣ на самой
макушкѣ, будпо соловей на яблон-
ной вѣточкѣ, качається, толькo что
не вослѣваєтѣ сладкихѣ пѣсенокѣ;
онѣ сидитѣ ни живѣ, ни мертвѣ,
кино говоритѣ, опѣ радости, что
на ешакую красу забрался, а другіе,

сирѣчь, кои по прощѣ, думаютъ, опѣспраху, что не зналъ какъ добратъся не сломя шеи до сырой земли. Но это примѣчаніе не важно. „Шцо вишѣ, вопрошаютъ его задніе? „Низги ребяци невидко, оприцѣ конча свѣшту, опвѣчаетъ онѣ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ. „Верхолазу повѣришь непрудно; ибо и другіе не больше его видятъ. „Сцо дѣлать? — Епо всю суцью провальною мѣшаецъ, а то акѣ бы невидѣць сѣ енипакой высопы? разсуждали они, вишѣ какая изѣзанихѣ плѣмень, словно вѣ подѣизбичѣ. Обрубимцяко суцью поплотнѣ, такѣ аось спанецъ повидѣе. „Разсуждено, обдумано, сказано, сдѣлано. Да такѣ и должно: *Diu delibera, fac cito*, (*) есть сшаринное мнѣніе — Вдругъ всѣ за попоры, сучья валящая, щепы лешатъ, спукѣ раздаеця. Что твоя кузнешная музыка? Жаль,

(*) Долго разсуждай, а скоро дѣлай.

что на епотѣ разѣ какого нибудь Пивагора не было. А для глазѣ какое открылось сокровище! всего нагладѣлись и насмопрѣлись — но Верховлазѣ первѣе всѣхѣ натѣшилѣ свою душиньку: уже онѣ по проворству своему успѣлъ спрыгнуть на землю, и шакѣ разбахвалился, что какѣ будто мышѣ на крупу надулся. Ибо не только глядѣть иль байшь, да и дышать ужѣ нижнимѣ воздухомѣ не хочетѣ. — „Ендакая спесь напала „на Агафоныця; акѣ повидѣлѣ Москву, кричали сѣ досады между „собою шѣ, коимѣ не удалось взлѣснѣ „на ель: ужѣ на насова брапа и взгля- „нудцѣ не поволишѣ; а ось ребяци „будзѣ и на насой уличѣ праздникѣ.„ „Бохвалѣ, удалъспивомѣ впорая особа по Агафонычѣ, подрубившій сучья, законѣ Верховлазѣ держался, слетѣлъ за нимѣ впорой; но и епотѣ не меньше предводишеля набрался Московской спеси; и пошому былѣ его

не привѣтливѣе. За сими главными балансіорами соскакивали и другіе, поодному, по двое, и по шрое вдругѣ, кѣпо лбомѣ, кѣпо запылкомѣ, иной плашмя, другой навзничъ, кѣпо на камень, кѣпо на пенѣе, иной на лежащую братію, кому какѣ случилось, или вздумалось. И хопя въ каждомѣ изъ нихѣ, до послѣдняго Фалалеича, примѣтно было со стороны чванство и жеманство, только въ разныхъ степеняхѣ, судя по степени возвышенія. — Бездѣлица вопѣ кажется, а какѣ можетѣ испорчить человѣка. Болѣе двухѣ десятковѣ удалцовѣ, слазившихѣ на ель, такѣ загордились, что не захопѣли и домой пѣшкомѣ ити; а другіе и со всемѣ не глядѣли на свою братію: неси ихѣ на рукахѣ, или вези на коняхѣ; изволь съ ними пестоваться, какѣ хочешѣ, а сами ити не изволяшѣ, ужѣ будѣпо и Богѣ вѣсть, какѣ успали да уломались; а шово

не воображаютъ себѣ, что было бы еще кому съ ними возишься. (Здѣсь оканчивается *второй подвигъ*.)

ПОСЫЛКА ТРЕТЬЯ.

Не даромъ пословица говоритъ: первой блинъ всегда комомъ. Испинну сего изреченія ясно видѣть можно на воспѣваемыхъ мною Выпязяхъ. Они съ Филапьевными гоями, люлями и бильюлями поступили шочно такъ, какъ добрые домоводы поступаютъ съ первыми телятами. И должно къ похвалѣ ихъ признаваться, что сей поступокъ ихъ доказываетъ особливую дѣятельность и проницаніе ума ихъ. Ибо держатся упорно одного мнѣнія, не считаеся знакомъ разумаго человѣка. Такъ — самая острая замашка Хватова, послѣдствіемъ своимъ показала для нихъ не такъ по замашисна. Число послѣдователей тол-

ку его, сперва шоль горячо опто всѣхъ пріятному о високушѣ, опѣ часу спановишся менѣе; разномыслящія стороны раждаюшѣ всеобщее кѣ нему недовѣріе. Ропотѣ и неудовольствіе возобладали всѣхъ сердцами. Словомѣ, они не довольны ни елиною, ни всею високушею. Первая по наученію добренькихъ спарушекѣ, срублена уже подѣ самой корешокѣ, какѣ ивушка боярами ѣхавшими изѣ Новагорода; да и послѣдней красовапѣся оспаеишя недолго. Будущею весною положено еи всю огнемѣ выпалишѣ, что бы она впредѣ не соблажняла. Чпожѣ оспалось начашѣ удалымѣ добрымѣ молодцамѣ? — Однако пожалуйте не опчаявайшесь; я вишѣ сказалѣ, что они на выдумки собаку сѣѣли. Да полно на что имѣ вновь ломашѣ головы? У ихѣ, братѣ, и спарыхѣ выдумокѣ на свой вѣкѣ будешѣ полно. Топѣ — ой неплюй вѣ колодезь, авось

приведется когда водицы испить. Какъ сперва предлагали имъ, что бы они изъ опечесства своего не облѣнились крянувшись въ Москву своими особами, то они и слышатъ сего не хотѣли; какъ необбѣзженные кони со всемъ подъ лады не давались, а теперь когда пришло въ ступикъ, что нѣкуда спустить, то всѣ до послѣдней души рады, хоть бы сикомъ промяться для обозрѣнія красотъ Московскихъ; а другіе говорятъ, будто для прокормленія себя работою съ плакатными, коли тогда были. За достовѣрное я не утверждаю ни того, ни другаго, хотя первое кажется и вѣроятнѣе. Въ прочемъ, какъ бы то ни было; они выспустили небольшою вапашкою, соспоящею ровно изъ сорока паръ, только подобравшись все молодецъ къ молодцу, одинъ другава лучше да краше, для запасу вѣдашь, что бы какова пора ни время, было кому

постоять. — Браво, ребята, съ Богомъ! щасливой вамъ путь! — Только вопъ чпо не ловко, чпо они пошли не пою дорогою, по еспъ, чпо бы ипи прямо по носу, они пуспились понемуже, но переворопившись. Однако ето еще бѣда не сама пуща: языкъ до Кіева доведетъ. Довольно, чпо они скоро собрались. Имъ не надобно было для дороги шово, сево, другова, прошчева, пятова, десятова, какъ нынѣ еспъ обычай. Прицѣпили за плеча по береценому кошельку, въ руки для куражу взяли по вязовой проспчкѣ съ железными наконешничками, чпо за медвѣдями ходяпъ. Присѣли на лавки, Богу помолились, съ домашними плаксами простились, и въ дороженьку такъ быспро пуспились, какъ будпо съ цѣпи сорвались. Тѣликимъ одержимы они были желаніемъ и неперпѣливостію! говоришся же, чпо охота пуще неволи. —

Ну-у! вотъ тебѣ на! что я съ
рассказами своими наспрягалъ! —
вишь я спрансповователей своихъ
упустилъ изъ виду вонъ — поспой-
те пожалуйста г. чипатель и слу-
шатель! дайте мнѣ ихъ нагнать,
а то они епакъ пожалуй и со всемъ
пропадутъ у насъ — вонъ шамъ вѣ-
дали что то шемѣется! не они ли
ясные мои соколы? По головному убо-
ру кажется они — такъ — они — ле-
пяшъ какъ на парусахъ, благо еспъ
повѣтеръ — имъ нужды нѣтъ, что
не по тому румбу рубяшъ. Ну —
Слава Богу! я ихъ почти нагналъ,
слышу — епо ихъ рѣчь важная и
громкая — вижу — ихъ выпупка мо-
лодецкая, осанка журавлиная — они
— точно они. Сердце у меня пере-
стало биться. Теперь, пожалуй пе-
кише вѣ путь Исполиновѣ пасыны
Улисовы; не робѣйте, что васъ не
руководствуетъ Минерва вѣ видѣ
того Мантора, которой называетъ

ся свой Царь въ головѣ. Если бы епомѣ вожатой всегда былъ съ вами, то бы вы не были мои, и чипателей вашихъ Ирои.

Пока я давичь калякалъ на одномъ мѣстѣ; а они съ горяча алпынѣ на сороковину опмахнули впередъ показаннымъ выше сего практомъ. Въ первой день ничего доспомятаго съ ними не приключилось. Однако коли ужъ рассказывать, такъ не надобно шайть ничево. Завтракомъ укрѣплялись въ пущь по своимъ домамъ; гдѣ обѣдали, я прозѣвалъ съ разказами, полдничали свѣжую уху съ домашними бисюишами, а вечеряли въ госпинницѣ по тогдашнему, а по нынѣшнему на постояломъ дворѣ, или въ харчевнѣ. Къ счастію ихъ хозяинъ попался человѣкъ доброй и ласковой; захожихъ людей напойлъ, накормилъ, чемъ Богъ благословилъ, постелю разослалъ и спать укладъ — но ешихъ ночлежничковъ,

не бось не проведешъ, и алтыннаго за грошъ не выпоргуешъ. Ето ребята, что называется, сами себѣ на умъ — они наслышались еще дома, что по большимъ дорогамъ вообще, а особливо на ночлегахъ, часно случается воровство и душегубство. И потому, не со всемъ довѣрясь Господину дома, изъ предосипорожності расположились лечь спать такъ, чтобы и ноги были вмѣстѣ и головы вмѣстѣ, то есть, на полу въповалку кружкомъ; кошельки свои вмѣсто изголовья положили себѣ подъ головы, прости подъ пазаху, фраками одѣлись, а обувь срыли всю въ ноги — и такъ шумъ взявъ нечево; хошъ бы что приди: все такъ поддѣлано, подспроено: что нельзя безъопасности допронуться до нихъ волосомъ — не множко — такъ потчасъ всѣ вскочашъ. Еще чудо, что они, какъ журавли, не заставили во время сна для безо-

пасности своей одного изъ вапаги
панцовать на одной ножкѣ—легли—
покалякали, поболтали, отъ уста-
лости заснули. Хозяинъ, какъ во-
дится, легъ спать послѣдній, а
всталъ первой. Наупрѣе по обыкно-
венію, будишь онъ своихъ ночеж-
никовъ, и съ добрымъ упромъ при-
вѣспивуетъ. Лучина въ свѣщѣ
пылаетъ—дорожные наши потя-
нулись, но кое какъ вспали, все
свое добро нашли цѣло, только
ноги во снѣ какъ будто растеряли.
Ибо они такъ ими перемѣшались,
что какъ дошло до обуванья, то
всякъ на мѣсто своихъ, обувалъ
ноги другаго. Да и въ самомъ дѣлѣ,
какъ ты ихъ расберешь въ ешакомъ
множествѣ? Однихъ головъ сорокъ
паръ, а ногамъ та ужъ и смѣш-
ныи. Сидяиъ на полу, какъ куры
на насѣсти, побахоривають, хло-
почуть, бранятся, кричатъ другъ
на друга, а на прямой ладъ никто

не попадешѣ; хопѣ не вешавашѣ, а ногѣ самимѣ не сыскашѣ. Дома у всякаго были однѣ свои, а шупѣ и чужія замѣшались. Гостепріимецѣ, мужикѣ сѣ природы веселой, сперва долго любовался симѣ зрѣлищемѣ; но какѣ дѣйствіе было безѣ развѣски, то оно ему подѣ конецѣ нѣсколько понаскучило. Почему изѣ добродушія своего онѣ взялся самѣ развязатѣ предспавляемую вѣ домѣ его арлекинову піесу, и предложилѣ гостямѣ: „что вы, рабапа, мнѣ да-„дите? я вѣ мигѣ покажу каждому „изѣ васѣ свои ноги. — Охѣ ты „кормилецѣ нашѣ, ази сѣо хопѣ, „только насѣ радзи Бога помилуй., Ибо они воображали вѣ себѣ, что все еѣто дѣлаеишѣя можеишѣ быть не сѣ проста, и что шупѣ еѣсѣ какое нибудѣ дѣвольское навожденіе. „Ушѣ не ціомная ли вода на насѣ „напущена, перешепшывались они? „Хозяинѣ былѣ мужикѣ проспой,

не догадливой, и сверхъ того не корысплюбивой, госпи же его, хопя граждане и съ расчопомъ, однако и съ денежками. И попому сговорились скоро, а имянно, съ каждыхъ двухъ паръ ногъ по осьми съ копѣйкой. Условившись такимъ образомъ домоначальникъ вышелъ на дворъ, и ѳемного погодя возвратился опять въ избу, держа въ рукахъ одинъ изъ пѣхъ волшебныхъ прущиковъ, между коими лошадей въ деревенскомъ былу впрягаютъ, обошелъ ихъ ипри раза вокругъ, очертилъ, зачуралъ, и велѣлъ всѣмъ лечь по прежнему, Когда ночлежники его прикурнули, шо онъ, для опшращенія колдовсшва, сперва окашилъ ихъ съ песта ушатомъ, а попомъ волшебнымъ своимъ прущикомъ со всего плеча началъ по ногамъ ихъ такъ поспегивать, чпо визгъ пошолъ, словно свиней прицимаютъ — по словамъ хозяина поперя нашлась дѣйствительнѣе въ

мигѣ. Всякому свои ноги показались ближе къ колѣнкамъ, слѣдовапельно къ рукамъ и глазамъ: одно чувство помогаетъ другому; какъ то здѣсь осязаніе зрѣнію. Видно, пущѣ нашла коса на камень. Сіе я говорю о обвороженіи и о хозяинѣ, которой умѣлъ опворотитъ оное. Радостные ночлежниковъ вопли: ой-ой-ухъ-у-аа-ей-й! всполохали всю деревню. Сосѣды сбѣжались на крикъ; но выслушавъ дѣло онѣ могучаго хозяина, не могли удержаться онѣ междуметій ха! ха! хи! хи! шакъ, чпо чупъ не надорвали своихъ живошиковъ. Такой веселой былъ конецъ сей драммы! — вѣ часѣ же не простиго сего хозяина, да будешъ мнѣ позволено сказать еще и то, чпо хопя бы у гостей его было по спольку ногъ, сколько у полиповъ, или сколько на головѣ волосковъ, по и тогда бы онѣ скоро переценилѣ ихъ жезломъ своимъ. Такъ ясно

и ощутительно разрѣшилъ онъ сіе
запрудненіе. Словомъ, піеса разѣ-
играна весьма удачно; всѣ обулись,
оболоклись; только какъ дошло дѣло
до восьми съ копѣйкой, то опять
вышли было нѣкоторые хлопотышки
въ разсужденіи расчоту; но добро-
душной хозяинъ и въ семъ случаѣ
не осмавилъ ихъ своимъ вспоможе-
ніемъ. Денежки опщипаны сереб-
рецомъ; и госпи какъ послѣ доброй
бани, наломившись холоднаго квасу,
изъ избы на дворъ, со двора на у-
лицу гусемъ, только выступая по
ушиному; то естъ: приковыливая и
припадая, кто на правую, другой
на лѣвую, а нѣкоторые и на обѣ
лапки. Ворчатъ, серчаютъ, бранятъ
хозяина, проклинаятъ домъ его въ
шаръ шарары; хопя по настоящему
надлежало имъ всю вину взворо-
тпшъ на себя самихъ, или еще
лучше на свою гл. боюсь вы-
молвишь, что бы не вспунили за

покойныхъ нашихъ родспивенники—
однако ладно ребяна! епо еще не
великое зло. Въ дорогѣ мало ли чево
бываешъ: на все не усердишся. Чпо
мучишъ, для переду учишъ, гово-
ришъ пословица; полько я незнаю,
пригодна ли она для васъ. Вижъ
вы какіе, проси Господи! Ужъ
сблишкомъ некъ спаши умничае!те!
на васъ никакъ угодинъ нельзя —
добро, спупайше ко сѣ Богомъ да-
лѣс, а мы опѣ васъ какъ опѣ дяди,
не опспанемъ ни пяди.

ПОСЫЛКА ЧЕТВЕРТАЯ.

И такъ — идушъ наши добры мо-
лодцы пушемъ дороженькой, куда
глаза глядяшъ — пусшимся и мы,
любезный чипапель, за ними. Не-
далеко опѣ дороги, шагахъ етакъ
во сшѣ, видяшъ они такой большой
камень, какъ хоромину; снопы ихъ
оспанавливаюшся при семъ видѣ.

ніи, чудятся громадѣ, и любопытство подспирѣкаетъ ихъ ондашь поклонъ сему прародишелю булыжной породы. Солнышко тогда капилось прямо надъ ихъ головами; и пупники, послѣ поминушаго чаю, еще ничего не вкушали; развѣ кпо идучи сзабалъ пяснку другую полоконца, или сжусперилъ нѣсколько сухариковъ; но епо не вѣ чопѣ. И шакъ они расположились у камня перехватишь вѣ пупную; усаживаюпся при подошвѣ его вѣ кружокъ. Обѣдъ у всякаго свой за плечами; похлѣбка прилучилась некупленная. Дѣло со всемъ вѣ шляпѣ; развязываютъ свои копымы, и лишѣ шолько было закусъ, чпо зовешся разбойникъ, какъ вдругъ предспаешъ имъ чудище, недомовое, (сего они можешъ быть не шакъ бы исполохались) а лѣсовое, или по проспу лѣшій. Вѣ лѣсу казался онъ наровиѣ съ лѣсомъ, на полянкѣ равенъ съ правою, шакъ

чпо они его прежде и примѣтитъ не могли, а съ людьми, то есѣ, подошедъ къ нимъ, какъ словно человѣкъ. Епакѣго лукаваго оборотня нанесло! прошу не погнѣвашься; у спрахѣ глаза велики и дальновидны — одежда и шапка на немъ была, какъ луково перье, зеленымъ зеленешенька; опояска чорная широкая, ну самая черпѣвская, съ побрякушками да съ громушками, утыкана вся чемъ то какъ гвоздемъ; а въ рукахъ такая, такая палцына; чпо какъ повернетъ ее и приложитъ къ глазу, то изъ нее, словно изъ какой пропасни, вдругъ огонь и дымъ выскочитъ съ такимъ спрашнымъ громомъ, чпо можно оглохнутъ челоуку, а бѣдныя ппѣхи онъ одного духу замершѣо такъ и валяшья на зѣмь. Ето все они видѣли сами, своими глазами — Между шѣмъ лѣшій все къ нимъ ближе, да ближе. „Ахци! Ребѣци, куды намъ дѣвѣдѣца

„згибли мы, пропадціомъ всѣ не за
„дценешку; сбѣспѣ, перебѣспѣ насѣ
„всѣхѣ и сѣ косками.— Охѣ провалѣ
„бы цѣ побралѣ окояннова! — про-
„вались сквозѣ сыру землю — аминь,
„аминь, разсыпся.,, Но не пото-
было; чудовище ни проваливается,
ни разсыпается; а прямо на нихѣ
такѣ и ломитѣ. Ну! пришолѣ по-
послѣдній конецѣ! Спранспивующіе
рыцари споятѣ какѣ приговоренные
кѣ висилицѣ, не смѣютѣ поворох-
нуться, успремивѣ глаза свои всѣ
кѣ одной точкѣ зрѣнія: Такѣ овцы
глядятѣ на волка, приближающагося
кѣ ихѣ спаду; волосы у всей нашей
чесной компаніи, какѣ доброй и не-
обѣѣзженной конѣ, вспрыгнули ды-
бомѣ, шапки сами собою, коя на
бекрень, коя на земѣ; руки спали
какѣ не свои, онѣмели — ноги слов-
но ходули, или на конькахѣ; под-
жилки готвянся будто горюна
махнуть — подергиванія во всѣхѣ

частяхъ пѣла — души хопятъ пре-
жде времени изъ упробы выскочить
— за кожей подираетъ — въ глазахъ
шешетъ — словомъ, какъ будто
сполбнякъ нашолъ — етакъою при-
япной предспалъ предметецъ! Но
чтожъ послѣ ошкрылось? — Вмѣсто
лѣшаго приняли они спрѣлка изъ той
деревни, гдѣ ночевали, или по наше-
му егеря, только не такою, какихъ
бывало у насъ спавливали на за-
пяпки, въ шитьѣ, да позуменпахъ
сѣ перьями. Тотъ былъ одѣтъ по-
просу, какъ ходящъ на егерскомъ
дворѣ, ходилъ по лѣсу, и спрѣлялъ,
что попадется. Ну! да кабы еще
догадало его хорошенько пошутить,
тобы онъ сѣ ешою дичью, не пло-
ше болошнихъ куликовъ, свигралъ
изрядную комедию! Однако благода-
ря Бога, онъ шакъ просто и ласково
обошелся сѣ побѣдными нашими
пшахами, что они по острошъ
своей сѣ двухъ словъ признали его

за подобнаго себѣ, и помалу начали пооперяиься. Куда подумаешѣ дѣвался давишній сѣ большими глазами? — И шакѣ слово за словомѣ, рѣчь за рѣчью, пошли дружескія раздабары. Уже лѣшій и проидоши наши обходяпся между собою за панибрапа, безѣ чиновѣ, какѣ будио вѣкѣ вмѣстѣ жили: вошѣ что дѣлаешѣ знаніе свѣпскаго обхожденія! — Моженѣ быиь деревенской егерь ласковостію своею и наружною простотою, шо еспѣ, подѣбѣхавши лисой паппракѣвной, думалѣ у роскопеспвующихѣ на зелени что нибудѣ выигранѣ вѣ пользу своего желудка; и если епо шакѣ, шо онѣ больно ошибся? кромѣ кроюхи хлѣба и сухарей пощечиншся шупш было не чемѣ; а прогоняиш крохи и безѣ ихѣ милоспи ни кому незапрещено. Но что намѣ до снго, какѣ дѣло происходило, шакѣ пусиш и будешѣ. Сшрѣлокѣ попрозьбѣ сихѣ

новыхъ своихъ друзей, показалъ имъ дѣйствіе своего ружья и силу пороха; предъ глазами ихъ зарядилъ, выпалилъ, и къ смертельному всѣхъ удивленію, застрѣлилъ летѣвшую мимо, сороку бѣлобоку. „Топто дци-
„ковинка, ну парень, ну рабенокъ,
„ну Ванюха, ну Мишуха, перешеп-
„шывались они межъ собою.„ При-
спали, да привязались, какъ смола къ егерю; одно продай, да продай имъ ружье. Спрѣлокъ на неоп-
ступную ихъ прозьбу соглашается, только меньше десяти рублей за ружье свое взять нехочетъ. „И—
„кормилечь! — Ето больно чѣнно—
„нелзяли по меньше; азмико съ бра-
„па по круглецку (по серебряному рублю) а — ы — полно — слышъ оз-
„ми — давакося руку — ну сцо ли —
„шакъ?—„ Спрѣлокъ былъ человѣкъ сговорчивой, окинулъ купцовъ своихъ глазами, смѣкнулъ про себя, и хотъ мало дѣло спохватился, да ужъ,

думалъ, поздно, такъ и быть: и такъ
вмѣсто одного десятика безъ дальней
прозъбы взялъ восемь по числу на-
шихъ пушешеспвовапелей. Но какъ
у него пороху и дроби оставалось
вмалъ, то онъ научивъ ихъ, какъ
сѣ показаннымъ експрументомъ об-
ходиться, подружески совѣпвовалъ
имъ, поберегать оныя для необхо-
димаго случая. Торгъ и щотъ кон-
ченъ. Проспились, раскланялись.
Тотъ пошелъ своей дорогою, а на-
ши своей, радуясь отъ всего серд-
ца, что проспика какъ рыбку на
уду поддѣли, и за толь бездѣльную
цѣну, выманили такую вещь до-
рогую; и въ спранспвованіи своемъ
какъ отъ человѣка лихова, такъ и
отъ звѣря лютаго, для спасенія себя
необходимую. Ибо спрѣлокъ не за-
былъ располковать имъ всѣхъ слу-
чаевъ употребленія ружья въ свою
пользу. А что бы они сѣ лишкомъ
не беспокоились, что пороху и

дробѣ у ихъ немного (хотѣли они въ радостяхъ и за суетнами обѣ еиномъ и не думали) онѣ опкрылъ имъ за тайну, что эти вещи сѣянiемъ можно развести, сколько угодно, и даже показалъ имъ, какимъ образомъ засѣвать оныя должно. Онѣ увѣрилъ ихъ, что порохъ росыши слово въ слово полевой макъ, а дробь какъ мышачій горохъ, присовокупляя, что давъ хорошенько созрѣши симъ сѣменамъ, сиошишь только ихъ высушишь, сколько можно суше, то естъ: такъ какъ они шеперь видятъ, а что уже оныя силу и дѣйствiе свое сами покажутъ. Истинное протосердечiе всему вѣришь благодушно: „Ето непокупка, а на-
„ходка; кладъ Богъ послалъ намъ,
„разгущаривали они между собою
„идучи по дорогѣ „ Идутъ, но неидется. Какъ бѣсѣ за полы подергиваетъ: хочется попробовать; хотѣ бы разикъ, да самимъ выпрѣшлишь.

Нужды нѣтъ, что пороху и дробу мало — уже они пришли домой неспеша ни о огородах, да цѣлыя поля ими засѣютъ. Топто буденъ славно; только пострѣливай, да попадавай. И такъ оспанавливаются они среди дороги; давай — подавай — ну съ ружьемъ нянчнться да песпаться, пороху и дробу въ дуло всыпали всякой по щепоткѣ, приговаривая: „и моя копѣйка нескербана;“, Пыжъ прибили общею силою о лѣсину, пороху положили на полку по свойски; курокъ взвели, какъ рядъ дѣлу, только приложись, взвеси собацку, такъ и весь опытъ на сторону. Но поспойте — они еще невыпалили; думаютъ, какъ бы зарядъ не пропалъ; хочется побольше сберечь на сѣмена. Трое держатъ ружье — малка вагаги наводитъ глазъ, прочіе распахивъ пригоршни спановятся противъ дула, дабы не проронишь ни одного зрънышка;

Остальнымъ же, какъ не столь ловкимъ и проворнымъ, велѣно стояшь поодаль, и не въ свое дѣло не соваться. Уже данъ знакъ къ выстрѣлу. Громъ и молнія послѣдовали въ одинъ мигъ, такъ что сами стрѣлки того не примѣтили. Человѣкъ полдесятку изъ авангардіи дробь нашла глазами и просадила столыцы разума. Семеро явилось со сквозными руками, четверо безъ языка, а безъ царапины изъ дѣйствующихъ лицъ ни одного не осталось. У самой мапки, какъ то ненарокомъ поотшибло плечо; бровей у ней какъ не бывало, а усы и борода завились, словно были припечены въ бумашки; лицо подернуло густою синевою; изъ подбородка торчитъ заноза безмала не въ поларшина. Словомъ, еслибы не произительной ея голосъ, то дѣшкамъ, коимъ было не до другихъ, во все не узнать бы ея. Ружье отъ шоль

искуснаго и соразмѣрнаго заряду
разорвало въ дребезги; только де-
нежки даромъ заплачены. Уцѣлелъ
одинъ железной спволъ, да и топъ
отлепѣлъ шаговъ на дваццать въ
сторону. Но проидоши и тамъ на-
шли его и не бросили, а сказываютъ,
догадало ихъ упошреблять его въ
случаѣ жажды, вмѣсто ливера. Витъ
умудришь же Господь человѣка!
Топъ выдумщики, проказники по-
койники, не пѣмъ будь помянуты;
и синему пороху не дадутъ про-
пасть даромъ: все какъ то умѣютъ
обращать себѣ въ пользу и удо-
вольствіе. Однако они теперъ про-
хлаждаются еще на дорогѣ; правда
иные поопползли съ оной къ спо-
ронкѣ; другіе бродятъ, какъ луна-
шки: но всѣ для компаніи дума-
ютъ ночевать на мѣстѣ своихъ
подвиговъ и славы, а можетъ быть
и еще день другой путь прова-
ляются. Мѣсто толь славнаго под-

вита имѣ хочеться ознаменовати ка-
кимѣ нибудь профеемѣ, да и дѣльно.
Убіенныхъ оружіемѣ безѣ брани
надобно похоронитѣ, а между тѣмѣ
и самимѣ нѣсколько пооправитѣ
и пооправитѣся; а свѣстнова своего
у нихъ сипанетѣ еще на долго, ко-
ли шолько чпо пойдетѣ имѣ въ
горло послѣ такой передраги.

ПОСЫЛКА ПЯТАЯ.

Когда искусившіеся такимѣ обра-
зомѣ въ сирѣяніи наши егери
опидавъ послѣдній долгѣ своимѣ со-
путникамѣ нѣсколько пооправились;
то не укоснили продолжанѣ пред-
пріянаго своего сипранспвованія. —
Наконецѣ приходятѣ они кѣ одной
рѣчкѣ — время было обѣденное; сіе
я говорю по шому, чпо въ кишкахѣ
у нихъ проголодавшіяся собаки поды-
мали лай съ ужаснымѣ ворчаньемѣ

и воємъ. Успалосишь, предѣлѣ сухаго
пуши, доброй позывѣ къ пищѣ, при-
линосишь мѣстоположенія, прохлада
воздуха, красота окрестныхъ видовъ,
чистая и студеная вода, все скло-
няло пушниковъ къ оподохновенію—
и шакъ сядяшся они на крупень-
комъ бережечкѣ, на жолпенькомъ на
песочкѣ; и коль скоро усѣлись или
возлегли, то прежде всего руками
своими цапъ царапъ за сѣбѣстные ма-
газины.— Здѣсь должно замѣшпть,
что по сіе время каждой изъ нихъ
держалъ свой сполъ особливой; но
тутъ сложившись они въ складчину
хошяпъ угоповать общую шпанезу,
и помянутъ хорошенько усопшую
свою браптію. У нашихъ всегда шакъ;
ужъ коли вздумаюпъ заварипъ кашу,
то непожалѣюпъ масла. Распепли-
ваюпъ кошели; всякъ изъ своего
вынимаспъ добрую горспъ шолокна
и соразмѣрную щепощъ соли.— Но
какъ споловой и поваренной посу-

суды у нихъ на епотѣ разѣ не случилось съ собою, то и разсудили они наболпашъ и намѣсиль полокна въ рѣкѣ. (*) И какъ же ихъ угораздило? — Нарубили, или наломали, епо все равно, сучья и прупнягу, комли очиспили, концы обвосприли, и зашедъ по поясъ въ воду, обгородили ими сиполько мѣспа, сколько для болпушки и мѣшонки имъ было надобно. И должно признасться, что епіа выдумка будепѣ поглаже всѣхъ плошинъ бобровыхъ. — Соли положили, полокна всыпали, маслица подпуспили; только замѣси, да и въ ропѣ понеси. Да вопѣ чпо плохо? Они не догадались, чпо часпоколь ихъ, или лучше полоконной садокъ, былъ съ лишкомъ неплешенъ, и чпо вода не спояла на одномъ мѣспѣ.

(*) Чпо Ирои мои мѣшаютъ полокно не въ пролуби, а въ открытой рѣкѣ, Чпашель да благоволишь меня въ семъ извинить; ибо Ирои мои не зимою, а лѣтомъ совершаютъ се путешествие.

Мѣшають, болшають, и того и
другаго снадобья прибавляють, оп-
нѣдывають; но все вода водой, ни
солоню, ни смачно, полоконю и
не пахнеть. „Сцо ребяци за чудо?
„Ивашко! ты плавадць по маспе-
„рюга, подзи ко брагѣ, говориць
„второй по мапикѣ, шуды, (указы-
„вая вверхъ рѣки) дальше, да глядзи
„дальше въ глыбѣ, вижѣ шупкосѣ
„ни цемѣ цево нѣшу, полокончо и
„масличо нашо вѣрно сѣли гдзѣ ни-
„буць на дно, поглядзи, да слухай,
„хорошенько глядзи, нашодцы за-
„мѣси, да чурѣ намѣ сюда принеси.,,
Ивашкѣ въ незнакомѣ омушѣ ку-
пащся не хошѣлось; спалѣ было
нѣкащся, онговариващся, но по
пустому: у насѣ коли чесь не взяла,
пакѣ раба Божія и силкой пропу-
ряшѣ. Да и дѣльно; ибо ешо дѣ-
лаещся не для прихоти; но общая
всѣхъ польза и нужда того пре-
бустѣ—приспрючили Ивашку такѣ,

что парень бѣдной не хотѣя долженъ былъ согласишься. Но чтобы ешотъ въпреница ихъ не обманулъ, глядѣлъ больше въ низъ, а меньше зѣвалъ по верхамъ и по сторонамъ; то они связавъ двѣ или при опояски, право не упомяну, вмѣстѣ, на одномъ концѣ сдѣлали глухую петлю, накинули ему на шею, а къ другому прикрѣпили для равновѣсія пуда въ два камень, взяли Иванку на руки, взошли съ нимъ по горло въ воду, раскачали, размахали и бросили онъ себя сажени на три въ глыбъ. Иванко поплывъ на дно, какъ каменной, только и видѣли. Глядятъ, посматривающъ на то мѣсто, гдѣ онъ нырнулъ; но одни только бульки и пузырьки выскакивающъ. По признакамъ симъ заключили они, что посланный ихъ, осачивъ замѣшанное сообще толочно, одинъ изволивъ его покушивать; почему и ониравили къ нему такою же мане-

рою нарочнаго, зваць его поскорѣ
обѣдать вмѣстѣ, и сказать ему,
что у нихъ уже все готово; но и
сей посолъ на ногу былъ не легче
Ивашки; ибо вмѣстѣ съ нимъ при
сѣлъ упираеть мѣшочку. — „Цай
„парень, говорящъ они, изъясняя
„пскущею изо ртовъ слюною свой
„сильной аппешипъ, у ихъ цѣперъ
„только за ушамъ пищиць; а мы
„хлопай ешпось глазамъ: ендакіе
„воры! добро — развѣ имъ невыход-
„зиць — „ между шѣмъ по образу
первыхъ посылають они шрепьяго,
чешвершаго, пяпаго; но ни кто не
возвращаешся. Чшо дѣлать? Опоя-
сокъ оснаешся мало; да и шо всю
шакая дрянь, что сами въ рукахъ
рвутся, а попянушь покрѣче и
не думай; веревокъ же въ запасѣ
нѣшъ; кабы все ешо знапо да въ-
дано, шакъ бы не шо и было — а къ
шому же и людшва при разныхъ
акціяхъ кое поубыло, коихъ понзу.

вѣчило, такъ что почши и возитъ-
ся съ послами нѣкому. Спраши-
вають охотника лѣсъ въ воду;
но понушъ нѣшъ ни одного воспря-
ка на выскачку; а все провальная
пешля спращаетъ. И такъ видно
ешому добрецу пропадешъ не за де-
нежку — такъ и бышъ — пришло
оспавишъ посылашъ запыхъ, а то
пожалуй епакъ и всѣ въ омушъ за-
сядушъ, благо мягко — захопашъ,
такъ сами безъ зову придунъ, не
велики господа. И вѣспимо дѣло
такъ — что понапрасну мучишься
и суешишься? — Сѣли, пообѣдали,
хотя и не такъ сладко и плошно,
какъ было думалось; однако насы-
пились: голодной волкъ и завершки
рвешъ. Въ ожиданіи же водолазовъ
своихъ прилегли на правку муравку;
ибо они воображали себѣ, что не
бось и шѣ, пообѣдавъ шже опды-
хающъ. Послѣ такихъ шрудовъ за-
снулось сладко; инда слюна изъ ршовъ

побила. И они проснулись уже тогда, когда другіе спать собираются; по ешь, на закапѣ краснаго солнышка. — Зѣваѣ и мѣшкаѣ по пустому шупѣ не станушѣ: семеро одново не ждушѣ. Надобно какѣ нибудѣ, пока за свѣшло пробираться за рѣку. Мосту нѣшѣ, перевозу не бывало. Вотѣ шупѣ по надобно придумаѣ, да пригадаѣ. Но кому другому изобрѣшаѣ кажешся шрудно, а нашимѣ ребятамѣ сущая бездѣля. Имѣ не занимаѣ спало разума; выдумки всегда топовы, да и еще сѣ придумками. Пошли вѣ лѣсѣ, свалили добрую лѣсину, сучья подчисти́ли, макушку кое какѣ опчакрыжили, взвалили на могу́чія свои плечи, припацили на берегѣ. Вотѣ ши и все дѣло почишай вѣ шляпѣ. Оспаешся только спустишѣ да сѣсть, такѣ и считай нашихѣ на той споронѣ. — Спустишѣ лѣсину на воду, скольбы она огромна ни была, нѣшѣ ни

какой¹ мудрости ; епо пожалуй и всякой сдѣлаешъ , была бы только сила. — Уже и у нашихъ новоизобрѣщенной поншонъ скаченъ въ воду, плаваешъ по верху и не тонешъ. Да какъ шы сѣспъ ша на него прикажешъ ? Онъ такой верпявой , словно бѣсѣ поверпывается. Однако должно какъ нибудь умудряться. И что же они сдѣлали ? Не опасайтесь Чипашели , худаго шуипъ ничего не будешъ. Они усѣвшись другъ подѣ дружки верхами, ноги связали себѣ крѣпко накрѣпко, что бы какъ нибудь не свернуться и не пойти на дно за раками. Вишѣ какая замашка замашистая ! за недостаткомъ мѣста осталось по сю сторону только человекъ восемь или девять, и по все извнемудренкихъ ; и сѣи по оспаныши должны были поддерживать бревно, потомъ скрянупъ его съ мѣста, отваливъ отъ берегу и направишь по носу

на другую сторону; однако съ такимъ уговоромъ, что бы шѣ переправившись чрезъ рѣку послали кого нибудь за ними. Вездѣ предусматриванія; нѣтъ ни чего взбалмашнаго; попошпукари! — Тишина царствуетъ окрестъ; листы на дрвахъ не колеблются — вода не шалопитъ, поверхность рѣки гладка какъ зеркало. Оппихнули новомодной поншонъ отъ берегу; поплыли наши, поѣхали, безъ веселъ и правила — любо смотрѣть, какъ они сидятъ дружно — разговариваютъ не видя въ лицо другъ друга; но за то они видятъ въ водѣ еще подобныхъ себѣ водоходцовъ, только что ногами къверху; радуются повариществу; начинаютъ любимую свою псалемку по Волѣ — но какое неожиданное приключеніе! не успѣли они саженой прехъ (разумѣется прямымъ практомъ поперекъ рѣки; ибо внизъ ея несло ихъ и на десятокъ) отѣхать отъ

шого мѣста, гдѣ было по горло, какъ бревно умудрило перевернувшись: равновѣсіе шибко покачнулось на сторону, и вмѣсто *почтенныхъ головъ*, пакъ же какъ и уповарищей ихъ, очутились на верху *презрѣнныхъ ногъ*. (*) Оснавивіеся на берегу, увидя паковый нечаянный и смѣшний кувыркъ коллегіи, помирали съ хохоту. Ибо они вообразили себѣ, что все ето спроиися для шутки. „Экъ наши цѣшапця, да прохла- „жающця, говорили они между со- „бою, не бось шупъ не исполо- „жающця, хоша самъ дзѣдушка во- „зяной придзи, а сцо и лапошки „показываю, да посушиваю:,, но имъ сердечнымъ не пришло въ голову,

(*) Эта мысль не моя, а одного изъ славнѣйшихъ нашихъ Стихотворцовъ, которой, какъ слухъ носитъ, случившись въ бесѣдѣ съ нѣкоторымъ своего времени славнымъ плясуномъ, весьма гордившимся шалапшами ногъ своихъ, ему сказалъ: „Танцмейстеръ! ты богатъ; Профессоръ я, „убогъ: „Такъ видно голова почтенна меньше ногъ!

что забавники ихъ на мѣсто лапшей, головы свои больно замочили. Крапко, сушеніемъ лапшей оспаныши до тѣхъ поръ любовались, пока бревна и сѣсѣдоками печеніемъ воды не унесло у ихъ со всемъ изъ виду вонъ. Тогда радость и смѣшки зрящихъ, начали помалу удаляться, и на мѣсто ихъ почти невидимымъ образомъ подѣхала кручина съ своими подругами. Какъ опшавшія опшъ спада лебединова лебѣдушки, шупшъ наши добрые молодцы вспосковались, пригорюнились. Они ясныхъ очей своихъ не могли сомкнуть до бѣлова дня; все бѣгали, плушали по бережку, искали, кликали своихъ брашцовъ товарищей. Наконецъ ушомленные, какъ распутанныя яспребомъ младыя горлицы ищущъ своей матери, собираются они во свое спадо малое: ждущъ, посемениваютъ, глядятъ, посмашиваютъ; но балагуры ихъ бѣдныхъ

оставили; нѣтъ ни слѣду, ни опъзу — стояпѣ опершись о жезлы острые, повѣсивъ свои буйныя головушки и пошупивъ въ мапъ сыру землю очи ясныя : чпо начашъ, не придумаяпѣ. „Куды мы пойдѣомъ „безъ мапки и вожапаго, полмачили „они? — „ Куды? мой бы совѣпѣ вамъ ребяпа пакой; не лучше ли на право кругомъ? — да домой покамѣстѣ заживо пробирашъся. Такъ — они и дѣйствительно думаютъ поворопѣть вспашъ, во свояси. — Симъ первое пупешеспѣе Пошехонцовъ въ Москву кончилось; однако мы поглядимъ на нихъ и во время возвратапѣ ихъ шеспѣя. Доспопамяпѣпаго опускать не должно.

ПОСЫЛКА ШЕСТАЯ.

Не погнѣвайшесь пожалуйста; я ошибся сказавъ прежде, чпо при переправѣ чрезъ рѣку чудодѣевъ

нашихъ, по сю сторону осталось
человѣкъ восемь или девять. Право
недоглядѣлъ; а то кто бы мнѣ ве-
дѣлъ лганъ по пущому? — Ихъ еще
цѣлая дюжина. Впередъ, или на-
задъ ищи, а безъ старшова все
нельзя. Въ епакѣй вапакѣ надобно
кому нибудь бытъ вожакомъ. И
какъ дѣло дошло до выбора, кому
бытъ головою, то словно кошки
заскребли по сердцу каждого — вся-
кому своя честь мила и дорога — о
честіюлюбіе, самолюбіе! не вы ли
причиною, что никто не хочетъ
уступить другому первенства? да
правду сказать, и за што? — каждой
машкою предлагаетъ себя, а дру-
гаго никто. „Ты — ушъ — ты, да
„ты хорошъ — легко ли пиць дѣ-
„ло? Вижъ какой брапъ выѣхалъ! —
„издаліока ли епакѣй? — а я цемъ
„худъ? — а я цемъ не хорошъ? а я
„што, а я? начали они межъ собой
„побахоривать.” — Ну смотрите

ребяшпа, чурѣ опослѣ не пеняшъ; мое
дѣло спорона; только я бы вамъ
совѣтовалъ какъ нибудь попише.—
Языкомъ, что хотише болпайше,
только рукамъ воли не давайше.
Отъ спору до брани переходъ не-
далекъ, а отъ брани и до драки, не
увидишъ, какъ доберешся. — Такъ
и есшъ — мало помалу, слово за сло-
вомъ, шукманка въ голову за плев-
комъ въ рожу, пычокъ за толчкомъ,
оплеуха за пузомъ, да и пошла пи-
руха — благо унимаешъ нѣкому —
схватились, сцѣпились, только щел-
кошня идешъ, словно овинъ помо-
чью обмалачивающъ; ломаются какъ
медвѣди, грызутся, какъ голодныя
собаки за косшъ, расхорачорились,
какъ Индѣйскіе пѣшухи. Словомъ,
сражаются, какъ Цесари. Нѣтъ ни-
кому и ни отъ кого помилованія.
Бсякой воображаетъ себѣ, (коли въ
жару такого Иройскаго подвига во-
ображаетъ что нибудь можно), что

онѣ одинѣ правѣ и уменѣ, а прочіе всѣ и глупы и виноваты. Кратко сказаѣ; междусобная сія схватка до пѣхѣ порѣ продолжалась, пока всѣ дѣйствующія лица изѣ силѣ не выбились; вопѣ прямо неутомимые подвижники! — однако теперѣ все дѣло кончено; никто ни наступаетѣ, ни обороняетѣся; всѣ лежатѣ смиренхоньки, какѣ ягнята, но ягнята такія, кои побывали вѣ кохпяхѣ по иносказанію добраго своего пастыря. Лежатѣ, говорю, и яко спесивые не хопятѣ промолвитѣ единого словечка. Собираются еще все съ душею и разумомѣ — такѣ славно подвизались — оспіатокѣ достопамятнаго дня сего и грядущую за нимѣ ночь проводятѣ они вѣ опідохновеніи и лилѣянніи своихѣ язвинѣ. Но — милые бранятся, дерутся, лишь пѣшатся. Наупріе всѣ рано пробуждаются, коли можно было заснуть; однако вспаются; по край-

ней мѣрѣ представляются отъ сна
воспающими; пропирають кулаками
себѣ глаза, и какъ гуси пропигивая
другъ къ другу шеи погагивають:
вчерашее все забыло, все бро-
шено, будшо ничего не бывало.
Какъ не поразмолвиться будучи
вмѣстѣ? Всіо люди, всіо человѣки:
и горшокъ съ горшкомъ сполкнеп-
ся. — Начинають, совѣтують, и
для отвращенія всякаго спору уду-
мываютъ метнуть святой жеребій,
кому Богъ судитъ быль манюкою—
метнули — и судьбѣ угодно было
избрать пушеводипелемъ *фалалейца*.
Какъ приближающейся осени со пол-
ночныхъ спранъ бѣлые гуси, лебеди
лепянтъ во край пелые; такъ слав-
ные наши спранспвующіе рыцари
успилають за манюкою на свою ро-
димую споронушку. Но поелику
всѣ они были, что называется,
не изъ самыхъ ухарскихъ, то и
большихъ чудесъ спроить было

нѣкому. Идутъ они день, идутъ два, идутъ три, идутъ недѣлю; все, слава Богу, хорошо, все благополучно, и здоровы и радостны, и сыты и одѣты; шутятъ себѣ да побахориваютъ, и въ разговорахъ невидючи каждые сучки верстъ по семидесяти (сѣ прямой дороги въ сторону) промахиваютъ. — Но нечаянное приключеніе вдругъ возмутило ихъ спокойствіе и испровергло всю радость—новой мапкѣ на дорогѣ, не здѣсь будь сказано, что то занедужилось, а именно провальной червякѣ какъ то въ просянкахъ заплзши къ ней въ ротъ, такъ рѣско зачалъ почить зубы, что шершавъ могущи небыло. Щоки распухли, губы раздуло, железы напятились выпрямъ какъ железныя. Воспѣ бѣдная, да спонетъ, хоть упасиь середь дороги, такъ въ пору. Можетъ бытъ ей пришли неопекутъ кулашныя гостинцы,

коиими на канунѣ ея маперинства
дѣпки ея попомчивали. Моженѣ
быть и то и сію ; да что ты имѣ
теперь бѣднымѣ дѣлать прика-
жешѣ? — Жаль отѣ всего сердца ,
а пособишь нечемѣ. Дѣло спало
захожее , незнакомое , мѣсто не-
жилое ; кругомѣ лѣсѣ пришолѣ ;
однако кое какѣ , уже и такѣ и
сякѣ , опцелюбивые Енеи подхапивѣ
Анхиза своего кѣ себѣ на плечи
допацили до селенія. Ну теперѣ
таки ужѣ все не то ; на сердцѣ у
ихѣ нѣсколько поопдало. Пришли
вѣ госпинницу , или лучіе сказаѣ
приволоклись ; и вѣ одинѣ мигѣ лѣ-
карей и лѣкарокѣ набѣжало до полу-
сомѣя , какѣ будіо духомѣ проню-
хали. Одинѣ совѣтуемѣ то , дру-
гой предписываетѣ другое , прешья
говоримѣ свое , и такѣ далѣе. Не
знаюшѣ , кого слушашѣ : пробуишѣ
и шѣмѣ и семѣ , но пользы нѣшѣ.
Наконецѣ шой деревни славной

мастеръ Василій кузнецъ для уврачеванія недуга присовѣпывалъ больные зубы выдернуть. Мапикъ предложеніе сіе, какъ необычное, хоша и не очень было по сердцу, однако она по нестерпимой боли рада была на все согласиться, а дѣтки ея и подавно. Взяли, пошацили бѣднаго Фалалейца въ кузницу — привели, и по приказу желѣзныхъ дѣлъ мастера вводящъ его между чешырехъ столбовъ въ непокрышную свѣшлую галерею, гдѣ лошадей обуваютьъ. Хворой нашъ, видя сіе, ну было пѣнишься, дрягаться и руками и ногами, да ужъ поздно. Видъ ни кто пикалъ, самъ поналъ. Впередъ коли уснешь, не разбѣвай рша; епакъ и языкъ опѣбдящъ; на кого тогда пенящъ спанешъ? — Не знаю точно, какъ онъ поставленъ былъ въ дыбахъ, шо есть, связанъ, или распеплянъ, шолько Василій кузнецъ помощію своихъ субишльныхъ инструмен-

шовѣ пошчасѣ разжалѣ ему губы и зубы, всунулѣ въ ротѣ клипѣ, и оглядѣвѣ больные зубы, оплелѣ ихѣ надежною проволокою, и въ семѣ положеніи припаянувѣ болящаго къ кольцу передоваго сполба, привязалѣ его къ оному. Послѣ сего приготовления осшавилѣ его, а самѣ пошелѣ работашѣ въ кузницу, сказавѣ ему на прощанѣ: „стой бранѣ, ипеперь, да не шатайся., Дѣтокѣ, слышавшихѣ сіе, подрало по кожѣ; они не знали, чпо будетѣ дѣлатьсѣ съ ихѣ машкою. Мало по малу, одинѣ за однимѣ, всякѣ наровишѣ отѣ дыбовѣ подалѣ; а о паціентѣ самомѣ и говоришѣ нечево. „Ну, „думаешѣ онѣ въ себѣ, попался де „я въ клипцы., Куда и болѣсь у парня дѣвалась? — Все какѣ рукой сняло. Ибо уже онѣ не о болѣзини, а о развяскѣ своей думаешѣ: пугана ворона и кусна боинся; (припомните первой ночлегѣ); а ешо худой

жустѣ. — Наконецѣ выходитѣ изѣ
Вулкановой аптеки самѣ врачѣ, держа
клещами премаперой кусокѣ раскале-
наго желѣза, и идучи чего то на него
побрасываетѣ; искры сѣ прескомѣ
лешаѣ во всѣ стороны; подошедѣ
кѣ дыбамѣ, и взявѣ желѣзо обѣими
руками сперва прицѣлился, попомѣ
сѣ размаху, какѣ будто бы хотѣлѣ
сунуть оное привязанному спра-
дальцу прямо вѣ ротѣ. Фалалеицѣ,
при семѣ дѣйстви такѣ сильно рва-
нулѣ назадѣ голову, что инда столѣ
пошапнулся, а переплеченныхѣ ко-
сточекѣ во ршу какѣ не бывало.
Кровь хлынула изѣ гортани его, какѣ
изѣ ушапа, вѣ глазахѣ показались
мурашки, голова пошла кругомѣ. —
Однако Даниисицѣ нашѣ скоро Па-
циенша своего привелѣ вѣ чувствиво,
успокоилѣ, желѣзо и клещи бросилѣ
вѣ сторону, кровь, какѣ водился у
такихѣ славныхѣ масперовѣ, заго-
ворилѣ на воду, боль унялѣ, червяка,

котораго не прозѣвалъ принести съ собою, показалъ всѣмъ во увидѣніе. И Фалалеицъ нашъ чрезъ полчаса времени вспалъ, какъ вспрепаной, будто ни въ чомъ не бывалъ; только что бѣлыхъ косточекъ съ поддесятокъ мѣспа оставилъ въ дыбахъ, но ещо бѣда не сама большая. Плутъ кузнецъ пронюхавъ отъ земляковъ Пациента своего, что онъ великой охотникъ до рѣпы, моркови, брюквы и другихъ подобныхъ овощей, увѣрилъ его, что выпадшіе зубы были точно репные, и что намѣсто ихъ, со вспоможеніемъ его, вырастунтъ теперь настоящіе косяные; и для сего самого далъ ему тушъ же нащептанный имъ какой то корешокъ, для всѣхъ шести паръ въ случаѣ нужды равно дѣйствительный; за что дюжина наша челомъ била ему не только словами, но и мошнами. И мыъ сказывали, что послѣднія доказательства благодарности го-

раздо благосклоннѣ зубнымъ врачемъ были приняты, нежели первыя. Щуки и въ старину нашедъ карася не дремали.

ПОСЫЛКА СЕДЬМАЯ.

На кого пойдетъ напасъ, такъ только опшдувайся. Вскорѣ послѣ сего еще одинъ изъ братіи именемъ *Тарасъ* захворалъ лихманкою, которая парня со всемъ опшѣды опбила, и въ короткое время изсушила его какъ лучиночку, сокрушила какъ былиночку. И слава еще Всевышнему, что ешо случилось, не помню, въ какомъ то городѣ, гдѣ тогда былъ одинъ совершенно испытанный въ искусствѣ, дознанный въ добродѣтели, и знаніемъ своимъ по всему околотку весьма прославившійся лѣкарь, котораго пупникамъ нашимъ позвавъ къ больному всѣ

совѣтовали, увѣряя ихъ, что онъ, коли примется, такъ съ одра подыметъ человѣка. Вдругъ бросились наши къ сему размазанному хвалами Ескулапу на подворье; но къ нещастію своему, его у себя не застали. Онъ опозванъ тогда былъ въ деревню за городъ, верстахъ въ семи или осьми отъ него лежащую, къ одному больно богатому помѣщику; и имъ въ оливѣтѣ отъ домохозяевъ Шпаблѣкарскихъ сказано, что если они хотѣли его поскорѣ имѣть у себя, чтобы сами за нимъ суда свѣздили; для того, что яко бы онъ отъѣзжая проговаривалъ, что по причинѣ трудной и опасной болѣзни, пробудетъ тамъ нѣсколько дней, а можетъ спастись, и недѣль сряду. Дорога у прошлецовъ нашихъ въ показанную деревню была въ свѣжей памяти. Ибо они, только дни при тому назадъ, какъ ее за собою оставили. Короче сказать, она была та

самая, гдѣ кузнецъ дѣлалъ операцію. — Знали они, что въ животи и смерти Богъ воленъ, и что если его святой волѣ будетъ угодно, то не только лѣкаря, да и ворожеи не пособятъ: однако нѣжное братство и Дамоно-Пифіево дружество не позволяли имъ хвораго одного, на чужой сторонѣ, въ незнакомыхъ людяхъ, осипавишь, покинуть, бросить, безъ помощи, безъ пріюпу, безъ призрѣнія. Единодушная и горячая любовь къ *Тарасу*, какъ кнутомъ погоняла ихъ, искалъ ему всячески исцѣлснїя. Время было дорого; Тарасу ошѣ часу хуже; то въ ознобъ, то въ жаръ бросаешь его беспреспанно; къ лихоманкѣ приступала огневица; бредилъ сердешной безъ умолку, спитъ безъ просыпу, ѣстъ безъ памяти, испитъ проситъ поминушно. Рѣшенось, какъ можно скорѣе, во что бы ни снало, бѣжаешь за помянутымъ лѣ-

каремъ. Какъ же бы шутъ сдѣлаться? Пробѣжать по осьми верстѣ въ оба конца не шутка. Присутствуютъ къ Хозяину — валяюся въ ногахъ, какъ самые опчаянные, просятъ его обливаясь горячими слезами, неотступно, что бы онъ далъ имъ какой нибудь клочокъ сѣвдиди за лѣкаремъ. Добродушной хозяинъ видя такую ихъ нужду безъ всякаго прекословія согласился на ихъ прозьбу, и предложилъ со своей стороны все, что могъ, и что было надобно, къ ихъ услугамъ. Лошадь въ одинъ мигъ впряжена въ коляску, что навозъ на пашню возятъ; и наши всѣ одиннадцатеро ну было усаживаться и ѣхать зваными; они такъ въ дорогъ свыклись между собою, что не было мочи одному отспать отъ другаго. Однако гостепріимецъ ихъ отъ етого отговорилъ, и настоялъ на томъ, что бы посласть изъ нихъ кого ни

будь одного пораспоропнѣ — Видно, что онѣ или не съ лишкомъ надѣялся на свою клячу, или очень любилъ ее: а можетъ быть цѣль его была и та, что бы отпустивъ одного съ лошадыю, прочихъ удержавъ у себя аманашами, въ случаѣ какой измѣны. Какъ бы то ни было; только по хозяинову сдѣлалось; и за лѣкаремъ по общему всей брѣни согласію оппавленъ былъ *Меркулицъ*. Хотя время приходило и къ вечеру; да спасибо, епо парень былъ не избѣхъ, кои прусу любящъ праздновать. Онѣ хонъ въ глухую полночь такъ не спрусишъ ни чорта. Однако все хорошо, говоришя, до поры времени. — Уже посланный былъ на половинѣ пупи своего; углубившись въ печальныя размышленія онѣ не взиралъ ни на что окрестъ себя. Красота видовъ неудобна была обраппшъ на себя очей его: сладкія ппашечекъ пѣсенки не вняпны

были ушамъ его; благоуханіе цвѣ-
товъ не проникало засорившагося
его обонянія. Ему все было не мило;
все сдѣлалось постыло; свавѣ Та-
расъ нездоровъ. Въ минушы, самой
глубокой его задумчивости, (или
дремоты, кпо про ешо знаетъ)
опкуда нивзялся, вдругъ брякъ съ
зади къ нему на тѣлегу; и кпо же?
поглядише на поршрешъ его — въ
видѣ чловѣка середняго роспу,
полько — чорной какъ головня, кур-
чавой словно мерлушка, бѣлозубой,
полстогубой, плосконосой, пуче-
глазой — спрашной — свирѣпой,
угрюмой — шеперь намъ опгадашь
нешрудно — но *Меркулицъ*, какъ при
попрясеніи своей колесницы огля-
нулся назадъ, шо обмеръ опѣ уже-
сти, самъ себѣ не вѣришь, слы-
шишь, что шупъ — а посмотришь
хорошенько не смѣешь; однако по-
ле гонь-ку, ти-хо-хонь-ко, шею на
късь черезъ плечо, изъ подлобья, еще

назадъ коситѣ глаза — шупѣ! —
провались онѣ провальной — подрало
по кожѣ, какѣ ножемѣ, пуще кре-
щенскаго морсзу — со всемѣ на
яву — шаки вопѣ какѣ вылишой
окаянной — охѣ! нѣпѣ; ужѣ ешо
видно не причудилось — „а ось и
„мерещицѣся, думаешѣ себѣ, дако
„перекщусѣ и благословясѣ асцо по-
„смопрю;„ крещишѣся, творишѣ
молишву, заклинаешѣ, и лишѣ толь-
ко было хопѣлѣ оглянущѣся, какѣ
некрещоная харя черномазой своей
лапой хлопѣ его по плечу; возница
оцѣпенелѣ — а неліогко нанесенной
сѣдокѣ вѣ прибавокѣ, сиповатымѣ
и маловняпнымѣ голосомѣ ему: не-
лось пратѣ. Ободрительное привѣт-
ствіе сіе побѣжаного нашего оку-
ражило, словно громомѣ; возжи изѣ
рукѣ выпали. Спасибо, хопѣ лошадѣ
на ешопѣ разѣ случилась нерьяна,
а то пожалуй, другая почувсшво-
вавѣ ослабу, понесла бы драшѣ, чшо

не успѣлъ бы мигать. Что дѣлать?
— На дворѣ смеркается — а до лѣсу
только вотъ шаговъ десять — ой
ликъ этотъ пратъ! разсуждаетъ Мер-
кулицъ; сидитъ, какъ попавшійся
раздраженному медвѣдю въ лапы, и
дыхнуть по свободѣ не смѣетъ,
самъ не свой; да коли правду ска-
зать, такъ хошъ бы и ково въ епа-
комъ случаѣ задержитъ за живое. На-
концѣ Меркулицъ кое какъ, сжавъ
сердце сквозь зубы какъ не хопя, не-
оглядываясь уже по прежнему, по-
лунонами произноситъ рѣчь: „Цос-
„ный господинъ цортъ, пожалу-
„сна сойдци. Я не цортъ, опвѣн-
„спивуетъ ему сѣдокъ — да — ты
„не цортъ — а — вишъ какой! — асцо
„хошъ меня обмануць — развѣ я
„ослѣпъ — да хпю жа ты кормиль-
„ной, коли не цортъ, и сѣ цово ты
„меня назвалъ давицъ брашомъ?
„продолжалъ Меркулицъ — я Арапъ
„— охъ, да даромъ, сцо ты мнѣ

„радѣ, говоришѣ на сіе Меркулицѣ,
„я тебе не радѣ, пожалуста сойди,
„покинь меня радци Бога, пусци
„душу на покаяніе., Арапы лукавы,
и епопѣ ворина смѣкнулѣ шопчасѣ,
какую ему должно играть ролю:
онѣ вздумалѣ позабавишѣся хоро-
шенько. Но какѣ вѣ продолженіе
разговора сего и лошади дана была
полная свобода, то и ей онѣ без-
дѣлья вздумалось поглядѣти на дѣй-
ствующія лица; но не успѣла она,
такѣ сказаши, пушемѣ осмошрѣши-
ся; какѣ вдругѣ, поднявѣ свой бун-
чукѣ такѣ рванула сѣ дороги вѣ
сторону, что сердечникѣ хряснулѣ,
и она сѣ одними передними коле-
сами опроменью, словно онѣ мед-
вѣдей, (хотя я и незнаю, пахло ли
изѣ нихѣ онѣ кого медвѣжиной) со
всѣхѣ ногѣ пустилась ко двору; (*)
откуда, подумаеши, и рысь взялась?
Меркулицѣ сѣлѣ, какѣ ракѣ на мѣли;

(*) Это спало быти извѣстно опослѣ.

а сѣдокъ, умышленно брякъ на него, и для шушки, его облапилъ обѣими, началъ щекопашъ и подавливашъ за шиворошокъ. Меркулицу бѣдному прицло, а болѣе вообразилось, такъ, что ни дохнушь, ни пыхнуть — ни пуды, ни сяды, барахнается, бьется, инда духъ захватило. Вотъ тутъ то надобно сохранить всю силу и присутствіе разума! или какъ говорящъ: Вотъ тутъ успокой, гдѣ кисель густой. Быть одному одиухоньку, поздно вечеромъ, въ лѣсу, безъ лошади, въ незнакомѣ мѣстѣ, съ чорномъ и у его въ кохпяхъ; ешо худые смѣшки. Хоть бы кому довелось, такъ право не хощя шрухнѣюшъ. Но полно мнѣ поминъ Чиншпеля сими рассказами; время развязать узелъ явленія. — Арапъ видя, что шушка его идетъ уже не на шушку, первой началъ резговаривашъ, ободряшъ и успокоивашъ своего сопутника; и хощя съ

прудомъ; однако, казалось, увѣрилъ его о себѣ, что онъ дѣйствительно не чортъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе, только что смугловатъ. И для сего рассказалъ ему все, что было надобно; и подъ конецъ къ немалому щастію Меркулыца нашего открылось, что епопъ чернобровецъ былъ изъ дому того самаго Господина, къ которому онъ сперва ѣхалъ было, а теперь долженъ ити за врачомъ. Такими утѣшными словесами побѣжденной нашъ мало помалу ободрился, всматриваясь, какъ, всматриваясь и побрелъ съ названнымъ брашномъ въ деревню, только не такъ, чтобы около его очень близко, а все наравня поодаль и во всю дорогу почти поминутно на него съ боку поглядывалъ. Наконецъ пришли они въ домъ помянушаго помѣщика: ходатайствомъ Арапа, лѣкаря поспѣшно доложено было о Меркулицѣ и о винѣ его

пришествія. Лѣкаръ, по благодушію и усердію своему, хотѣлъ было въ ту же минути ѣхать къ больному; однако недокончанная пуля заспавила его опложитъ епо дозавтрея. На другой день изъ деревни отправился онъ къ больному въ городъ, и звапago взялъ съ собою вмѣсто провожапago — пріѣхали въ городъ, пришли въ госпинницу; и врачъ по правиламъ своея науки первѣе всего пощупалъ пульсъ у больного, потомъ велѣлъ ему показашъ языкъ. Мучимый прясавицею, сколь ни былъ пруденъ; однако вспомя операцію надъ маткою своею въ кузницѣ, и уснремивъ быспро на врача глаза свои, при всей слабости, извѣвляющіе нѣкоторое недовѣріе, сказалъ ему припворно улыбаясь: „да — ты „обманеъ, ты миѣ лишннчу даеъ „ И какъ лѣкари тогда были все изъ своихъ рускихъ, а изъ иноземцовъ ни одного; то и ешоу врачъ, зная

истинное значеніе сихъ словъ, крайне удивился такой оспорожености своего паціента, и при всей своей Иппократовой важности, не могъ удержаться отъ смѣху. — Однако, кое какъ онъ уговорилъ его языкъ высунуть, и узнавъ силу и свойство болѣзни, принялся больного пользовавъ, и лѣчилъ сполна удачно и рачительно, чпо чрезъ недѣлю со всемъ его поставилъ на ноги. И такъ прошлецы всесѣбные отблагодаривъ извучивости своей хозяина, по еси, заплапавши ему по предсказанному отъ него щопу все число на число за квасъ, щи, соль, постоялое, за испужаніе лошади и хожденіе за больнымъ, за пелегу, за приѣмъ лѣкаря и другія мѣлочи, почесали только у себя въ запылкѣ, и рѣшились никуда не заходя, какъ можно скорѣе пробираться восвояси.

Здѣсь можно бы рассказать, какъ они поступили съ карманными часами, найденными ими на дорогѣ; но мы объ этомъ въ другомъ мѣстѣ и въ иномъ видѣ упомянемъ. А теперь загонимъ ихъ съ Богомъ домой — пусть они немножко поотдохнутъ, и другимъ про чудеса свои порасскажутъ. Посмотримъ-те лучше ихъ на своей родимой споронущкѣ.— Они, набуркавшись въ походахъ по чужимъ землямъ, спали еще замысловаще и распоропище.

ПОСЫЛКА ОСЬМАЯ.

Не успѣли, такъ сказать, подмосковные наши путешествователи появиться на свою спорону, не успѣли надлежаще опочить отъ рыцарскихъ своихъ подвиговъ; какъ неумолкная сестра Цеа и Анцелада далеко въ окрестности удалшиво

ихъ пронесшая, привлекла изъ оныхъ въ пресловутое Пошехонье толпы любопытныхъ, неудоволившихся однимъ слышаніемъ, но желавшихъ своими глазами видѣти мудрецовъ нашихъ, и полюбоваться глядя на ихъ хитрости. Толико они въ немногіе дни похождения своего прославившись, прославили купно и дорогое свое отечество! Прошло уже по времячко, въ которое они, розиня ротъ, всему удивлялись; нѣтъ — теперь сами шерпой калачъ: на свой пай по бѣлу свѣту побуркались довольно, насмотрѣлись и навидѣлись всячины, намыкались горя до сыта; нужда научила калачи бѣсть, пускъ-ка другой кпо етакъ своимъ хребтомъ полюбопытствуемъ, такъ небось узнаемъ Козмину мать. — Но я говорю не о прошедшемъ, а о настоящемъ. Во дни сего величія и славы своей, наслаждаясь покойно плодами своихъ

пріобрѣшеній, они приводили всѣхъ въ нѣкое забавное удивленіе. Чѣмъ ни скажешь, все такъ къ спашу, остро, ловко, любо слушать; чѣмъ ни сдѣлаешь; и превосходно и поразительно; кино ни поможешь, у всѣхъ глаза разбѣгаются — шпынямъ и балагурамъ пошрививать на ихъ щопецъ стало неловко; а чѣмъ бы повесить енакъ изъ нихъ кого за носъ, или поддѣвать на фуфу, и не думай: все видишь, все проникаешь. — Но кино изъ человѣкъ на всякой часъ устережешься? слѣдующее съ ними приключеніе служишь яснымъ доказаніемъ ослѣпленія и преткновенія ума человѣческаго. Не могу увѣрить западнина, въ первой ли годъ по возвращеніи ихъ изъ славнаго своего путешествія случилось оное, или уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того; только вѣдаю то, чѣмъ было блиско того мѣсяца, которымъ смотрѣшь

въ сердцахъ и съ просонковъ. Въ
сію годину, какъ извѣсно, хорошіе
деньги проскакиваюиъ на рѣдкость.
Правду сказать, что судя по погодан-
ней порѣ времени на холодъ грѣхъ
имъ было пожаловаться; погода спо-
яла довольно теплая, только дожди
и мокрица ужъ чрезъ чуръ имъ
надобли. Ибо опричь того, что за
продолжающимися почти беспре-
спанно ливнями, не лзя было ногой
со двора выпустить, и дома покою
не было; для того что въ почиваль-
нахъ ихъ отъ чрезмѣрной чистоты
и опрятности, развелось блохъ ша-
кое множество, что куда ни спу-
стишь, куда ни стлнешь, вездѣ ихъ
кишмя кишить; такъ и прыгають,
беспрепсанно кусають да жияють,
ни днемъ ни ночью покою не дають.
Ешакія навязались супоспанки: какъ
отбишься отъ проклятыхъ, не при-
думають. Ужъ, кажется, и сору-та
изъ избъ не вытссятъ, и полъ-отъ

перестають пахати, и спрухою-та
вездѣ усыпають, ушаппывають, и
водою-та поливають, словомъ, ужѣ
чево по чево не дѣлають; но все
нѣтъ никакой помощи. Домороще-
ная еша легкоконница такъ ихъ при-
спрюнила, хошъ изъ дому вонъ бѣ-
ги; а куда дѣтсья прикажешъ? развѣ
и впрямъ броситсья изъ огня да въ
поломя. Слухъ о таковомъ ихъ не-
щасїи пронесся далеко во всѣ сто-
роны. У него, не у курицы, типунъ
на языкъ никогда не сядетъ. — На-
конецъ передъ самыми заморосками
прїѣзжаешъ къ нимъ на лихой прой-
кѣ, незнаемо опкуда, и невесь еще
за чемъ, нежданой гопъ сѣ такимъ
большимъ возомъ правы, какіе до-
сель бывало крестецкіе ямщики
приваживали сюда на конную для
продажи. Новопрїѣжій сѣнникъ по
новосїи дѣла оспанавливается се-
редъ самой большой улицы; оптвсюду
сбѣгающся къ нему толпами, окру-

жають, глядять, какъ на чудо, и кто изъ любопытства, другіе же мудрѣйшіе въ чаяніи себѣ спасенія, дѣлають ему разные вопросы, на кои онъ не сходя съ возу доноситъ имъ о себѣ вкратцѣ слѣдующее: что я дискалъ прослышавъ о постигшемъ пресловутый градъ вашъ нещастіи и съ малыхъ лѣтъ упражняясь въ пользованіи разнаго рода правами, позналъ довольно ихъ силу, разные пригодности, дѣйствія и пропивоудѣйствія, и что искусствомъ своимъ надѣясь несомнѣнно пособить настоящему вашему горю, единственно по сердоболію своему пріѣхалъ къ вамъ, самъ собою, не дожидаясь зову, боясь, дабы отъ умедленія зло не заматерело, подавъ вамъ руку помощи, какъ можно скорѣе, доколѣ есть еще къ тому способъ. Словомъ; епотѣ Краснобай умѣлъ такъ искусно росписать себя, что вѣхалъ къ нимъ въ рошѣ

по уши; да и нельзя было ему не повѣришь. Кипо понешь, поть и за лезвее радь ухванишься. Выбившіеся изъ мочи онѣ оспервенившихся и увершливыхъ набздницъ, могучіе наши Лукапіоры, слушающаковыя ушѣшныя, улесныя словеса его, какъ воскъ онѣ огня распаяли. Они немогутъ довольно изъяснить своей другъ другу радости, и благодарности мнимому своему избавителю. Ибо онѣ въ самомъ дѣлѣ ни что иное былъ, какъ обыкновенный Шарлапанъ и обманщикъ, то есть: тѣмъ дѣпушкамъ помога, у ково есть денегъ много. Однако посмотришь, какой конецъ будетъ. На суслѣ пива не узнаешь: еще Богъ знаетъ, кипо кого обманешь. Наши и сами, кажешься, ребяпа себѣ на умѣ — непромахи. *Положинь*, такъ прозывался пріѣзжій докиноръ, стоя на возу, держа въ рукѣ кнутъ, обращаясь на всѣ стороны, съ прилич-

ными шлодвиженіями произносишъ
длинную рѣчь о пользѣ правъ сво-
ихъ, доказывая, что онъ самыя рѣд-
кія, что вывезены изъ за моря за
нѣсколько сотъ лѣтъ до сошворенія
міра, и dospались ему по нѣкопo-
рому особливому случаю, или лучше
сказашъ счастію по смерпи шакого
человѣка, что кабы де они знали,
по бы . . . увѣряя при томъ, что
одною придочкою изъ того безцѣн-
наго собранія, на кошпоромъ онъ его
видяшъ предстояща, можно пере-
вести не только всѣхъ блохъ, но
и клоповъ, таракановъ и проч. хотя
бы ешой гадины были цѣлыя ты-
сячи тысячъ. Словомъ, онъ поста-
вилъ правы свои несравненно выше
Ерофсичевой сорокошправки Носкомъ
онъ по словамъ его ни драгоценны
были, однако онъ нежалѣя какъ
ординарнымъ сѣномъ покармливалъ
ими шущъ же безъ всякаго зазору
лошадей своихъ. Дашъ и хвасно-

вашь, казалось бы, надобно поосторожнѣе, чпо бы не попушаться. Прискакавшій съ попыховъ Шарлашанъ или не имѣлъ сей догадки, или ужъ съ лишкомъ надѣялся на своихъ слушателей, которымъ и дѣйствительно въ печаляхъ подумавъ объ епомъ не пришло въ голову. *Помогинъ*, увѣривъ такимъ образомъ весь Пошехонскій факультетъ о превосходствѣ и пригодности своихъ правъ отъ блохъ, слезаетъ самъ, и двое по видимому учениковъ его съ телеги, развязываетъ возъ полегоньку, что бы не распрусить, и для порядку въ продажѣ, учениковъ разспавляетъ по споронамъ воза съ кнушьями, приказывая, что бы они нахаловъ опгоняли, и подбирать ребятамъ лѣкарственныхъ своихъ правъ даромъ не давали. Торгъ начинается; вѣситъ да развѣшивать нѣкогда; купцовъ шутъ не двое и не трое; всѣ ждуть исцѣ-

ленія, всякому хочется поскорѣе; а продавецъ спалъ одинъ. И такъ, онъ вздумалъ продавать товаръ свой не пудами и фунтами, а прядочками по своей паксѣ, правинокъ епакъ по десятку, по два, по три и болѣе, смотря по деньгамъ, или лучше, сколько въ руку захватится; щотъ былъ корешкомъ, и раздѣлка недолгая. Ибо, дабы въ такихъ хлопотливыхъ и жгучихъ обстоятельствахъ не полковать каждому по одиначкѣ своего рецепта, и тѣмъ болѣе сберечь времени, то онъ самъ вызвался добровольно изъяснить оной хорошенько всѣмъ вдругъ, какъ скоро со всемъ отдѣляется. Ибо имъ самимъ и этого спросить не пришло на разумъ. То молодцы! — купля и продажа происходитъ съ жаромъ; денежки побрякиваютъ; на чьей то сторонѣ перевесъ будетъ? — Между тѣмъ дѣло приходитъ къ вечеру, и ярмонка

оканчивается уже при огнѣ, и по
для того только, что у Новоторца
ничего не оспалось ни подъ себя
подослать, ни лошадямъ дать; ибо
онъ въ шоропяхъ и обѣдки лоша-
диныя упекъ шупъ же. — Упра-
вившись со всемъ, и взлещи съ уче-
никами своими на прежнюю свою
кафедру, начинаетъ онъ велегласно:
„охъ вы гой еште добрые молодцы!
„всѣ, гей! всѣ! сюда — ближе! стой-
„те смирененько — пожалуйте —
„теперь, сей Божій часъ я вамъ
„открою всю тайну, коей другой
„на моемъ мѣстѣ ни одному чело-
„вѣку не объявилъ бы ни за какія въ
„сѣмѣ сокровища; смотрите же,
„примѣчайте хорошенько, и что
„буду говорить, помните. — Слу-
„хамъ, слухамъ, слухамъ, корми-
„те! отвѣществуемъ ему нещеп-
„ное множество голосовъ — праву
„ешу, продолжаетъ Орапоръ, сперва
„надобно засушить сухо насуху;

„и такъ вы положише ее въ попле-
„ную печь бережненько, какъ жаръ,
„знаеше, пообходипся, чпобы она
„ни сгорѣла, ни пригорѣла; слыши-
„ше ли друзья мои! — Слухамъ спа,
„слухамъ, восклицающъ рошозеи —
„высушивъ же должно ее исполочь
„или исперешъ въ порошокъ мѣлко
„на мѣлко, какъ муку на кисель; и
„ипакъ я бы вамъ совѣщовалъ лучше
„всево положиши ее въ спуну, и
„полочь до шѣхъ поръ, какъ пыль
„полешинъ. Слышите ли? — Слу-
„хамъ 3^{жамъ}. Послѣ сего порошокъ
„изъ спуны выныше или высыпте,
„ешо все равно. Разумѣтели? — Ра-
„зумѣмъ родзмой, разумѣмъ. — Ну,
„смонрише же берегише ешомъ по-
„рошокъ, какъ глазъ свой, до слу-
„чая, шо еспъ: когда вы поимаеше
„блоху, шо взявъ ее искусненько —
„смонрише, какъ можно, бережнень-
„ко, за ножки или за крылышки,
„что бы какъ нибудь ее не повре-

„дишь, головой оборошине кѣ себѣ,
„и спарайшесь разсморѣть хоро-
„шенько у ней глаза. Когда оныя
„найдете, по какѣ можно не давайте
„ей щуриться, и поскорѣ порошку
„сего дуныте ей въ оныя. И буде
„ей попадетъ его хоть одна пы-
„линка въ глаза, въ ротъ или въ
„носъ; (скажу вамъ, что еша гадина
„рыломъ вообще очень хлипка) по
„она топчасъ или издохнетъ, или
„ослѣпнетъ, или по крайней мѣрѣ
„такъ зачахнетъ, что ужъ вѣрно
„не проживетъ долго. Но что я
„вамъ сказалъ объ одной, вы иже
„должны разумѣть и о прочихъ: *по*
„*сему же и прочимъ разумѣвай*, написано
„въ азбуцѣ. Слышители? — Слухамъ
„еша — ну да все ли, что я вамъ
„по сую пору говорилъ, вы помните
„и разумѣете? — Все кормилецъ,
„какъ ешава не разумѣць намъ?
„а коли все, то и у меня все. Теперь
„прощайте, живите благополучно.,,

И съ сими послѣдними словами такъ махнулъ по лошадямъ, что только плуша и видѣли; какъ спрѣла умчался изъ виду вонъ.

ПОСЫЛКА ДЕВЯТАЯ.

Спустя нѣсколько послѣ сего времени, къ Пошехонцамъ нашимъ изволилъ пожаловать и еще дорогой госпъ, копорой не плоше Помогина, выдавалъ себя за великаго знапока и искусника въ таинствахъ природы. Но коли на прямыя денежки опрѣзашъ; такъ онъ былъ ни что иное какъ обакула мученикъ, копорой не имѣя у себя и столько, чемъ бы голодную собаку изъ подъ спола выманишь, вздумалъ подняться на хипроспи. Голь на выдумки мудра. И что же? Онъ совершенно увѣрившись о чиспосердѣи и любовѣденіи Пошехонцовъ, зачалъ имъ языкомъ

своимъ почипъ разныя фокусы по-
кусы, прося положишься на чеспное
его слово, что если они между
прочимъ хотяшъ видѣшъ опышъ его
дарованій; то онъ безъ насѣдки,
самъ собою и одинъ берется выси-
дѣшъ цыпляшъ, ушяшъ, гусяшъ,
словомъ всякихъ пшицъ, какихъ хо-
чешъ, и сколько угодно, и еще такъ,
что ни одного болшуна не будетъ,
только были бы самыя свѣжія лица,
и способное къ высиживанію мѣсно.
Тайна выводилъ цыпляшъ безъ ку-
рицы, хотя въ новѣйшія времена и
открыша; однако еще и нынѣ не
многимъ извѣстна, а тогда объ ней
и слуху не было. И такъ весьма
естественно, что любомудрцы на-
ши, слушая такую задачу, обомлѣли
онѣ удивленія. И сколько по любо-
пытству своему, столько для из-
бѣжанія самимъ хлопотъ, захотѣли
непремѣнно видѣшъ событіе сего
неслыханнаго чуда. По нѣкоторыхъ

съ краткихъ обѣихъ сторонъ переговоровъ и условійхъ, согласіе съ каждою подписано и устами и душами. Контрактъ былъ сдѣланъ словесно, котораго почти вся сила состояла въ томъ, что бы насѣдку какъ во время прудовъ ея всевозможно беречь и всемъ довольствоваться, такъ и послѣ оныхъ, то есть, по совершеніи всего дѣла, не обидѣть, а награждать пристойно. Теперь надобно помышлять, какъ бы поскорѣе приступить къ самому дѣлу. Должно выбрать мѣсто: елику машку въ горшокъ или лукошко, думаютъ себѣ, не впискаешь; да и яицъ съ разными мѣшками нанесено такое множество, что ими хоть прудъ пруди. Но объ этомъ пещись ужъ не хозяйская забота: они знаютъ только свое дѣло — *Голтялонг*, (имя новомодной насѣдки) тотчасъ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе. Подлинно всякое дѣло своего мастера боится.

Онѣ избралѣ для сего овинѣ, котораго лучше и больше не было во всемѣ Пошехонѣ, и велѣлѣ перенести въ оной всѣ яица. И когда по предписанію его все нужное для высидѣнія цыплятъ было исполнено, то онѣ благословясь сѣлѣ на свое мѣсто въ подовинникѣ, куда всѣ яица напередѣ еще были спроважены. Кшо видалѣ, какѣ въ деревенскомѣбыту немолоченой хлѣбѣ сушатѣ, топѣ все епіо дѣло легко представишѣ себѣ можешѣ; почему я и не распросираняюсь о семѣ много. И хопя по силѣ договора усѣвшаяся на яица насѣдка не имѣла недоспапку ни въ пипіи ни въ пищѣ; однако ей чпіо шю вздумалось очень рано яички проклевывапѣ, шю еспѣ, подпекапѣ да упирапѣ ихѣ сѣ невидальщины, благо дорвалась, кое въ смяпку, кое въ гуспую, когда яишинку сосприпаешѣ, какѣ вздумается. Сверхѣ сего кормили плуша и одѣвали,

какъ паспуха, всемъ міромъ, только
что несравненно лучше. Хорошень-
каго куска сами себѣ не уболивали, да
ему носили. Рубаху и болохонъ вся-
кой день давали ему чистые, а о
другомъ и говорить нечего — любо!
Гольцялону не жипье, а масленица;
и тепло и сытно, прохлаждаеи-
ся себѣ, да около огонька поваливаеи-
ся — не вышелъ бы изъ подовинника.
Говорится же пословица: какъ хлѣба
край, такъ и подъ елью рай, а шумъ
благодаря Бога еще не въ лѣсу съ
волками да медвѣдями: ешь съ кѣмъ
слово промолвишь: нѣтъ того божья-
го дня, что бы его разъ сто навѣ-
спилишь не пришли; а коли угодно,
такъ и къ себѣ для поговорки, и
скуки ради пожалуй хонъ пятерыхъ
иль десятерыхъ возьми; только
спасибо онъ и одинъ не скучалъ
себѣ и не боялся. Мало по малу при-
шло то время, въ которое обыкно-
венныя насѣдки перешагнѣли сѣдѣть

на яицахъ. Но Гольялонъ нашъ не беспокоится, что у него цыплята не проклевываются. Да и какъ чело-
вѣка примѣнить къ курицѣ? Одна
пварь несмысленная, все дѣлаешь
слѣпо, по одному врожденному по-
бужденію; а другой одаренъ разсуд-
комъ и волею непринужденною; а
по тому и первый долженъ со-
образно съ оными, и изъ самыхъ
благъ избирать лучшее и большее. —
Еще непростоклюнувшихся яицъ на
мѣсяцъ мѣсяца сшанешь; такъ на
чтожь поропишься? надобно все
доканать — Между пѣмъ хозяева
яицъ и скоро будущихъ цыплятъ
ходишь гулять на гумно такъ по-
вадились, какъ щеголи на госпиной
дворѣ, или купцы въ лѣтнее время на
биржу. Всѣ навѣдывающіеся о состоя-
ніи машки, и горя неперпѣливостию
видѣшь во дни свои диво дивное и
чудо чудное, замучили почти ея
своими вопросами: „все ли корми-

„лечь, идзюць у цѣбя по добру, по
здорову, и скороль мы увидимъ
своихъ цыпочекъ? — „ На что ре-
ченый *Гольтялонъ* боясь сойши съ
гнѣзда своего, дабы не оспудить
яицъ, и шѣмъ всего дѣла не подга-
диль, или лучше, что бы бездѣль-
ничества своего не обнаружилъ,
всегда изъ подовина опивѣпствовалъ
имъ въ маленькую дырочку, (а когда
приходили къ нему съ кушаньемъ,
то онъ не боялся опворять окна
на спехъ) увѣщевая при томъ,
что бы они не беспокоились, что
дѣло уже со всемъ къ желаемому
концу приходиль, что онъ имѣетъ
великую надежду, и что теперь
оспаешся имъ только думать о
куряшникахъ, насѣспяхъ и о заго-
пвленіи заблаговременно корму.
Нѣтъ нималаго сомнѣнія, что По-
шехонцы не помысливъ о семъ сами,
поль полезные и нужные его совѣты
приняли съ чувствительнѣйшею

благодарностію , и не преминули починѣйше оныя выполнитѣ. Между тѣмъ проходиѣ и еще мѣсяцъ. Въ подовинникѣ одна только скорлупа, а бѣлки и желтки всѣ до одного усижены. Какъ ешу прожору проси Господи не шр. . . . Какой то уже онѣ отвѣтѣ дасѣ? Да полно у плуша еще напередѣ удумано, какъ отбояриться, и изѣ воды сухимъ выпѣти. Онѣ видя бѣду неминуучу зажегѣ овинѣ — вопѣ ши и концы всѣ вѣ воду; пиши пропало. — Когда напжарѣ народу посбѣжалось, то онѣ представившись самымъ несчастнымъ, бѣгалѣ около овина какъ опчаянной безѣ признаковѣ памяши и разума, билѣ себя кулаками вѣ лобѣ и брюхо, рвалѣ на головѣ волосы, и хлопая вѣ ладоши, кричалѣ изо всего горла: ко! ко! ко! ко! — прибѣжавшіе попрже на пжарѣ сжалились глядя на шакое его жалостное соспояніе, и кое какъ на силу

могли изловить его; ибо онъ очень долго не давался въ руки, и такъ какъ мать, распыря свои, клевалъ и билъ всѣхъ, чѣмъ ни попало; говоряшъ, что онъ въ беспамятствѣ довольно у мнимыхъ своихъ злодѣевъ разсадилъ лбовъ и не изъ одного носу клюковой квасъ пустилъ. Но въ такой сильной горячкѣ, какою онъ былъ одержимъ тогда, человѣку все просипшительно; да и можно ли на полоумномъ что взыскивать? — Ешакимъ врагъ предспавился! — и такъ его схвативъ, одни держали крѣпко накрѣпко, что бы онъ съ горя въ огонь не бросился, а другіе кричали имъ: „дцерыцѣ, дцерыцѣ, „мацирено сердце, каждому свое чевя жадобно., Изъ сего видя онъ, что бояться ему нечего, то естъ: что въ огонь бросишься его не пусятъ, началъ еще болѣе биться, и крича непрестанно свое ко! ко! ко! ко! изъ рукъ всѣми силами

въ огонь рванься. И когда уже овинъ
сгорѣлъ, то онъ прерывающимся
отъ слезъ и пляжкихъ вздоховъ го-
лосомъ говорилъ имъ: „немилосер-
„дые! жеспокіе! варвары! пигры
„безсловесные! дайше мнѣ избавишь
„дѣшей моихъ, родныхъ моихъ,
„или по крайней мѣрѣ самому по-
„гребспись съ ними въ одной мо-
„гилѣ., Однако Пошехонцы недопу-
стили его насладиться симъ по-
сѣднимъ удовольствіемъ, и избъ
добродушія своего спарались всѣми
мѣрами для облегченія его участи
утѣпашъ его и уговаривашъ, не
воображая себѣ, что шѣмъ распра-
вляющъ только глубокія раны его
и умножающъ мученія. И они дѣй-
ствительно доспигли своего жела-
нія; ибо, обеснующійся ихъ чрезъ
нѣсколько дней гораздо пооправился
какъ онъ болѣзні, такъ и онъ беспам-
ишества. Въ сіе время любопыт-
ствующимъ, какимъ образомъ заго-

рѣлся овиѣ, рассказывалъ онѣ слѣ-
„дующее: наканунѣ сего нещастнаго
„дня — (вздыхая и возводя глаза на
„палати) всѣ цыпочки мои до послѣд-
„няго изъ яичекъ вылупились, и какія
„же были, кабы вы видѣли, миленькія,
„песпренькія, хохлашенькія, мохна-
„шенькія, веселенькія, хорошенькія —
„какъ было сердце мое радовалось,
„успѣшалось! — но одинѣ изъ первень-
„кихъ спакъ недѣлекъ прехъ или
„двухъ съ половиною, подошедъ бли-
„ско къ огню, такъ то зажегъ сизыя
„(плача горько) свои перышки; мнѣ
„сойти съ мѣста нельзя было; (*)
„а онѣ видно испужавшись бросился
„бѣдненькой опрометью въ свое
„гнѣздышко, подспилочка въ гнѣздѣ
„его вдругъ вспыхнула. И я — только
„и помню. Ужъ не знаю, какъ меня
„самаго Богъ спасъ!,, сказавъ сіе
зарыдалъ неупѣшимо, и Пошехонцы
глядя на него упирали кулаками

(*) Для того, что доѣдалъ яишницу.

капляющіяся по лицу бурмицкія зерна. Послѣ сего изъ любви и усердія къ добрымъ Пошехонцамъ, также и для оправданія своего, принимался было онъ еще разъ десятокъ высиживать для нихъ цыпочекъ; но бѣдному, видно съ чьего нибудь глазу, все была неудача. Когда уже со всемъ и все готово, только вошъ чіюбы вышипи съ маленькими своими цыпочками; на ту пору всегда какъ нарочно, и овинъ умудришъ загорѣться: такая напась была бѣдному парню! Если бы ему при столь жестокихъ ударахъ нестарались подавать потребныхъ утѣшеній, то бы отъ горести давно его въ живыхъ не было. Однако это дѣло пусть будетъ кончено: про одни дрожжи не говорятъ прожди.

ПОСЫЛКА ДЕСЯТАЯ.

Знаете ли вы, любезный чипашель, отъ чего произошла еша присловица: *какъ мечь лизнулъ*. Ежели нѣтъ, то я въ угодность вашу располкую—видите—воиъ что—однажды чрезъ Пошехонье проходилъ какой то полкъ; по скаскамъ надобно быть аршиллерійскому. Но какой бы онъ ни былъ, намъ съ цѣлымъ имъ куда дѣваться? возмемъ изъ него тѣхъ только, кои надобны, а имянно, коимъ по распредѣленію досталось ночевать въ горожанской улицѣ у мѣщанина *Бывалова*. Изъ питомцовъ Марсовыхъ, какъ извѣстно, еще и нынѣ многіе не такъ то вѣжливо поговариваютъ съ почипашелями мирныя и благодѣтельныя Цереры; а иногда, запамятуютъ старики, одинъ солдатъ присутствіемъ своимъ приводилъ въ страхъ и препетъ цѣлую усадьбу. Пошехонье

хоть было и Пошехонье; то есть: не Тенперева деревня, не скопище пеншюховъ и охреяновъ, а городъ какъ рядъ дѣлу, да еще и не изъ послѣднихъ: однако красныя шапки и прочій снарядъ принагрянувшей на дворъ вапаци, не говорю, малымъ ребятамъ, и отъ природы мнительной хозяйшкѣ, да и самому домоначальнику *Бисалому* очень въ глаза бросились. И такъ изъ боязни, или изъ усердія, только онъ всемъ, что имѣлъ, безъ шребованія, самъ, предваря желанія госшей своихъ, старался сколько можно лучше ихъ уподчивать. Дѣло было подъ вечеръ: въ старину ужинывали рано, и ложились спать вмѣстѣ съ курами, да правда вмѣстѣ съ ними и вспавали. — Но солдатамъ, кои за вечернимъ сшоломъ въ угожденіе въжливаго хозяина гораздо поразвеселились, такъ скоро спать не захотѣлось, и вздумалось еще поза-

бавишся. Они на пошѣ разѣ забыли все свое горе; велѣли засвѣ-
пишѣ и подашѣ себѣ огня, и при-
нялись выкидывать разныя шпуки,
кпо во чпо гораздѣ; иной зашпанулѣ
походную, шамѣ, *беселяся въ чистомѣ*
полѣ, другіе костей поломашѣ, а
нѣкоторые въ карпіюжѣ наяривашѣ;
словомѣ, дошли до того, чпо уже
безѣ всякаго зазрѣнія пихали въ
носѣ себѣ шобачище. А знаете,
епш какая права, и опѣ какого
сѣмени прозябла? — Хозяева смо-
трѣли на шаковыя ихѣ пошѣхи и
забавы, сжавѣ сердце; но наблюдая
долгѣ гостепріимства, или лучше,
боясь ихѣ раздражишѣ, не смѣли
выговоритѣ имѣ ни одного прошив-
наго слова. Многіе поступки гостей
сихѣ имѣ не нравились; но ничто
спшль досадно и больно сердцу ихѣ
не было, какѣ видѣшѣ у себя про-
клятое зелье — рассыпаемое по спо-
лу — въ переднемѣ углу и по вѣмѣ

лавкамъ, и къ тому явное презрѣніе
священи и бусурманство. Ибо они
о карпахъ не имѣя никакого поня-
тія, и за неумѣніемъ грамотѣ, по-
читая росписанныя каршпинки (фи-
гуры, яко по: Короли, дамы и ва-
лелы) нѣкими священными изобра-
женіями, толковали оныя со всемъ
въ другую сторону, какъ по по
своему, по сипаринному; а не по на-
шему по просвѣщенному. Нынѣ не
только большой, да и малой ребе-
нокъ въ чтеніи и употребленіи сего
рода книгъ не ошибется, развѣ уже
будетъ нещастіе, за сто я неру-
чаюсь; а тогда — видите сами — о
времена! о обычаи! какъ вы пере-
мѣняеши и мы съ вами! — Такимъ
образомъ нахальные госпи пробѣ-
сились до полуночи, и не только
домашнимъ никому, да и сосѣдамъ
покою не дали: по по принеси, по
по во дай, да подай, причуры за
прѣлурами, только слушай, да успѣ-

вай; мѣднымъ пивомъ то и знай спращаютъ. Наконецъ уже подъ упрѣ, какъ то нелѣгкое ихъ уговарило. Но хозяину и хозяйкѣ при всемъ осуешѣніи было не до сна. Они боясь, чтобы тоже нелѣгкое, которое спать уложило, опять ихъ неподняло, скорехонько огонь погасили, и сами прилегли для одного только виду. Они забившись на печь разсуждали съ ужасомъ о видѣнныхъ своими глазами и въ своемъ домѣ каверзахъ, не могли во всю ту ночь сомкнуть глазъ своихъ, и не знали, какъ бы поскорѣе провальныхъ сбыть съ рукъ долой. Такъ больно они имъ насолѣли! — ночь прошла въ хлопотахъ почти не выдаючи: и на дворѣ уже началъ показываться бѣлой свѣтъ. Ночлежникамъ надобно вспавать и снаряжаться проворнѣе; нѣжиться по-барски да растягиваться шумъ нѣкогда; ефрейпоръ стучится подъ

окномъ, шоропипъ, кричипъ: воро-
вѣе, скоро сборъ ударятъ, да и въ
походъ. Добренькая хозяйшка при-
гошвила гостямъ своимъ позавира-
кашъ всего, и кисленького и соле-
ненького, а *бывалой* хозяинъ припасъ,
чемъ и ронъ прополоснушъ. Гостямъ
садинъся за сполъ было нѣкогда,
перехвашили кое какъ на скоро руку,
по солдашки, и какъ услышали ба-
рабанной презвонъ, то недожевавъ
куска съ полнымъ ртомъ изъ дому
вонъ бросились почти опрометью,
шакъ чпо чупъ было не забыли
госпепріимцамъ своимъ сказапъ:
Спасибо за хлѣбъ, за соль и за всѣ
ласки. Однако послѣднимъ лучше
всего было то, чпо Богъ гостей
ихъ снесъ съ шеи долой. Какъ они
ушли, то у всѣхъ домашнихъ словно
паспень съ плечъ свалился. Солдашы
въ шоропяхъ оставили наночлегъ хо-
зяевамъ подарочекъ, и имянно воло-
вій рогъ, и барыша еще съ порохомъ;

послѣ можетъ быть и спохватились, да ужъ поздно, ворочаться нѣкогда, отспать отъ товарищей нельзя. Попечительная домостроительница прибирая послѣ нихъ все къ своему мѣсту, нашла его первая, и посо- вѣтовавшись съ муженькомъ своимъ, заключили оба на вѣрное, что онъ набитъ проклятымъ тобачищемъ; и такъ она тушъ же его въ огонь бросила, однако не со всемъ безъ примѣчанія. Она любопытна была видѣть, какъ это проклятое зелье(*) въ печи горѣть будетъ; да правду сказать было чевъ и поглядѣшь. „Сперва, рассказывала самовидѣца „сія спустя нѣсколько времени дру- „гимъ, начало его корцыць и коро- „биць, какъ змѣю, и корцыло, кор- „цыло, да сорокъ дворовъ какъ *мень* „*лизнулъ*.,, Вошъ начало, откуда

(*) Въ старину и порошокъ назывался зельемъ. См. *древнюю опись вещей*.

происходитъ сія шоль часто употребляемая нами пословица.

ПОСЫЛКА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бышь молодцу не укора, но ему пуще перечосу то, когда говорятъ про него небывальщину. Можетъ бышь и про Пошехонцовъ нашихъ иное рассказывающъ уже излишнее; чего я по опдаленной древности бытія ихъ рѣшительно ни утверждаю, ни отрицать не смѣю, боясь, что бы ихъ ни шѣмъ, ни другимъ не обидѣть, хотя думать о семъ и такъ и сякъ можно. Въ числѣ таковыхъ сомнительныхъ повѣстей полагаю я для образца двѣ ниже слѣдующія, и ради самаго сомнительства ихъ предложу оныя, какъ можно короче.

1) Похвальный обычай поминать умершихъ примѣчается даже у дикихъ. Любовь и обязанность нала-

гають на оставшихся долѣ сей.— Пошехонцы были не камни; они имѣли сердца, сердца также нѣжныя и чувствительныя. Поминають или воспоминають память родителей, сродниковъ и друзей всѣмъ людямъ естественнo и свойственнo; хотя обряды поминовения не у всѣхъ и не всегда бывають одинаковы. У спариковъ, о коихъ здѣсь рѣчь идетъ, между прочимъ былъ обычай поминають родителей киселемъ съ молокомъ; (разумѣется въ мясоѣдные дни, въ постные же вмѣсто молока упоиребляли они по Христианскому долгу сыпу или овсяной цыжъ) но дѣло не въ епомъ. Я говорю здѣсь о самомъ обрядѣ ихъ поминовения. Сказываютъ — что они при обѣдахъ на поминкахъ молока на столъ не ставили, а взявъ на ложку киселя прихлебнуть онаго изъ споловой своей ходили въ клѣть или въ подвизбицу, то есть, туда, гдѣ молоко спивало, сколь бы да.

леко, высоко или глубоко ето не было. И что будто бы почерпнувъ молока они возвращались къ столу, садились на прежнія свои мѣста, скушивали при общей прापезѣ; потомъ опятьъ взявъ на ложку киселя вспавали изъ застола; ходили вдругоредъ за прихлебкой, и паки къ столу возвращались, и сей спасительной променады до тѣхъ поръ продолжали, пока опредѣленной для поминовения кринки и спавца не опорожнялись. — Ежели такое сказаніе справедливо, то должно думать, что они довольно имѣли свободнаго времени и умѣли себя позабавить изрядно. Ибо ету церемонію можно бы сдѣлать гораздо короче, хотя правду сказать и пушныя бѣды нималой.

2) Еще рассказываютъ объ нихъ нѣчто удивительное въ разсужденіи кормленія коровы правою. Но сіе не до всѣхъ Пошехонцовъ и не до

всѣхъ ихъ коровъ проспирается. Одинъ уродъ не дѣлаетъ всей семьи уродами. Посмотримъ дѣла общепольныя. Пополоки на избахъ и тогда для тепла знали насыпать землю, кровли же на нихъ почипай сплошь были позолочены, чему еще и нынѣ въ крестыянскомъ быту отъ разныхъ причинъ видимъ тысячи тысячъ примѣровъ. — И такъ у кого ша изъ нихъ отъ долгого времени, а можетъ быть и несмотрѣнія, подмоспки и переплеты кровельные со всею развалившись вмѣстѣ съ позолоченою крышкою прилегли опочишь на пополокъ. Хозяинъ зная, что все въ свѣтѣ плѣнно и непоспоянно, смотрѣлъ на превращеніе сіе равнодушно, а другіе и подавно. И такъ мало помалу на конецъ все сгнило, и по сродству своему смѣшалось съ насыпью; отъ чего земля на потолокъ такъ утучнѣла, что на немъ безъ посѣва вы-

росла пребогатая дикая жапва, или попросту шрава, шолько пресочная и превысокая, безъ мала почши въ хозяина дому шого, копорой, надобно въдашь, хопя по пословицѣ чужія кровли и крыль, когда своя капала, однако былъ не со всемъ бобыль и бездомовникъ. У него была и коровушка; и для сего шю милова живоша упустилъ такого добраго корму даромъ ему не хотѣлось, а какъ достать его, немогъ придумать. Чпо бы сжать или скосить праву, ему ешого не пришло въ башку иль голову; да правду сказать и моды на серпы и косы, какъ мы шопчасъ увидимъ, тогда въ Пошехонѣ не было. И такъ открываетъ онъ думушку свою шому, другому, прешьему, всякому, кшо на глаза ни попадемся; но совѣты все какъ шю неудачны; ни кшо не можетъ попрафить въ его мысли — на копецъ приглашаетъ онъ въ совѣтъ

къ себѣ самыхъ сполповыхъ мудрецовъ во всей веси, кои собравшись къ его ворошамъ и глядя на пополокъ, по важности дѣла, практиковали оное со всею точностію и напряженіемъ разума, разбирали его со всѣхъ сторонъ, предлагали другъ другу свои мысли съ выразительнѣйшими и блодвиженіями, и не нашли лучшаго средства, какъ всащипъ корову на избу; пусть де она шамъ на всей красотѣ гуляеть и опѣвдается. — Корму не сѣвстъ ей до Дмишрова дни; за выгонъ пастиху не плапипъ — а барыша и волковъ бояпъся не чего. Сказано, положено — переполковывапъ шупъ нѣкому да и нечево. — Корова топчасъ представлена была на лицо — и совѣшники въ тоже мгновение принялись за исполненіе своего о ней проекипа — какимъ образомъ они се пащили, я обѣ спомъ неизвѣстенъ, а вѣдаю только то, что созваницю

помочью вознесли ее не ниже, коли еще не выше, шельца золопова. Блоковъ и подпругъ нынѣшнихъ у ихъ не было; одна молодецкая силка долженствовала замѣнить всѣ эти городскія прихоти; да ещо и для здоровья лучше. Собственные руки и плеча служили имъ вмѣсто всѣхъ оныхъ праздности выдуманныхъ рычаговъ, вороповъ и щуруповъ; и ещо гораздо славнѣе для богатырей и рыцарей. — Коровушка на новосельѣ такъ загулялась, что почти вдругъ у всѣхъ съ глазъ сгубла. И теперь ее надобно искать на другомъ. Она наѣвшись свѣженькой правки сыскала себѣ мѣстечко и отдохнувъ — и гдѣ же, думаете вы? гдѣ пошепѣе, близъ печки, въ избѣ, на полапяхъ — самой спало любо — такъ разиѣжилась — и ножки подняла къ верху. Разумѣется, что у хозяина пополокъ на ешомъ мѣстѣ былъ очень надѣженъ. Еще ещо чудо,

что они сами не провалились вмѣстѣ съ коровою, то бы была комедя! но что ни говори — помочь даромъ нигдѣ не бываетъ; надобно по крайней мѣрѣ за труды почестить хлѣбомъ да солью. Хозяинъ помощниковъ и совѣтниковъ своихъ запросилъ къ себѣ въ избу опкушать, чемъ Богъ послалъ. Корова забравшаяся шуда прежде, услышавъ ихъ голосъ, дала имъ знать своимъ, что и она изволила быть शुиъ же. Удивленіе и раздабары ихъ присемъ случаю я оставляю. — Пришло не до банкету — надобно немножко погодить подавать на столъ кушанье, а сперва корову какъ нибудь выручить; ибо она сердешная между пошломъ и палашиями словно въ тискахъ такъ была сжата, что уже не обыкновеннымъ молокомъ, а прямо доила масломъ и смешаню. Такое бѣдныя твари состояніе показалось всѣмъ чувствительно.

Однако съ лишкомъ печалились и опчаяваясь нечево. Кпо умблѣ подняишь, шомѣ и опуспишь какѣ не спанешѣ много спрашивались. Всякое дѣло мастера боишся; а мы своихъ, каковы шукари и проворы, довольно видѣли. И такѣ имѣ опрошайшь палани онѣ коровы для хозяина такая бездѣлица, что и говоришь не споишь; имѣ шолько подрубишь перекладину, а что и сама прыгнешѣ на полѣ; за попоромѣ же дѣло не спанешѣ; безѣ него въ креспьянскомѣ бышу нельзя, безѣ косаря же и не подумай; иначе и въ пошмахѣ насидишся досыша. У домовишаго нашего хозяина жажилось и по и другое. Помощники его были тоже не безѣ запасу. И такѣ кпо своимѣ, кпо хозяйскимѣ, начали пакѣ славно дуванишь по перекладинѣ, что всѣ смѣлы заходили, какѣ живыя. Между шѣмѣ какѣ одни работали, другіе за бездѣльемѣ,

происходящимъ отъ недостатка
мѣсна учаспвованъ въ работѣ,
только что на работающихъ, ауще
всево на корову зѣвали, и другѣ
передъ дружкой пѣлились къ ней
ближе, что бы лучше видѣть, какъ
она лепѣтъ будешъ. Корова для
удовольспивованія любопытства ихъ,
поспалась такъ ушрафипъ, что
брякнулась прямо въ лицо своимъ
зрипелямъ, и другихъ изъ браніи
ихъ полщею своею такъ изрядно
позадѣла, что у нихъ и спекпакль
выскочилъ изъ ума разума. Въ про-
чемъ главное дѣйспвующее лицо,
сиречь корова, послѣ скачка сего
нѣсколько пообробѣла; она сдѣлалась
гораздо смириѣе и ручиѣе прежняго,
ни бодалась; а только мало дѣло
подрягивала ногами и пошевеливала
своимъ опахаломъ; голосъ ея былъ
тихъ, не веселъ и не продолжите-
ленъ; но за то она другихъ заспа-
вила или научила распѣвать своимъ

природнымъ, то есть, реветъ коро-
вою. На конецъ предъ глазами всѣхъ
спокойно испустила духъ свой. И
хотя по пословицѣ, смерть ея была
самая красная; однако, когда приня-
лись ее освѣживать, то хозяйка и на
нее глядя ребяпишки зашянули та-
кой заунывной концертъ, чпо хопъ
всѣ изъ избы вонъ бѣги Самъ Владыка
дому и любимой своей покойницы,
сколь зъ прочемъ великодушенъ ни
былъ, не могъ смотрѣть на сіе зрѣ-
лище, пахъ какъ на свою кровлю. Онъ
подхватывая кулакомъ выскакиваю-
щія градомъ изъ глазъ бусы, прокли-
налъ мысленно и свои запѣи и сво-
ихъ совѣтниковъ. Однако, чпо бы
упѣвшишь ревущихъ дѣтей своихъ
и жену между прочимъ говорилъ :
„полно вамъ вопиць, кормильныя
„мои — жадобные мои: скороль поз-
„доль и всѣмъ намъ такой же конечъ
„будцѣ., Такия про штукарей на-
шихъ обносятся премудрости! —

Есть довольно и другихъ подобныхъ симъ обрасчикамъ анекдотовъ, какъ то выношеніе дыму изъ избы решетами, чудесный походъ подъ медвѣдя и проч. и проч. Но я ихъ оставляю, дабы вмѣсто забавы, не навести скуки просвѣщенному читателю чудесностями превосходящими вѣроятіе; однако слѣдующее сказаніе, приносящее немалую честь уму, разуму нашихъ вицязей, знатоки древностей признають за истинное и дѣйствительное съ ними случившееся. Утверждаютъ, будто въ Пошехоньѣ, въ первые годы не знали ни серповъ, ни косъ художественныхъ, а все жали и косили своими природными, то есть, хлѣбъ и праву вырывали съ корнемъ руками, или по ихному *церебили* почто такъ, какъ у насъ огородную зелень полять. Однажды вечеркомъ или ночью, только знаю, что ещо было послѣ Ильина дни

забрались къ нимъ въ рожъ откуда
по госпи, на добрыхъ коняхъ и съ
самыми исправными жапвенными
орудіями, ржи ножали, въ снопы
связали, на шелеги уклали, да сами
полюко и были, лишъ поминай какъ
звали; ибо они и дѣйствительно
оспавили по себѣ поминачекъ, а
имянно, серпъ такой оспрой, какъ
брипву. Съ какимъ намѣреніемъ
они ешо сдѣлали, по есть, съ тѣмъ
ли, чшобы Пошехонцевъ научипъ
жапъ, или надъ ними посмѣяпсь,
или же какъ нибудь въ торопяхъ
ешотъ серпъ забыли, того за до-
сповѣрное ушверждать не берусь.
Наушріе приходяпъ владѣтели земли
на то же самое мѣсто по обыкно-
венію своему *цереблицъ* рожъ, всякой
свою, но видяпъ, чшо самыя лучшія
полосы такъ очищены, оглажены,
какъ Сидорова коза; одни полюко
стебельки порчапъ — ходяпъ они
по остриженнымъ полосамъ и чув-

спвуютъ, что какъ будпо кто ихъ за лыпки пощипливаешъ, озираютъ все рачительно, дивяшся и не могутъ понять, чпобы епо была за причина. Да и правда, кто чево не видалъ, не вдругъ догадается. Подъ конецъ находяшъ они серпъ, и ена окаянная находка разрѣшила все ихъ сомнѣнiе. „О!—о!—цervякъ—цervякъ—цervякъ,, — кричащъ они благимъ магомъ ударившись ошъ него, кому куда ближе, и опбѣжавъ на шакое разстоянiе, гдѣ могли бытъ безопасны, собрались опять всѣ въ кучку, и уже болѣе не сомнѣвались, чпо видѣныя ими на полосахъ чудеса, естъ дѣло епой мерской и ненасытимой гадины. „Ахци—хци ребяци! ionъ еипакъ всю росъ „подшоцищъ, и всю насе Пошехонья „будцшъ съ голоду омрець; надо—бець какъ нибудъ сгубиць его,, Все епо хорошо — сказать згубиць не мудро. Да какъ? вошъ въ чемъ

дѣло. Подойши ближе къ червяку всякой прусишѣ; на видимую бѣду добровольно лещѣ никому нехочется. Издали швыряютѣ, фуркаютѣ въ него всемѣ, чемѣ ни попало; но лютая гадина ни сѣ мѣста, ниже поворохнется, лежишѣ себѣ согнувшись боярскимѣ слугою, и ухомѣ не ведешѣ, только чѣпо изѣ подлбья выглядываешѣ, и нажидаешѣ, чѣобы подскочилѣ къ ней какой нибудѣ восприкѣ поближе. На концѣ бесполезно выбившись со всемѣ изѣ мочи, удумываютѣ они прибѣгнушѣ къ своему Догаду, мужу знаками премудрости преукрашенному, которой въ трудныхѣ обстоятельствахѣ всегда подавалѣ имѣ благіе и полезные совѣты. Такѣ — „давай, „говоряшѣ они всѣ, позовіомцѣ суды „Догадця, сѣо іомѣ намѣ скажецѣ, „пакѣ тому дѣлу и быцѣ., Вздумано, сдѣлано; послали за *Догадцѣмѣ*, котораго лишѣ только завидѣли,

вдругъ бросились къ нему на встрѣ-
щеніе, подхватили подъ руки, и
понесли сперва какъ на крыльяхъ;
но по мѣрѣ приближенія къ пред-
мету своего ужаса и горя, они умѣ-
ряли свою запальчивость, такъ что
на конецъ приспупая на цыпочкахъ,
подводящъ его къ червяку, котораго
Догадцы увидѣвъ, сперва было самъ
остолбенѣлъ, но подумавъ нѣсколько
далъ совѣтъ такой, чтобы какъ
можно имъ спарашься, подкравшись
къ червяку сонному, (ибо всѣ не
исключая и Догадца думали, что
онъ облупивъ столько полосъ дрых-
нетъ напрескавшись) накинута
ему на шею мершвую пеплю, и по
шомъ уже спровадивъ съ камнемъ
въ воду. Вотъ собственныя слова
Догадцевы: „Давайцѣ ребяци его
„прицалимъ и сбуркамъ его въ ве-
„лико ци насе озеро, а то іонъ не
„шокмя сцо росъ, да и головы наси
„подпоцыць.“ Толь мудрый и спа-

сителный совѣщѣ принявъ всемъ собраніемъ съ рукоплесканіемъ и радостію. Теперь они дожидаются только вечера, чинобы червякъ заснулъ покрѣче, и чинобы нагасилъ на него вѣтрянность, а самимъ межъ того посправившись. Уже приближилась и сія желанная минута: ибо червякъ подъ вечеръ въ ушахъ ихъ началъ шакъ храпѣть, какъ сильной вѣтеръ, съ преужаснымъ ревомъ и свистомъ: Такого благопріятнаго намѣренію своему времени они не прозѣвали; напали на червяка соннаго со всѣхъ сторонъ, будучи вооружены дрекольемъ и бердышами, и опиваливъ ему напередъ порядочно бока, накинули на него глухую петлю. Бичева была занесена; и шакъ прицѣпившись къ ней съ лямками, шашахъ они гадину шопишь въ озеръ, кошорая и нехотя, шоликой силъ должна была повинуться. Догадаецъ только покрики-

ваетъ, да погаркиваетъ: о о йю!
разомъ — самому любо — шакъ *ребяци*
его приняли дружно — выносящъ
какъ на лешу — инда ушки смѣюп-
ся. Однако червяку чпо шо взду-
малось поупрямиться; онъ носомъ
своимъ захвапился за попавшійся
на дорогѣ вересовой куспъ, и шакъ
крѣпко въ него впился, чпо бичева
лопнула, а его не могли скрюнуть
съ мѣсна. Тушъ они, сросшивъ
бичеву на скору руку и перевязавъ
свои лямки, шакъ дернули, чпо онъ
съ визгомъ взвился къ верху, и вилъ
свою неминучую въ яроспи сво-й
вскочилъ на плеча къ *Догидцу*, и об-
вившись около его шеи, шакъ про-
ворно *стоцылъ* ему съ плечъ голову,
чпо никпо шого не примѣнилъ. Но
пожертвовать одною головою для
спасенія цѣлаго общесства не естъ
еще важно. Благо лиходѣй попался
въ кохши — вошъ ешо важно! Те-
перь ужъ онъ не вывернешся, какъ

бы силенъ и проворенъ ни былъ. Нѣтъ — нашла коса на камень. Уже чудище на берегу озера. Восхищенные радостію Кадмы поржесивующиъ свою побѣду и одоленіе лютаго дракона: привязывающиъ поспѣшно къ бичевѣ жерновой камень; и забравъ все пужное въ ладію, по общему совѣту проворѣйшіе изъ нихъ опѣвѣжаящѣ на средину озера шопиъ гадину. Вошъ ужъ скоро — скоро — ей будетъ кракенъ — Небось, теперь не спанетъ болѣе ржи почиъ. Проворы бывшіе въ ладіи, боясь руками допро-нушъ до червяка, сперва бросили въ воду камень: и какъ сей припигапельною своею силою началъ маниъ къ себѣ шоварища, бывшаго съ нимъ на одной привязи, только что на другомъ концѣ, то послѣдній, не разсудивъ за благо на зарѣ кунашъ, такъ крѣпко ухватился носомъ своимъ за край лодки, что

ее вдругъ верхъ дномъ поставилъ, и губипелей своихъ первыхъ оправи́лъ жи́шь вмѣстѣ съ карасями. Оставшіеся на берегу, видя все сіе, имѣли причину радоваться по крайней мѣрѣ тому, что прокляшаго червяка згубили: „Слава теби Господи, „говорили они крестясь обѣими руками, что не многа понипонуло, а то „всею бы наше Поссхонья пропала.“

ПОСЫЛКА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Баламъ нынѣ не мода: отъ разныхъ особъ и при разныхъ обстоятель-ствахъ слыхалъ я сто до тысячи разъ, да думаю, и ты не меньше. Говоримъ мы всѣ, что баламъ или лясамъ не мода; однако онъ изъ употребленія или моды какъ то не выводятся. — Но коли и самую вещь, имъ любезнымъ нашимъ пришло неслѣпье, то и я въ бесполезныхъ приступахъ, не еспешвен-

ныхъ Рипорскихъ прикрасахъ, словомъ, въ многоглаголаніи, въ немъ же опъ вѣка не бывало спасенія, теряшь времени не буду. — Можетъ бышь описанію не послѣднихъ чудесъ въ свѣтѣ, каковы суть наши Ирои, обладающіе купно и тонкостію ума Архимедова и храбростію неукропимаго Феррага, приличествовалъ бы слогъ болѣе Азіяпическій, нежели Лаконическій; но я описываю не подробно житіе ихъ, а представляю только нѣкоторыя черпы дѣяній ихъ, а сверхъ же сего надобно сказать и то, что я живу не въ ихъ вѣкѣ, и по тому долженъ соображаться правамъ и обычаямъ своего времени (*). Съ модою соорисья очень неловко. Ена барыня

(*) Еще до насъ сказано:

*Si fueris Romae,
Romano vivito more;
Si fueris alibi,
Vivito sicut ibi.*

шакѣ щекоплива, шакѣ своенравна,
что коли чуть чуть не по ея, то
она шопчасѣ разгнѣвается, и въ
наказаніе велишѣ шебя зауказашъ
пальцами. Надобно иногда и не хощя
плясанъ по ея дудочкѣ. Почему и
я въ угожденіе ей не хочу сѣ лиш-
комѣ высоко забираться.

Музой, Лирой, Аполлономѣ,
Конемѣ Парнаасскимѣ, Геликономѣ
— и прочими шоль громкими словами
пускай владѣшѣ, кшо хочешѣ. Всѣ
сїи вещи сущѣ величественны, и
для пламеннаго воображенія пре-
красны, необходимы; но намѣ онѣ
не подѣ нужду. Мы ни посму, ни-
же высокопарную сочиняемѣ оду, а
проспо, безѣ прикрасѣ, побасеночки
сплѣтаемѣ, да мараемѣ. — Однако
не полно ли мѣ сѣ модами? — Види-
те! какѣ онѣ опшодяшѣ онѣ пуши
надлежащаго. Лучше говоришѣ са-
мое дѣло, какѣ было. — Случилось
однажды какѣ шпо загуляшѣ въ По-

шехонье двоимъ съ большой дороги коноваламъ. Мужики были рослые и дюжие, которые, надобно знать, вмѣсто вывѣски своего масперства, обвѣшаны были кругомъ операпорскою своею збруею. И какъ тогда время было обѣденное, и у *Нетхуски* ворота снопяли распворены наспижь; то они по дорожному, безъ дальнихъ околичностей, запесавшись къ нему на дворъ, безъ просу махъ прямо къ нему въ избу, да еще и въ передній уголъ. Ошъ усшалосипи начали они опдываться, вспряхиваться и раскладываться по столу и по лавкамъ съ бряцающими и ужасными своими инспруменшами. Хозяину и хозяйкѣ, кои родясь не видывали людей въ такомъ спранномъ уборѣ, чпо то вздумалось вдругъ изъ избы выскочить въ сѣни, изъ сѣней на дворъ, со двора на улицу, да и къ сосѣдамъ, шакъ чпо вгоряче не вспомнили и о родимыхъ своихъ дѣтушкахъ. Ребя-

пишки оставшиися одни съ гостями ударились было въ слезы, но гости наши ошѣ сего не опоропѣли, и ласковостию своею скоро съ ними поладили; однако кромѣ квасу, ошѣ ешихъ домовничихъ ничего достать было не можно. Ибо у хозяйки на ешопѣ разѣ все сѣбѣстное было заперто и припрятано. Посѣпителямъ же, коимъ по выходѣ хозяевъ не трудно было примѣшивъ свою ошибку, ломать замки, озарничать и буянничать не разсудилось за благо: сойши со двора по же не было охоты. Ибо имъ подумалось и то, что въ другомъ мѣстѣ по разнесшемся онихъ слуху можетъ быть ихъ и со всемъ на дворѣ не пустятъ. И такъ чтожъ имъ осталось дѣлать? — Голодъ не шетка, разбираетъ въ плотную, а ошѣ ребятъ проку нѣтъ никакого — Спрашиваютъ у нихъ и того и сего, но ошѣпы все отрицательные — какъ ни бышь, а видно при-

шло дожидаться самихъ хозяевъ, и при нихъ донгрывашъ начашую комедію — между шѣмъ всѣли они ребятамъ доснашъ огня, принесли подпопки и дровъ; и они на ошосикѣ развели пшакѣй свѣшъ, что хощъ быка жаръ. Надобно сказашъ, что въ погдашнее время, какъ пораскажушъ спарики, коновалы были не плоше, коли еще не поглаже, нынѣшнихъ мѣльниковъ. Они дѣлывали шакія вещи, что и шеперь, какъ слышашъ обѣ нихъ, шакъ волосъ дыбомъ. — И какъ хозяева возвращашъ домой сами не слышали, то госши, чтобы ихъ заманишъ поскорѣе, вопъ что сдѣлали! они съ ребятами шакъ начали играть и шушашъ, что на голосъ ихъ прибѣжали пошчасъ не только родштели, да и сосѣди, хоща и шѣ и другіе не вдругъ вскочили въ избу, а у оконъ и дверей хорошенько попришавшшсь. Машъ первая опшавилась, а за нею и дру-

гіе принахлынули. Много кое чего
пупѣ было; но подѣ конецѣ мало
помалу все упихло, утомонилось.
Коновалы рѣшились пупѣ ошобѣ-
дать, во что бы ни спало. Но дабы
многими вдругѣ требованіями съ
лишкомѣ не озадачить, просили у
хозяевѣ, чтобы они позволили имѣ
самимѣ сварить себѣ похлебочку,
увѣряя ихѣ, что имѣ для сего ни
чего болѣе не надобно, окрѣ одного
камня. „Акѣ? окрѣ одново кам-
„ня? — и забываетъ пакѣ? Говорили
„удивленные хозяева, епо очень
„чудесно! — Ну ужѣ какѣ бы по
„ни было, мы вамѣ за епо ручаемся,
„подхватили коновалы, вошѣ на
„по правая рука! И ежели вы хо-
„шите, по мы и васѣ научимѣ сей
„пайнѣ; а вы за по дайте намѣ
„полько воды и камень.,, Что коно-
валами сказано, хозяевами сдѣлано.
Домопачальникѣ бросился на улицу
и припачилѣ каменья цѣлой по-

долѣ; изволь себѣ выбиратьъ любой. Тогда просипели выбравъ одинъ другихъ по видимому посочнѣе и помягче, вымыли его чисто начисто, налили въ горшокъ воды и опустивъ благословясь въ него камень, поставили горшокъ на огонь, увѣряя, что похлебка ихъ тотчасъ поспѣетъ. Уже вода въ горшкѣ бьетъ бѣлымъ ключемъ, но камень неупрѣваетъ нимало. Предубѣжденные въ ихъ пользу хозяева, каждую минуту въ горшокъ посматривали съ наилучшею вѣрою, прихлебывали; но — подъ конецъ спряпуны, коимъ бѣсть хотѣлось не на шушку, начали выходить изъ терпѣнія. Они видя, что камень ихъ неупрѣваетъ, и зная, что ему даже въ Папиновомъ горшкѣ упрѣть нельзя, приписывали водѣ всю вину сей мѣшканности, говоря, что етому пособить иначе не можно, какъ бросивъ въ горшокъ немножко соли.

Солоница потчасъ была подана; соли положили; но какъ и сія не сълишкомъ скоро дѣйствовала надъ камнемъ, по для смягченія его, почли они за нужное, положить шуда нѣсколько коровьяго масла. Хозяева желавшіе неперпѣливо видѣть окончаніе сего новомоднаго молодцакаго спряпанья, рады были дать все, чего бы они ни попросили, и такъ были къ нимъ ласковы, какъ тїюща къ молодому зяблю. Повара пользуясь минушами сего ихъ иступленія, достали еще яицъ, крупъ и муки для припирки, всего сполько, сколько имъ было надобно; ребята же по приказу ихъ сбѣгали въ огородъ, принесли капусты, луку и другой зелени, что все бывъ положено въ горшокъ гораздо скорѣе поспѣло, нежели камень. Тогда попробовавъ — они сказали: „Теперь „варишь полно — упрѣло хорошо — „пора садисья обѣдать.„ Горшокъ

сѣ огня сняли и поспавили на
сполѣ — шупѣ имѣ подали хлѣба,
и они накушались сѣ голодухи пакѣ,
чно любо дорѣто. Камень служилѣ
имѣ вмѣсто изряднаго каплуна, и
какѣ все еще былѣ нѣсколько жестп-
кованѣ, но они до его почпи и
недоширогивались. Хозяева для лю-
бопытства, присѣвѣ сѣ ними къ
горшку, на силу опѣ него опспали.
Такѣ имѣ сладко показалось! Госпи
послѣ хлѣба, соли, поблагодаривѣ
ихѣ, какѣ водившя у чеспныхѣ лю-
дей, за угощеніе, сказали имѣ, чпо
бы они обвершѣвѣ вареной вѣ по-
хлебкѣ камень вѣ чистенькое пла-
шенишко берегли до случая, оп-
крывая имѣ за шайну и слѣдова-
тельно шепча на ухо, хопя поспо-
роннихѣ шупѣ и никого небыло,
чно если де когда вздумаеися имѣ
покушанѣ такой доброй похлебки,
но спокитѣ только епопѣ камень
безѣ всякихѣ хлопотѣ и снадобья

въ простой водѣ поваришь, давѣ ей прокипѣть хорошенько. И поелику первая показалась имѣ очень вкусна, то они не успѣвъ дорогихъ гостей проводить за порогѣ, пошчасѣ бросились рассказывать о семѣ чудѣ своимѣ сосѣдамѣ, копорые сбѣжавшись и отвѣдавѣ похлебки не могли надивиться и нахлебаться ее досыща; ибо ее заспали уже на доншикѣ. Слухѣ о семѣ чудесномѣ спрянанѣ разнесся въ мигѣ по всему Пошехонью, гдѣ нѣсколько мѣсяцовѣ сряду все о помѣ шолько были и разговоры. И какѣ никому не пришло въ голову принять во уваженіе соль, масло, яицы и проч. то всѣ единодушно утвердились въ помѣ, что шумѣ неопмѣнно должно быть что нибудѣ чрезвычайное и превышающее догадку человѣческую.

II. II. Ещо исполне того, какѣ рассказываютѣ про одного унтеръ-

офицера, стоявшаго гдѣ то въ
большомъ домѣ на караулѣ, кото-
рому шуптошній поварѣ, чпобы
опвадишь его отъ кухни и опу-
чишь отъ нѣкоторыхъ повадокъ,
въ пирогѣ скормилъ его же лосин-
ную парадную перчатку. И чпобы
сего усерднаго посѣщителя кухни,
послѣ увѣришь, съ чѣмъ былъ пи-
рогѣ шопѣ, не усовѣсился пока-
зашъ ему при глазахъ всѣхъ слу-
живыхъ и своей кухонной браншн,
одинѣ только отъ перчатки паль-
чикѣ, сказывая, что все прочее
ушло въ начинку.

ПОСЫЛКА ТРИНАДЦАТАЯ.

Да будешъ шеперь позволено шолъ
славныхъ Ироевѣ, каковы сунъ наши,
пустишь погуляшь по бѣлу свѣшу.
Съ ихъ достописпвами сидѣть все
дома очень спыдное дѣло, а особ-
ливо, когда естѣ еще имѣ и хоро-

шій случай показатъ себя въ людяхъ. Опять когда, поди жди же его, да когда то еще дождеши, либо будешь, либо и нѣтъ. Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсѣ. Но я долженъ сказать, какой именно случай представился драгоцѣннымъ нашимъ бисерамъ блеснуть въ публикѣ. Изволите видѣть — вотъ что! — изъ Военной Коллегіи къ Пошехонскому Воеводѣ насланъ указъ, повелѣвающій ему какъ можно скорѣе набрать подъ извѣстную мѣрку нѣсколько молодцовъ, считая съ двухъ сотъ пятидесяти душъ по одной, и выстригши поплотнѣе имъ лаверже опправишь, въ чомъ кто есть, въ Москву; гдѣ для нихъ все будетъ гошовое и единообразное. Чегожъ лучше искаешь той okazji?— Хотя пресловутое Пошехонье тогда дунами и очень было нескучно; однако онѣ не могли не предсавить себѣ, что при шаковомъ раз-

численіи въ число избранныхъ могушъ попасть немногіе. И пакъ они опчаяваясь, еще прежде выбора, какъ только имъ указъ объявили и располковали, по всѣмъ домамъ и улицамъ подняли такой спонъ да вой, какъ словно волки въ зимнее время умирающіе съ голоду — Но разсудите пожалуйте, не ужели всѣ они были безнадежны? — Не ужели всѣмъ надлежало погрузиться въ опчаяніе? — Изъ десятишка тысячъ полныхъ душъ, (ибо толикое оныхъ число состояло тогда въ Пошехонѣ по послѣдней переписи) ежели съ двухъ сотъ пятидесяти взять и по одной, то навѣрно сорокъ человекъ будутъ столько счастливы, что не плаша прогоновъ, на казенныхъ подводахъ и барыша еще съ провожаемыми въ Москву мапушку прокашаются, и всего даромъ досыпа насмотрятся. Такъ — это все сущая и истинная правда; да

дѣло вотъ въ чомъ? Какъ ты угадаешь прежде времени, на кого падетъ жеребій? — Вишь епо нежареное, не пахнетъ. Хорошо, кому Воевода съ руки, то еси: кпо забѣжалъ къ нему поранѣ съ задняго крыльца, такъ пошъ таки можемъ бышь понадежиѣ, и съ подушкой менѣ думаемъ — а другой и всемъ бы кажется взялъ, да — безъ вины скажущъ виноватъ — поди же судись, да шолкуй послѣ. Такогопо безъ заступы и безъ дядюшекъ! — видно уже такъ и бышь — не нами свѣтъ начался, не нами и скончался — Я говорю, человекъ сороковину съ барышкомъ подхватили, скрупили какъ надобно. Кпо попалъ въ число сіе, пошъ правъ; а другіе поди осипавайся, да горюй дома сидя, пожалуй припѣвай себѣ заліотныхъ малыхъ пшашечекъ, горегорькихъ кукушечекъ, подъ окошечкомъ сидючи, на чужихъ родныхъ глядючи,

а своихъ вспоминаючи. Новобран-
ные Марсяне, будпо ясные соколы,
взвились и полетѣли на ямскихъ
сѣ колокольчиками въ Москву бѣло-
каменну, служишъ правдою самому
Царю: въ Пошехонѣ ихъ только и
видѣли. Такимъ образомъ бѣдучи они
прибыли въ Москву славную пупи
не выдаючи. На другой день прибы-
тія ихъ во столицу, они всѣ сѣ
ногѣ до головы осмошрѣны, никакой
худобы въ нихъ не примѣчено; и по
тому они въ дѣйствительную служ-
бу безъ замедленія приняшы. Спа-
рядили добрыхъ молодцовъ пощо-
гольски, обучили искусству воин-
скому; и ежели бы теперь посмо-
трѣть на нихъ, то право шакія мо-
лодцы, хоть куды возьми. Уже мно-
гіе изъ нихъ занимающъ посшы, да
и весьма важныя; и служба всею въ-
рою и правдою они славно просла-
вились. Оспавляя прочихъ для при-
мѣру, я упомяну здѣсь только обѣ

одномъ изъ нихъ по прозванію Толстолобовъ. Однажды пришла ему очередь постоять съ ружьемъ для забавы часиковъ полдесятокъ на часахъ у главнаго своего штаба Н. во внутреннихъ покояхъ. Толстолобовъ нашъ, хоть и самъ разумѣлъ воинскую регулу; однако для предосторожности его и повторенія, капралъ еще до разводу на кварширъ такъ крѣпко надулъ ему въ уши, что онъ чуть не оглохъ, нижеслѣдующее: „1 е. чтобы никакого шума „и спугу въ той комнатѣ, гдѣ онъ „стоять будетъ, небыло; 2 е. чтобы „никого изъ постороннихъ и незна- „комыхъ не пускалъ безъ особливаго „на то приказу; и 3 е. въслучаѣ чьего „нибудь спрошивленія или ослу- „шанія поступать съ таковымъ въ „силу воинской регулы, то есть: „безъ всякой пощады душивъ при- „кладомъ, во что ни попало.“ Толстолобова привели и поставили съ

четвертого по полудни до смѣны. Приказѣ и лозунгѣ ему опдали, что все по оспрошѣ своей онѣ такѣ перехватилѣ, какѣ будто огонь пожралѣ. Но не успѣлѣ онѣ, пакѣ сказать, хорошенько установишья, какѣ слышишь нѣкопорый смѣшанный шумѣ, похожій на спукѣ древопочнаго червячка. Настораживаетѣ уши и вѣ шу и вѣ другую спорону, поглядываетѣ шуда и сюда, глазами ничего не видить, а слухѣ не обманываетѣ; и чѣмѣ тише, тѣмѣ слышнѣе, чѣмѣ далѣ, тѣмѣ громче. И пакѣ, думаетѣ себѣ, ето худой червякѣ Ибо (по причинѣ глубокой окрестѣ пишины и пуспогладкихѣ вѣ шомѣ покоѣ спѣнѣ) гулѣ такѣ опдавался, будто кузнецѣ молотомѣ по наковальнѣ бьетѣ. На конецѣ прислушавшись хорошенько подходитѣ онѣ къ шому мѣсту, опкуда спукѣ происходитѣ — оспанаавливается, и какое же ужасное приви-

дѣніе представляется глазамъ его! человекъ, или лучше призракъ въ полтора раза выше его ростомъ,ловища какъ аршельной копей, рошикъ маленькой и пошъ на лбу, поешъ кукушкой; глаза длинные, оспроконечные, ходяпъ кругомъ, а претій другихъ поменьше плакъ и бѣгаешъ; лицо какъ скобелю вытесано, гладкое, круглое, бѣлое инда лоскнешъ, и во кругъ его все черненькія пяшнышки; рукъ со всемъ не видашь, на головѣ малахай кажешся мѣдной; кафтанъ деревянной, не подпоясанъ, а не распахиваешся; ногъ нѣшъ, а споишъ прямо, я же прибавлю: и ходишъ, подлинно ето нѣчто непростое! Сполько опличительныхъ признаковъ нашедши часовою нашъ въ семъ призракъ, но узналъ кореннаго своего имени, отъ коего онъ происходитъ. Ибо ето были сущесвительные часы, хопя они и сами, какъ Мишпрофанушкина

дверь, къ спѣнѣ приспавлены были. Подошедъ ближе къ чудовищу сему, хопѣлъ было его окликнуть; но на ту пору языкъ у него какъ словно примерзъ, и въ горлѣ будто нарочно сдѣлался такой засадъ, что не могъ промолвить ни слова: однако мало помалу онъ ободрился — и по силѣ данной себѣ инструкціи величъ переспать спучать мнимому своему чертополоху: „цисе, гой пер-
„спань, я теби баю, подзи вонъ,
„а не то знашь, вотъ ечимъ (по-
„казывая на ружье) да смерти усто-
„саю., Но нѣтъ — заведенная машина словъ не слушается; а герой почи-
тая ее нѣчимъ одушевленнымъ во-
оружается всею силою и храбро-
стію своею. На конецъ вышедши
уже изъ перпѣнія, хлопъ изо всей
мочи, что называется не въ бровь,
а прямо въ глазъ, прикладомъ — и
еще разъ, да и еще давай покачивать
и по головѣ, и по бокамъ, и спереди

и сзади; словомъ онѣ воинствовалъ
допѣхъ поръ, пока ненапѣшился до-
сыпа. Ибо не только мужественно
низложилъ силу вражію, но и раз-
дробилъ въ мѣлкіе дребезги, чѣобы
и духъ не пахъ. Одержавъ полъ
знашную побѣду, и запыхаясь отъ
усталости говоритъ онѣ глядя
ярыными очами на поверженный
и разгромленный шрупъ: „много ли
„васъ асцо есь епакихъ, выходци,
„всѣхъ подавай суды — о-го! я васъ
„приберу къ рукамъ — а по вишъ
„іони — ба! ето сцо? (продолжаетъ
„Иракль увидѣвъ себя нечаянно и
„въ первой разъ отъ роду въ зер-
„калѣ) ты сцо за чел - экъ! процъ
„цуцела — пугало огородное — (такъ
„Нарцисъ нашъ славно опчестилъ
„себя), а сцо подразнись — я ци
„дцѣявола — о! такъ ты а сцо спалъ
„со мной — я ушъ одново ваша бра-
„та проуцылъ, ажно и цѣбе павожа
„хочещя — подразнись, ой спохва-

„писса — видно баяньемъ съ тобой
„по добру нераздѣлацъса., По сихъ
словахъ вдругъ бацъ со всего раз-
маху по зеркалу; гласъ огромныя
серенады раздался по всему дому.
Полковникъ легшій опдохнувъ вско-
чилъ безъпамяши — не смѣетъ вып-
ти въ переднюю — такъ раскудах-
талось репивое чадо Алкменино!
все побѣдилъ, преодолѣвъ — шор-
жествуешь и не можешь самъ нади-
виться своей храбрости. Размыш-
ляешь о достойномъ подвигу своему
воздаяніи; неувядаемыя лавры по-
честей ему мерещатся, какъ наяву.
Но пожалуйте — что по побѣдѣ
нашъ теперь станетъ баянь? На-
роду набѣжало полны хоромы ---
раба Божія скрупили при всей его
храбрости. Не запоешь ли онъ самъ
теперь кукушкою? въ военномъ быту
знаковъ опличія за подобное герой-
ство не занимаешь; они готовы и
ожидаютъ только спины его, чтобы

достойно увѣнчать ее. Ибо Полковникъ, за столь храбрые подвиги, усердіе къ службѣ и неустрашимость для примѣру другимъ, приказалъ съ прописаніемъ его заслугъ, вѣнчить ему предъ фрунпомъ хорошій памятникъ въ спину.

ПОСЫЛКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Да --- не забыть бы тебѣ сказать, какъ чудодѣи наши ходили на славленную ярмонку неволь далече онѣ Пошехонья въ Путнѣево, (*) и чинъ съ ними въ семъ пушешествіи случилось. — Изволишъ видѣть — они собравшись хорошою вереницею, запасши въ дорогу хлѣбомъ, солью, а для покупки разныхъ галантерейныхъ вещей алтынами, и вооружась свойскими рогатинами, выступили

(*) Нынѣ мѣсто сіе концы деревни Пушечного; но о семъ мѣстѣ Географическа невидно.

въ путь дороженьку благополучно, радочно. Но забывши дома бездѣлицу, сирѣчь справисься со зрячею Пасхаліею, они кѣ ярмонкѣ немножко не упрафили, и пришли въ Пугніево на трепій день послѣ оныя; однако такъ рано, что шамѣ послѣ праздника всѣ еще спали безѣ просыпу. На досугахъ разгуливая по Пугніеву, и разсмапривая все съ примѣчаніемъ, увидѣли они вдругъ на кровлѣ помѣщичьихъ хоромъ нѣчто весьма странное, и себѣ дюже не по сердцу, аи менно въ подобіе челоука, съ метлой, веревками, и еще Богъ знаетъ съ чемъ, шакого чернаго, спрашнаго, что съ перваго взгляду поздравили они видѣніе сіе. *Нечистымъ д.* Да и дѣльно; ибо чудище сіе дѣйствительно было все перепачкано въ сажѣ. При шаковомъ необычномъ явленіи, нѣкошорые изъ брашніи разсудили было навоспришь лыжи подалѣ; но другіе посмѣлѣ

и поразумнѣ, ихъ опѣ сего опго-
ворили, представляя, что всякую
нечисть можно прогнать крестомъ
и моливною. И такъ кое какъ уста-
новившись на одномъ мѣстѣ, опѣ
глубины души принялись крести-
ться и шворить моливну; опѣ чего
Нечистаго на трубѣ начало такъ
корчить, южить и коробить, что и
глядѣть было ужасно, Всякой бла-
горазумной чипашель и безъ моего
напоминанія видѣть, что епо былъ
трубочистъ, опправлявшій обык-
новенную свою работу; Но прош-
лецы наши сочтя трубочиста *Нечис-
тымъ* д. почли работу его слѣдстви-
емъ духовнаго своего оружія — прио-
самились, ободрились, а особливо,
когда сей нечистой опѣ ихъ въ
трубу спрятался. Они видя сіе, ба-
лансировали другъ съ другомъ опѣ
радости, торжествуя и духомъ и
тѣломъ свою надъ врагомъ рода че-
ловѣческаго побѣду. „Смотрицко,

„смотрицѣ ребяци! узо пряцыцѣса —
„а га! да нѣсь — отѣ насѣ не-
„упрыгнуць — пойдціомцѣ ребяци
„воровѣи вѣ хоромы, сцопѣ окаян-
„ной надѣ намѣ не смѣяси, кричали
„они изо всего горла, размахивая ро-
„гашинами: не бось мы укоропашѣ
„живопѣ ему — и избавимѣ ендихѣ
„бѣдныхѣ (разумѣя жипелей Пу-
„гнѣевскихѣ) отѣ шакой ужести.„
Сказавѣ сіе полетѣли, они какѣ
яспребы за голубемѣ, подступили,
апаковали со всѣхѣ сторонѣ домѣ
помѣщичій. Теперь уйши нечистому
некуда. Спучашѣ вѣ спавни безѣ
милосердія, напираютѣ вѣ вороша
всею грудью, калипку высадили —
ворвались на дворѣ — приступаютѣ
кѣ сѣнямѣ — дверь выломили — при-
хожую взяли шпурмомѣ, все спало
опшверсно — всемѣ овладѣли — спу-
пай куда хочешѣ — бѣгаютѣ по по-
коймѣ словно люпые звѣри, су-
хотѣ по всѣмѣ угламѣ, бьютѣ, ло-

маютѣ, швыряютѣ, кричатѣ, словомѣ, воюютѣ пакѣ, какѣ будто какой городѣ взяли. Крашко сказать они вооруженіемѣ и ухватами своими всѣхѣ въ домѣ сполко переполохали, чѣто никто не смѣлъ головы приподнять, а всякѣ припалѣ свою опѣ свѣшу подалѣ. Ибо всѣ незваныхѣ и слѣдственно неожиданныхѣ прогонимелѣ бѣса, почли сѣ просонья не иначе, какѣ забредшими сѣ большой дороги промышленниками, или такими выходцами сѣ того свѣпа, каковымѣ они вообразили сѣбѣ шрубочиспа, то естѣ ихѣ почли дьяволами. На конецѣ *Пронюхинѣ*, паренѣ великой проворѣ и смѣльчакѣ, первой осачилѣ *нечистаго д.* въ кухнѣ, копорой, какѣ скоро его завидѣлѣ, припворилсѣ, будто въ шрубѣ обмѣшаетѣ сажу. Однако *Пронюхинѣ* пѣмѣ обманушѣ себя ему не далѣ, и при всемѣ лукавствѣ лукаваго зналѣ, чѣто ему дѣлать. Онѣ

не говоря ни слова, схватилъ домо-
ваго за ногу, и вѣ попыхахъ скли-
калъ какъ пѣшухъ къ себѣ куръ сво-
ихъ поварищей: „Сцѣса — сцѣ — са
„ребяци! я осацылъ!,, Но прежде не-
жели дружки его подоспѣли къ нему
на помощь, *Нечистой д.* успѣлъ его
ядромъ своимъ осачить шакъ славно
по боку, чпо онѣ только крякнулъ
и ни живѣ, ни мерпѣ шакъ и рас-
стянулся. Несмопря на сіе, подска-
киваетъ къ нему *Силацонъ*, размахиваетъ руки, чтобѣ его охапить и
спащитъ живаго всѣмъ на показѣ;
но шрубочиспу удалось шакъ нае-
ликшризовать щоки и скулы *Сили-
цоновы*, чпо онѣ опѣ чрезмѣрнаго
вѣ глазахъ блиспанія, свѣшу Божьяго
не взвидѣлъ. Ему казалось, чпо на
попѣ разѣ вся Вселенная обѣялась
пламенемъ. За сими пробовали было
попормошчить его и еще нѣкоторые
поудалѣе и посмѣлѣе; но *Нечистой д.*
оспервенившись и скрежеща зубами

умѣлъ ото всѣхъ отбояриться безъ дальнаго вреда себѣ, не оставивъ самъ ни одного человѣка безъ клейма своего. Иному оппечатавъ онъ на лицѣ чершовскую свою лапу, другому расквасилъ носъ, прешьему расчесалъ лобъ, чешвертому подрисовалъ глаза и брови, всѣхъ какъ бышъ надобно подрумянилъ, защищаясь отъ нападающихъ, чѣмъ ни попало. Но когда Хриспюлюбивые рапоборцы принялись за свои рогашины, то онъ позапорошивъ имъ, глаза сажею стребая и кидая ее обѣими руками, копорой ему не занимать спало, за благо разсудилъ оборошиться вѣдьмою и убраться въ шрубу повыше, что къ удивленію всѣхъ предстоящихъ такъ проворно сдѣлалъ, что опричь сполбомъ ходящей саживѣ вѣдѣхѣ, вдругъ ничево спало невидно. Епаконъ прокляпой оборошень! — Между тѣмъ Господинъ дому имѣлъ время приши

въ себя, и узнавъ все дѣло дочиста, прогонишелямъ крѣпоснаго своего бѣса, за толикое ихъ усердіе, вздумалъ прибавишь на закуску нещипная того, что они получили отъ шрубоchисна, и въ знакъ должныя своей благодарности велѣлъ ихъ проводить со двора своего, какъ возможно лучше, не жалѣя ни рукъ, ни колья. Во исполненіе сего господскаго приказа, одержимые *Нечистымъ духомъ*, исцѣлителей своихъ шакъ изрядно на расшаняхъ укачали, уподчивали, что сіи не вспомнили, за чемъ пришли, и поворопили изъ Пугніева назадъ во всю прыть — откуда взялись ноги? — На добромъ рысакѣ успѣвать за ними было въ пору. Имъ казалось, что все за ними гонялся. О закупкѣ товаровъ и о ярмонкѣ шупъ ни слова. Но отбѣжавъ ешакъ верстъ пятокъ, вынузя языкъ, они осмѣлились оглянувшись, и видя себя въ опасности, рыси

своей поубавили; уговорились или лучше принудились иши легче, съ роздыхомъ. Но поелику каждой изъ нихъ наровилъ, чпобы не ошашься, назади, а бышь въ передней шеренгѣ, или по крайней мѣрѣ въ средней, ради всякаго случая, а имянно, чпобы не попалъ первому въ когши; по и послѣ условія сего шествіе ихъ мало чемъ разнилось отъ прежняго. Однако они начали шумѣ побакоривать, и о чемъ же? — все обходномъ своемъ *нечисто.иъ*, котораго они въ потѣ день сподобились видѣти своими глазами, осязати своими руками, и обратно. „Топно циво „ребяци! у насъ въ Посехонѣ, раз- „добаривали они, домовой ходиць „полко по ноцамъ до пѣуновъ, да и „по невицимкой, а шумѣ окоянной „поосерець бѣла дня, и люцѣи не „полохатца. — Да мышѣ ево цосно „оппопцывали., Много и премного они кое чево о семъ разсуждали.

Разные полковали ешо дѣло разно. Иной бахвалился своею храбросіію и смѣльсію; другой сѣпросіюны говорилъ о передрягѣ, какую себѣ ошѣ Нечистаго и имѣ одержимыхъ видѣлъ: препііи извѣялѣ сожалѣніе свое о бѣдныхъ Пугніевцахъ; но всѣ единодушно закаявались ходишѣ впредѣ ни на ярмонку, ни за другимѣ чемъ въ Пугніево. Такѣ оно славно ихъ пугнуло! — здѣсь они и вспомнили, за чемъ ходили, да ужѣ поздно — не ворочашѣся спало — многія довольныя причины ихъ ошѣ сего удерживали; но одно дѣльцо, кошераго я не скажу, было всѣхъ причинѣ причинѣе. Если они и останавливались на возвращномѣ пути своемѣ, шо весьма мало, и шо для причинѣ самыхъ важныхъ и переговоровъ необходимыхъ. Но бѣшенные Свѣповидовы кони не дѣлали имѣ компаніи для подобныхъ ихнимѣ нуждѣ и побасокъ. Они безѣ разсужденія

повиновались вождю своему, и уже весьма не далеко были отъ предѣловъ раздѣляющихъ день отъ вечера, какъ наши Галаншомы завидѣли съ горы сельцо *Закуряево*. Радость ихъ при семъ видѣніи была неописанна. Ибо сельцо сіе по близости своей къ ихъ родинѣ, и особливо по имѣвшейся въ немъ всегда винной продажѣ, имъ было такъ знакомо, какъ свое *Поссхонье*. И такъ, напрягши послѣднія свои силы, они принялись въ полпора полопнища кроить шаги свои, удвоили скоростъ движенія мышцъ, бѣжали заскаля лбы и выпуча глаза, и за то правду сказать въ *Закуряево* поспѣли прежде, нежели оныя свѣпловолосаго хозяина кони во свои стойла. Здѣсь рѣшились они взять покой себѣ до упрія, и отъ сугубаго перелому, то есть: какъ нравственнаго, такъ и физическаго, хорошенько полѣчипься *Закуряевскимъ* зеленымъ бальзамомъ.

Почему и привалили они прямо къ казенной аптекѣ, украшенной извѣстными лапками. И какъ имъ въ епопѣй день умыться и вытереться было недосужно, то они въ Закурьево по деревенскому быту представили собою маскарадъ довольно веселой. Однако имъ самимъ было не до того — сложились въ складчину — шлепнули по доброй чарѣ, клюнули по другой, давай еще по третей — только подноси, да не обноси — всѣ спали живѣе, бодрѣе — боль въ костяхъ сняло, какъ рукой, сердце нынь переспало — духъ храбросіи оживотворился. Словомъ, все пошло другое. Но какъ въ семьѣ не безъ уroda; то и между ими замѣшался одинъ фалалей именемъ *Милѣха*, который ни пилъ съ ними, ни пѣвшился, а только изъ подлѣбья на закуликавшихъ товарищей поглядывалъ — Надобно вѣдать, что епопѣй *Милѣха* былъ парень молодой, дюжой,

закиточнаго опца сынѣ и вѣ винѣ
еще неспусившійся. Товарищи дол-
го его просили, подчивали, уго-
варивали, ублажали, но безѣ успѣху.
Покуда хмѣлинушка не развигралась
пушемѣ вѣ головушкахѣ ихѣ, онѣ все-
кое какѣ отказывался, опиѣкивался,
опговаривался. Но убѣдительноѣише
ихѣ доводы принудили его выпить
для удовольствія и за здравіе ком-
паніи сперва сладенькаго медку, по-
томѣ сѣ пивцомѣ, тамѣ сѣ винцомѣ,
а подѣ конецѣ и голенькаго проспач-
ка — и нейивоха нанѣ, такѣ разо-
хопился, что лилѣ себѣ на лобѣ все
безѣ разбору какѣ воду, и уже не
требуя попчиванья, самѣ присусѣ-
дился кѣ растворенной плохѣ такѣ
плошно, что полчаса мѣсто сѣ нею
полабзившись, такѣ одурѣлѣ, словно
бѣлены обѣлся — ахѣ, батюшки
свѣты! какихѣ, какихѣ шпукѣ онѣ
тогда не выкидывалѣ! — ужѣ томо
прямо было чево и послушань и

поглядѣшь. Какими, какими не воспѣвалъ онъ голосами! — кричалъ благимъ матомъ, хрипѣлъ, стоналъ, мычалъ, ворчалъ — кривлялся, билъ, ломалъ, бросалъ, топталъ — дѣлалъ сальпра бальпра, или попросту плясалъ, писалъ ММ. ошибивалъ головою часы обѣ стѣну, считалъ носомъ половницы, руками же при всемъ беспамяпствѣ дѣйснвовалъ шакъ исправно и мѣшко, чпо развѣ рѣдкому изъ земляковъ его не досталось по доброму отпечатку отъ оныхъ, а иной и гораздо довольно схватилъ себѣ отъ него тепленькихъ. Словомъ, онъ колобродилъ, блажилъ, куралѣсилъ до тѣхъ поръ, покуда мочь была; и въ сіе малое время сказалъ столько мужеснва и проворснва, чпо пошчивальщики его ужъ сами перады спали своимъ зашѣямъ, а его храбрости. Весьма вѣроятно, чпо онъ съ подобными шушками провозился бы еще долѣ,

если бы силы его не опрелись во все служивъ ему. Съ нимъ случилось то, что по пословицѣ буркѣ причиняютъ крупыя горки. Подобно сей рьяной лошади споткнулся и палъ нашъ доброй молодецъ. Какое вдругъ неожиданное зрѣлище! поглядите пожалуйста — се онъ лежишь распростеръ яко древо, но не древо — звѣрь? не звѣрь — кому же уподобить его? это едина куча упражняющая мѣсто — безгласенъ, безчувственъ, недвижимъ. И судя по обмерзвелому его виду, безъ сомнѣнія былъ бы положенъ подъ святыя, еслибы нѣкія дѣйствія природы, старающейся переработать его ошибку, не подавали еще знаку о его жизни — за обморокомъ его скоро послѣдовавшіе ики воздымали грудь его, какъ добрыя дрожжи опару, или лучше, какъ раздувательный мѣхъ легкій пепелъ. Гортань не отдѣлалась даромъ за свое услажденіе; она

съ прегорькимъ ауканьемъ, изрыгала подобно возторѣвшемуся Безувію густую и нечистую лаву. Невинные и принужденные свидѣтели ея пированія, испужавшись такой казни, спрятались совсемъ подлѣлюбъ. Ищжныя розы, процвѣпавшія на щесахъ, будпо обдало варомъ — блѣдность покрыла все лицо — губы запеклись какъ Вестфальской окорокѣ. Вопѣ каковѣ нашѣ шеперь *Микѣла*! — любезная юность! блуди красоту свою и цѣломудріе — епо еще незрѣлые и не всѣ плоды пїанства; они чемъ спѣлѣе, тѣмъ ядовитѣе. Ты видиши, коль опасно содружесиво съ развращенными, и коль блиско въ бесѣдѣ ихъ искушеніе, пагуба! — сказалъ бы я и еще кое что, но дѣлашъ поученіе другимъ и безъ меня есть кому. Если я обратился къ тебѣ, то единственно по любви моей. Наслаждайся ты въ непорочномъ и сладчайшемъ веселіи драгостію

лѣтъ своихъ; а я примусь опять за стариковъ своихъ, сирѣчь, за товарищей Микѣхиныхъ. Они видя съ парнемъ такую припчу долго не знали, чему приписать ее, но раскинувъ хорошенько, что называешся, умъ по плѣши, увидѣли ясно, что въ него вселился *нечистой д.* и имянно, потѣ самой, которой имъ показался въ *Пугиѣвѣ*, и что слѣдовательно все епо его окаяннаго пакоспи. Заключение ихъ, судя по дѣйствіямъ было не такъ то дурно; и чѣмъ оно вѣроподобнѣе имъ предсавлялось, тѣмъ глаза ихъ становились свѣплѣе и болѣе, а волосы ежовѣе. Я говорю здѣсь о обѣявшемъ удальцовъ нашихъ страхъ: но для чего молчу о ихъ унынїи, сѣтованїи, туженїи, кои ешому пучеглазу кромѣ старшинства ни чѣмъ не уступали? — Такъ — они обспавъ во кругъ *Милѣху*, глядяшъ на распростертое его шло

изсупленными глазами, изъвѣляющими душевное смущеніе и глубокую скорбь ихъ. Долгое время не опровергающъ они устенъ своихъ — споятъ какъ стопочки, какъ вкопанные, повѣсивъ свои буйныя головушки. Уже вѣнчающійся плющемъ и развѣжающій на львахъ и шиграхъ пухленькой красавчикъ не занимаетъ ихъ болѣе. Спеленная жена, представшая въ черномъ одѣяніи съ распущенными волосами, обратила на себя все ихъ вниманіе. Тьмы разныхъ думъ и грезъ лѣзущъ безъ доклада въ столицы ихъ разума: то представляется имъ опчаянный Микъхинъ опецъ, рыдающій о сынъ своемъ, то мечшается жестокой и неукротимой его нравъ — Одна спрасть преодолевается другою — пишаемая любовь къ парнюхъ, открылась шумъ всеобщую о немъ жалостію, которая какъ охидна деретъ немилосердо ихъ

упробы — вырывающіеся изъ Адаманшовыхъ грудей охи, слышны были далеко на улицѣ — слезы подобно жемчугу капились изъ испочниковъ своихъ по ланипамъ умашеннымъ Пугніевскою сажею — какъ бышь? *Микѣха* опѣ часу спановишся недвижимѣ, расслабленіѣ, пруднѣ, только и надежды, чпо хранишъ сердешненькой — незнаюшъ, не придумаюшъ, какъ пособить своему горю горемышному. Уже мрачное опчаяніе начинало изображашься на ихъ лицахъ; уже было хомѣли *Микѣху* науписпвовапъ въ жизнь будущую, какъ вдругъ предспаешъ имъ Ангелъ утѣшитель, избавишель, въ лицѣ опставнаго служиваго *Слѣкала*, которой хотя съ перваго взгляду увидѣлъ все дѣло до полушки; однако примѣтивъ въ нихъ сильную охоту къ повѣспвованію своей Истории показывалъ имъ, будпо ничего не

знаешъ, и просилъ ихъ, ничего не утаивая, рассказать все дѣло, какъ чинно было — шупъ у всѣхъ языки засвербѣли не въ стерпежъ — каждому хотѣлось показати свое краснорѣчіе — и сколь беспорядочно они ради чрезмѣрной печали ни извѣснялись; однако Смѣкалъ понималъ ихъ изрядно. Когда рѣчь дошла до вселенія нечистаго д. въ Микѣху, то онъ почилъ при каждомъ ихъ словѣ задумывался, вздрогивалъ отъ ужасу, то пожималъ плечами, то нахмуривался и качалъ головою, оплевывался, бормоталъ нѣкоторыя таинственныя и невнятные слова, дѣлалъ разныя рожи, одувался и одувалъ предстоящихъ, осматривая каждого съ головы до ногъ — глядѣлъ въ спаецъ съ водою — крестился на всѣ стороны; словомъ, онъ показалъ ясно, къю онъ таковъ по своей наукѣ. И когда увидѣлъ должное себѣ по знанію своему уваженіе,

то для куражу объявилъ имъ, что
въ *Микѣу* почно вселился *нечистой*
д. и что ена проклятыя напущена
на всѣхъ ихъ онъ лихихъ людей
въ *Пугнѣвѣ*, что, если бы де онъ
еще минушу укоснилъ своимъ при-
ходомъ, то бы они не то увидѣли—
что однако теперь дискапъ благо-
даря Бога имъ бояться не чево, и
что самый бѣснующійся не совсемъ
безнадеженъ, что хотя де онъ (го-
воря о себѣ) и самъ ешой наукѣ
поученъ по силѣ, однако есть де у
него одна добрая пріятельница спа-
рушка, такая могучая, сильная....
что весь адъ трепещетъ ея закли-
наній—и что на ея по силу и помощь
совѣтуетъ онъ имъ положиться,
а иначе.... чтобы де и другимъ
повоже, да и еще горшаго недо-
спалось. (На ушко тихонько чипа-
пелю я скажу, что сія поль хва-
лимая чародѣйка была Смѣкалова
пеща, однако пусть ето будетъ

въ скобкахъ). Здѣсь весь соборъ, кромѣ аптекаря, брякнулся *Слѣвалу* въ ноги, прося и моля его о неоспа- вленіи себя бѣдныхъ въ такой край- ности; а сей возвыся голосъ, про- должалъ хвалу своей знакомѣ, изо- брѣтая доводы изъ всѣхъ мѣстъ пописескихъ, даже невозможныхъ, и украшая оныя разными фигурами и тропами, а особливо такими, въ коихъ болѣе говорится, нежели ра- зумѣть надобно. При чемъ не за- бывалъ онъ напоминать и о угрожа- ющей опасности. — На конецъ видя, что рѣчию своею довольно пошат- нулъ умы слушаемыхъ на свою сто- рону, являлъ онъ себя чувствитель- нымъ къ ихъ несчастію, часто потиралъ себѣ глаза изъ жалости, и досадовалъ на разстояніе, коль оно въ прочемъ было нисколько, раз- дѣлявшее его на ту пору со своею и всего рода человѣческаго благодѣ- тельницею. Тутъ пошли вопросы да

распросы о ея жишельствѣ, и имѣ
указанѣ былѣ преній домѣ, шагахъ
ешакѣ въ пятидесяти, насупротивъ
той аптеки, гдѣ они закупили лѣ-
карство. Похваловѣщатель побѣждалъ
прежде одинѣ къ возлюбленной своей
Ееѣ, яко бы предваришь ее, дабы
нечаяннымѣ толь многихѣ поспо-
роннихѣ людей приходомѣ, не помѣ-
шатъ ей въ какихѣ нибудь важныхѣ
упражненіяхѣ, не беспокоишь ее
безвременно, и тѣмѣ не подгадишь
всего дѣла; распаваясь же далѣ
имѣ честное слово и вѣрную руку,
всѣми силами своими стараться о
ихѣ пользѣ, общаясь при томѣ
возвратишься къ нимѣ, какѣ будешь
возможно скорѣе. Сколь ни опры-
висто было сіе распаваніе; однако
онѣ успѣлъ напочинишь имѣ еще не
мало лясѣ, кои всѣ были приняты
за сущую истинну — бѣснующагося
велѣлъ онѣ хорошенько скрупишь
пеньковымѣ крученымѣ свивальни-
М

комъ, чтобы не бился; за неимѣніемъ же пристойныхъ носилокъ, положи въ него на шелегу, шупъ случившуюся, покрывъ цѣновкою, словомъ, бывъ въ готовности къ маршу по первому опѣнного сигнала — понаставленію сего усерднаго посредника, скоро все было изготовлено, сдѣлано — и спраждающимъ соспраданіемъ на живопѣ шупъ нѣсколько поощдало — Ибо лучи надежды озарили скорбію омраченныя сердца ихъ. — Чрезъ четверть часа возвратился ихъ упѣшитель, извѣщая губами своими радости о успѣхѣ своего ходатайства. Онъ имъ объявилъ въ короткихъ словахъ, чтобы они не теряя времени, за нимъ какъ можно скорѣе слѣдовали, сказывая, что сердобольная его пріятельница по человеколюбію своему помочь имъ рада опѣ всего сердца; ежели будетъ только способъ; — но обладающей великими талантами что

есть въ свѣтѣ невозможнаго? — И такъ, жаждущіе исцѣленія подхвапья шелегу на руки щєспвовали съ крѣпкимъ упованіемъ за ходапаемъ своимъ къ дому реченныя избавительницы — пришли — вороша спояли не заперты — у коихъ не по заслугамъ своимъ вспрѣчены они самою госпожею дома, коей, по насмавленію *Слѣкала*, всѣ въ одинъ шемпъ грянули челомъ въ мапъ сыру землю такъ бойко, чпо лбами своими чунь подворопни и съ ворошами не спрорушили — При всемъ томъ введены онивесьма благосклонно въ аудіенцъзалу, гдѣ по приказу той же добренькой хозяйюшки, обвипаго веревками снявъ съ одра положили на сполъ, и поставили подъ образа въ передній уголъ. — Пусть онъ немножко шупъ полежитъ, а мы между шѣмъ посмотримъ другихъ лицъ дѣйсвующихъ. *Өадѣвна*, такъ называлась госпожа дому, прощамкавъ какіяпо

изъ науки своей слова надѣ пѣломѣ,
и сдѣлавъ нѣсколько преудивитель-
ныхъ пѣлодвиженій, обратилась къ
предстоящимъ, и просила ихъ честію
вышпи вонѣ и проводитъ ночь безъ
опасенія въ подклѣпяхъ, сказывая
имъ, что они шушъ могутъ до
смерти переполохаться, когда она
будетъ имѣть дѣло съ такимъ у-
жаснымъ духомъ, каковъ есть все-
лившійся (здѣсь назвала она его
такимъ именемъ, котораго въ дру-
гой разъ ей и самой не выговоришь
бы); и что де сверхъ того онъ бу-
дучи изгнанъ изъ *Микѣли* можетъ
вселился въ кого нибудь изъ нихъ,
и что ей онъ того будетъ только
двойная работа. Она такъ хорошо
и счастливо описала имъ *Нечистаго*,
и шрудность его изжененія, что
слушателей ея, еще ничего невидя,
подрало по кожѣ — и они въ поро-
пяхъ и наполохавшись вмѣсто всѣхъ
оповѣстовъ возили только поклоны,

моля еѣ пихимѣ и дрожащимѣ голосомѣ о помилованіи. О положеніи лицѣ ихѣ на сей разѣ я не говорю уже. На конецѣ со всемѣ опкланялись — ушли. Восхищенная спарушенца пожелавѣ имѣ доброй ночи и спокойнаго сна всѣхѣ перекспила по своему, обнадеживая, сколь вѣ прочемѣ великаго труда ей спойнѣ не будетѣ, исцѣлишѣ кѣ ушрію бѣснующагося — *Смѣкаль* проводилѣ ихѣ на предреченный ночлегѣ, наносилѣ и разослалѣ имѣ соломы для повалки, да правду сказапѣ и не даромѣ — онѣ впуспивѣ всѣхѣ вѣ подклѣпи вмѣсто молиппы на сонѣ грядущимѣ, прочипалѣ имѣ изѣ головы свое поученіе, коимѣ спарался ихѣ усовѣспиишѣ или увѣришѣ, что для изгнанія и преодоленія *Нечистаго* нужны неминуемо денежки, а имянно, что для сего поппребны разные корешки, порошки, душки, камешки, составы химическіе, инструменпы

фізическіе и проч. и проч. кои де всѣ вещи продаются великою цѣною, и что хоши благодѣтельница его, будучи сама человѣкъ незажиточной, по скромности и добродушію своему имѣ и ни чего о себѣ не упоминала; однако де имѣ самимѣ, какъ честнымѣ и благороднымѣ людемѣ, надобно знашь честь и чувствовати цѣну благодаренія — прибавляя, что Богъ никому не даеши прямо съ небеси хлѣба, а всякой де отъ своихъ собственныхъ трудовъ имѣеши себѣ прокормленіе; но что въ прочемѣ онъ опдаеши все сіе на ихъ волю, а только напоминаетъ, чтобы имѣ опослѣ немучиться совѣстію, не воздавъ по мѣрѣ силъ своихъ за толикое себѣ благодареніе. --- Въ продолженіе сея предики слушатели *Слѣкаловы* поглядывая одинъ на другаго изъ подлбья, взаимнымѣ прищуриваніемѣ глазъ и мгновеннымѣ повершываніемѣ на

бокѣ головы, давали другѣ другу
знать, что *Смѣкаль* другѣ и Папиронѣ
ихѣ говоришѣ, какѣ самая премуд-
росишѣ. — И такѣ они шопчасѣ ски-
нулись безѣ щопу — изѣ благодар-
ности — за свое собственное из-
бавленіе, и чрезѣ сего своего по-
средника били челомѣ бабушкѣ *Оа-
дѣевѣ* чупѣ нецѣлою шаницею хо-
дячей разной монеты. Тутѣ *Смѣкаль*
ихѣ осипавилѣ со знаками искрен-
нѣйшаго дружества, зачуралѣ и при-
перѣ такимѣ замкомѣ, копорого не
беретѣ самая разрывѣ шрава; а самѣ
яко учасипвовашель вѣ шоль важномѣ
дѣлѣ, спѣшилѣ на помощь своей ве-
ликой Мейстеринѣ, копорая уви-
дѣвѣ его сѣ такою пошею ахнула,
обмерла ошѣ удивленія, и забывѣ на
ту пору важность подлежащаго
себѣ подвига, и дряхлость лѣтѣ
своихѣ, чупѣ не пошла выкидывать
ногами, яко *Продіа* виномѣ упившая-
ся. Подмашерье се высылавѣ изѣ

шапки на столѣ знаки одержанной имѣ благодарности, и раскладывая оныя мѣрными кучками былѣ въ неменьшемѣ ея воспоргѣ — и шакѣ будучи на одинѣ безѣ свидѣтелей, они по наукѣ своей вспунили въ разныя между собою сообщанія, какѣ *Микѣха*, у копорого внутри пылала Гекла, попросилѣ испить, и тѣмѣ прервалѣ ихѣ разглагольствіе — и они опасаясь, чѣобы паціентѣ ихѣ прежде операциі не исцѣлился спомѣ, шопчасѣ кѣ нему подбѣжали, и запушивѣ огонь принялись валяпѣ его и покачивапѣ, крича ужасающимѣ голосомѣ, и тѣлодвиженіями своими давая запѣ, якобы все боряпѣся сѣ невидимою силою вражіею — короче сказапѣ, они шакѣ хорошо нащекотали ему бока, брюховину и спину, чѣо онѣ пришелѣ въ чувство и опѣ бѣса избавился нѣсколькими часами ранѣе, нежели какѣбы быпѣ надлежало. И

когда дурь изъ головы у него гораздо повышла, то *Слѣкаль* принялъ прудъ возвѣспишь, молодымъ своимъ, опочивающимъ въ подклѣпяхъ, что *Нечистой* изъ бѣднаго парня ихъ выпуренъ, да и добрымъ мастерствомъ, что больной де теперь въ совершенномъ разумѣ, и хопя еще онъ надсады немношко поохиваетъ, однако де все ето ужъ ничево и пройдетъ весьма скоро — послѣ сего онъ представилъ ихъ самой *Өадѣснѣ*, кошорая въ тѣ минуты въ послѣдній разъ скачивала съ пестра *Микѣху* для совершеннаго его очищенія отъ духа нечеспи; и молодые наши видя, бѣсновавшагося въ навечѣрїи уже сидяща, несвязанна, разговаривающа, какъ быть надобно, словомъ, почти со всемъ здрава, обомлѣли отъ радости, и несовѣтуясь много съ черезами и кошками своими спарались ей изъявить всякой лично свою благодарность. Бабушка имѣла

мягкое сердце, была жалостлива и ко всѣмъ бѣднымъ милоспива; и по-тому просить себя долго не заста-вила. Тутъ подходящѣ они всѣ къ Микѣхѣ для поздравленія, огляды-вають его кругомъ, съ ногъ до го-ловы, спрашивають его о томъ, о семъ — какъ онъ проводилъ ночь, что чувствовалъ при выходѣ дѣя-вола, помнилъ ли, какъ онъ его вчера мучилъ и проч. на что Микѣха имъ отвѣщивалъ кратко, что еспа-кой ужасни родясь невидывалъ, и что съ сихъ поръ закажетъ другу и ворогу ходишь, за чемъ бы то ни было, въ Пугнѣво — и голосъ, съ ка-кимъ онъ произнесъ сии послѣднія слова, всѣхъ словно кипяшкомъ об-далъ. Но усердный Слѣкалъ взялся избавить ихъ сего страха, и Микѣху со всемъ поспавить на ноги, пред-лагая имъ, чтобы они дали ему по одной только гривнѣ, а ужъ онъ де знаетъ, что дѣлать далѣе —

вдругъ сложились, денежки вручили, и *С.иѣкаль* спремглавъ бросился въ аптеку за лѣкарствомъ — минушъ черезъ десять явился онъ опянь предъ собраніе, и съ чѣмъ же? съ двумя превеликими рѣдчинами живой воды! *Микѣхъ* для подкрѣпленія силъ задалъ онъ первому хорошій пріемъ, а попомъ и другимъ по очереди, не забывая себя и любимой своей пещушки. За первымъ пріемомъ оглушилъ онъ всѣхъ другихъ. Пошли дружескіе разговоры да раздабары — рѣдчина лѣшѣла за рѣдчиной — бесѣда спановилась онъ часу живѣе и веселѣе — *Микѣха* къ обѣду со всемъ исправился, или лучше, наклюкался какъ красная клюковка — около полудни они изъ *Закуряева* въ пущь выступили, такъ довольны и всѣ радостны, чпо и гайки нема, и на третій день къ вечеру восвояси благополучно прибыли. Жены, сестры и ребяпишки, наказывавшія

нимъ купить себѣ и шово и сего, и по тому ожидавшія возвращенія ихъ съ крайнею неперпѣливостію, выбѣжали встрѣчать ихъ за версту, бросались къ нимъ на шею, цѣловали, миловали; но за всѣ свои ласки, вмѣсто чаемыхъ гостинцовъ и обновокъ себѣ, должны были удовольствоваться единымъ повѣствованіемъ заломныхъ подвиговъ, подвѣяныхъ ими въ семъ преславномъ путешествіи.

ПОСЫЛКА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Кто какъ другой, а у меня обычай такой: коли взялся за гузѣ, не говори, что не дюжѣ. Пусть кто считаетъ, какъ хочетъ; а я свое дѣло знаю — кому не любо не слушай, а намъ немѣшай. — Во время возвращающаго путешествія изъ Пугнѣева бредовыя сандаліи нашихъ пешиметровъ шакъ сильно проголодались, что

надобно было неопмѣнно или заткнувъ имъ разинушую пасть, чпобѣ онѣ еще сколько нибудь послужили, или со всемъ бросить. И послѣднее сказуемое было гораздо сходнѣе. Ибо первое, въ дорогѣ досугъ ли за етакую бездѣлицею валандаться, а второе, и гдѣ пы возмешъ всѣ къ тому принадлежноти, какъ то косыки, колодки, лыки и проч. — Я говорю о томъ, чпо прошлецы всесвѣшныя, пробираясь домой на упекъ, парадныя свои лапки икакъ славно опишляндали, чпо ноги обливаясь красными слезами просили себѣ обновки. Товаромъ ешимъ хопя и не было тогда такого порядочнаго торгу, какъ нынѣ; однако сыскашь его и особливо съ наличными — и еще такимъ проидошамъ, нечего не споило. Знали добрыя молодцы, чпо онѣ по необходимости своей, хопя не такъ въ знашномъ количествѣ, вживался во всякомъ домѣ.

И такъ имъ и снилось и видѣлось, какъ бы только поскорѣе добратъся до спанціи — наконецъ уже къ вечеру, кое какъ болѣе нежели впробось, приволоклись они до селенія, безъ дальнаго разбору спали на ночлегъ, и отдохнувъ нѣсколько, чптобы было чемъ дома побахвалишь, спрашивали у хозяина самого лучшаго лапотнаго маспера. Къ счастью ихъ, хозяинъ сей былъ во всемъ околodкѣ шопѣ самой искусникъ, знашокъ, масперъ, какого они съ толикимъ домогательствомъ искали. Госпепріимецъ о талантѣ своемъ не упайлъ отъ гостей ничего, а объявилъ все, чпто надобно; и коли правду сказанъ, то онъ доказалъ на самомъ дѣлѣ, чпто ихъ не обманывалъ. Ибо когда путешественники пожелали видѣшь опынъ его искусства, то онъ для удовлетворенія любопытства въ мигъ сбѣжавъ на подволоку, припачилъ оп-

пуда до нѣсколька пудовъ своей
работы, всякихъ — рѣдкихъ и час-
тыхъ, большихъ и махъ, и бре-
довыхъ, и липовыхъ и береспяныхъ,
просныхъ и съ подковыркою, безъ
ушковъ и съ оборками — изволь
всякъ выбирать себѣ любя — ме-
жду тѣмъ мастерова жена спа-
раясь соблюсти долгъ госпепрім-
ства, по силѣ своей принесла для
госпей цѣлое беремя чиспенькихъ
паршиночекъ — увидѣвъ вдругъ предъ
глазами и почти не ожидая такое
сокровище захожіе обомлѣли отъ
радости, и на оное бросились съ
такимъ успрямленіемъ, какъ будто
бы имъ все ето было кинуто на
драку. Бросились, повторяю, на-
чали — почали — хватавъ, подерги-
вавъ, рвавъ, толкавъ, пихавъ,
что только гляди, да усовъ береги
— и хозяинъ уже не зналъ, какъ
ихъ успокоить, и привесити въ чув-
ство, боясь, чтобы дѣло не дошло

до худова. Однако на конецъ арыси-
ной, доставшейся ему послѣ дяди
Герасима, ихъ поумялѣ, образумилѣ,
усовѣстилѣ. Тогда онѣ велѣлѣ имѣ
братѣ, смонрѣтѣ, выбираетѣ, при-
мѣриваетѣ, порядочно, легонько, безъ
запальчивости, не шоропясь. Ребята
были послухмяны; и такѣ дѣло по-
шло своимѣ чередомѣ: выбрали,
примѣрили, обулись, не могушѣ на-
глядѣтѣся на прекрасныя свои нож-
ки, расхаживающѣ вѣ задѣ и передѣ
по палашѣ, выфинпывающѣ на по-
хвальбу другѣ передѣ другомѣ— такѣ
любо, что инда ушки смѣются:
„вошѣ давно бы такѣ, Господа, го-
„воритѣ имѣ хозяинѣ; поздравляю
„васѣ съ обновками; дай Богѣ вамѣ
„ихѣ вѣ радости сносить, да по-
„скорѣе ко мнѣ за новыми прихо-
„дитѣ, а шеперь, коли не будетѣ
„вамѣ вѣ шрудѣ, прошу пораздѣ-
„латься.,, Предложеніе сіе было
принято весьма благосклонно — раз-

щипались дружески, расплатились честно — обѣ стороны остались предовольны, а наша свѣрхѣ того и безѣ заботы. Теперь выглядѣтъ, хошѣ бы куда, ребѣпа. Ропозѣямѣ пожалуй вольно себѣ пускатѣ все мимо ушей, и самыя полезнѣйшія вещи оспалятъ безѣ всякаго замѣчанія. Вѣ число зѣвакѣ живо врюпились бы и наши проидоши, если бы одинѣ человекѣ изѣ компаніи ихѣ именѣ *Замахинѣ*, оспроуміемѣ и дальновидностію своею не выскребѣ пѣппна сего. Такѣ—дѣйствипельно. Между тѣмѣ какѣ всякой за себѣ раздѣлывался съ хозяиномѣ, сей опмѣннаго ума и проицанія мужѣ, спарающійся все обращаѣтъ вѣ свою пользу, не зѣвалѣ вмѣстѣ съ товарищами своими по пустому. Онѣ замѣтилѣ, что цѣна лаптей пропорціональна величинѣ ихѣ, то есть: чѣмѣ больше лаппи, тѣмѣ и цѣна имѣ больше, а чѣмѣ меньше, тѣмѣ

меньше. Однако, чтобы не прошибься въ своемъ наблюденіи, онъ при ошходѣ просилъ у самаго мастера на примѣчанія свои изъясненія, кошорой опвѣтами своими совершенно подиввердилъ его мнѣніе. И чшожъ бы, вы думаете, сдѣлалъ нашъ *Залахитъ*? Не такъ то скоро догадаешся — все сіе смотавъ себѣ хорошенько на усѣ, онъ сдѣлалъ въ прѣмудрой головѣ своей заключеніе такое, что самыя большія лаппи будущѣ самыя дорогія. И такъ пришедъ домой, не теряя времени принялся за исполненіе своего проекта, и на первой случай, сплѣвши одну парочку величиною въ свой роспѣ, вывезъ на базарѣ ее продавашь; но она была споль дорога, что никшо не могъ не только купишь ее, но и даже припорговашься не осмѣлился. Нѣкошорые мелкоправчашые купцы, смопря зависпливыми глазами на сіе превосходнѣйшее издѣ-

ліе, говорили ему сѣ злобною усмѣшкою, чшо ешо не лапши сдѣланы, а лодки, и чшо на нихъ можно ловить рыбу, ежелибъ шолько придѣлашь весла. Но сія мнимая насмѣшка не шолько не обескуражила нашего *Залахина*, но еще подала ему поводѣ къ новому и неслыханному дополѣ предпріятію. Онѣ сравнивѣ тогда цѣну лапшей, сѣ цѣною лодки, нашелѣ, чшо дѣлашь послѣднія, и особливо сѣ его искусствомѣ, несравненно будешѣ прибыточнѣе и славнѣе. И такѣ не мѣшкаа болѣе на базарѣ рѣшилсѣ поворошитѣ бурку свою ко двору, и сперва сіи лапошки мало дѣло поправивѣ вѣ фасонѣ, упечь за хорошую цѣну, а тамѣ уже поступать вѣ искусствѣ своемѣ и далѣе. Какой имѣла успѣхѣ сіа дальновидная предпріимчивоснѣ, шолковашь нечево.

Вѣ заключеніе скажу я тебѣ не выдуманное онѣ себя, ниже слы-

шанное отъ другихъ, но нечпо та-
кое, что я собспвенными моими
глазами видѣлъ, а ушами слышалъ.
Исторію надобно начинать отъ ко-
рня — дѣтъ шестъ или семь тому
назадъ, здѣсь на Выборгской споро-
нѣ, разбивали примѣрно городокъ.
Куда всякаго званія, пола и возраста
собралось зрительское такое множест-
во, что и смѣны небыло. Да правду
сказать, было чего и любопытст-
вованіе — какъ хващитъ изъ пушки,
то земля подъ шобою у - у - у -
такъ и споненіе родимая; а послѣ,
когда взорвало крѣпостцу, такая
пошла пошѣха, что, чаю, и дѣдамъ
нашимъ не въ память. Однако те-
перь не объ епомѣ дѣло. Прежде
нежели начали разбивать городокъ,
мнѣ прилучилось споять недалеко
отъ той галлерей, которая была
сдѣлана для знаменитыхъ. Подѣ меня
стояла вапашка мужичковъ, по ви-
димому въ городѣ еще небывалыхъ,

кромѣ одного *Ванюхи*, которой предѣ
поварищами своими спарался на
похвальбу выкидывать разные шу-
ки. Споявшему близѣ меня незна-
комцу, что по вздумалось ихъ спро-
сить: *Кой городъ, ребята!* И какъ они
въ отвѣтъ сказали: *Посехонья, роди-*
мой! по я, будучи ничемъ незанятъ,
сталъ смотрѣть на нихъ внима-
тельно, зная, что они чемъ нибудь
да себя покажутъ, какъ по и
дѣйствительно скоро послѣдовало.
Здѣсь мимоходомъ надобно сказать,
что епо было около осенняго раз-
ноденствія, по есть: въ такое
время, когда яблоками, грушами,
баргомошами и другими иноземными
плодами у насъ такъ загромождена
бываетъ биржа, что онѣ бочкѣ
и ящиковъ съ оными почти про-
ходу нѣтъ; и слѣдственно, когда онѣ
прибѣговъ перебивающей симъ ла-
ковымъ поваромъ братин, ни гдѣ
укрыться не можно. По улицамъ, по

подоконью, на мѣстахъ, по перекресткамъ, въ саду, на Невскомъ, въ Госпиномъ, за городомъ, на гульбищахъ, вездѣ, всюду праздношатающіеся дерутъ во все горло: ябл. лим. груш. бархотки. хорш. Но извѣстно, что чѣмъ больше гдѣ собраніе, тѣмъ и прислужниковъ сихъ собирается больше. И ужъ можно сказать такіе подлипалы, балясники, что нехотя развернешся, а особливо на знакомствѣ — даромъ, что не учены полишникъ. Въ глазахъ моихъ тогда было ихъ браньи, сирѣчь, съ корзинками и лопками, около полдесяпка. И одинъ изъ нихъ подскочивъ къ предметамъ моего вниманія, припѣвомъ своимъ прельстилъ ихъ какъ Сирена. Раскрылъ тотчасъ корзину, показывалъ свой товаръ, хвалилъ, такъ что они глядя на заморскіе фрукты, не могли управляться со слюною. Такъ у нихъ зубъ свистѣлъ

на прекрасныя яблочки! ибо они
все находящееся въ корзи́нѣ, какъ
то: померанцы, лимоны и проч.
почипали яблоками. Однако по но-
востипи своей не надѣясь на себя они,
посредникомъ въ переговорахъ съ
симъ шорганшемъ употребили зна-
комца своего *Ванюху*, шакъ какъ
человѣка опытнаго и бывалаго, ко-
шорой вдругъ пріосамаясь спраши-
валъ у разнощика самыхъ лучшихъ
Бульскихъ яблоковъ. Хотя рѣчь его
и не весьма была вразумительна;
однако продавецъ понялъ ее изрядно.
И поглядѣвъ нѣсколько въ глаза
купцамъ своимъ, вмѣсто яблоковъ,
что то вздумалъ рекомендовать
имъ померанцы и лимоны, и то не
лучшіе, или по крайней мѣрѣ сред-
ственные, а самую гниль. Изъ сего
мнѣ не трудно было заключить,
что ешомъ плушъ забѣжалъ въ
Пишеръ нашихъ нѣсколько поранѣ.
И какъ было шутъ произошло нѣ-

которое сомнѣніе, по разнощикѣ
ссылался на знающаго *Ванюху*, а сей
боясь, чтобы не подашь о себѣ
худаго мнѣнія и какъ нибудь не
оспашься въ дуракахъ, рѣшился
взявъ спорону разнощикову, пи-
тулуя въ сердцахъ противорѣча-
щихъ себѣ поварищей сущими не-
вѣждами. И такъ съ помощію про-
давца, онъ ихъ увѣрилъ, что по ка-
зываемая гниль, сушь точно Буль-
скія наилучшія яблоки, и что такая
вѣшность доказываетъ совершен-
ную зрѣлость и опмѣнной вкусъ
плода. На словахъ его спало — торгъ
конченъ — лимоны куплены и раздѣ-
лены по братіи — *Ванюха*, сколько
у него успа ни драло, вѣлъ ихъ такъ,
что не могъ нахваливаться, не смолча
на то, что деревенщина не при-
выкшая еще къ высокому вкусу,
прикусывая оныя, спроила лицомъ
ранняя помягушки, и непрестанно
оплещивалась — однако никто не

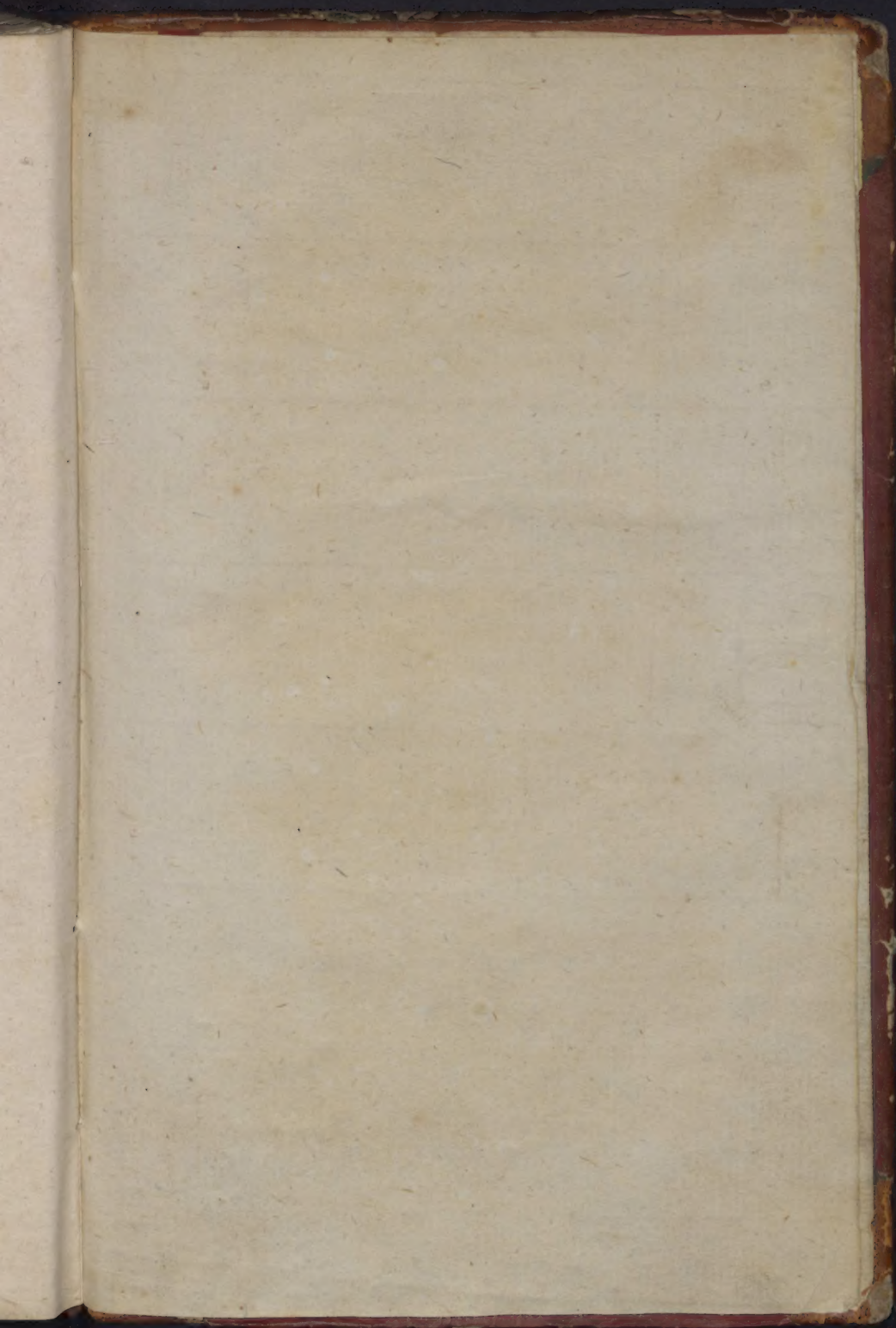
смѣлъ похвалить его выбора. Такую онъ приобрѣлъ себѣ довѣренность! послѣ сей лестной похвалы, Ванюха отъ часу больше дѣлалъ проказъ, и земляковъ своихъ приводилъ въ крайнее удивленіе вольнымъ своимъ обхожденіемъ, проворствомъ и знаніемъ свѣта. Онъ показывалъ имъ все доспѣлое любопытства, полковалъ, рассказывалъ; какъ напри- мѣръ: Вотъ ешо то, ешо для шово и для шово — ешо такой то — ешо такая то и проч. „Екъ, „екъ ребята! гулярили между себя „удивленные его слушатели, Ванюха „насъ акъ напорѣлъ, смолрица ко „акъ юнѣ похазываетъ да повиниваетъ, „таки во вся его не узнацьбы., Ваню- ха, — копорой всѣ разговоры ихъ слышалъ, показалась похвала сія слаще меду — И онъ вдругъ какъ послѣ доброй чарки, смѣлъ еще смѣ- лѣе, веселѣе, важнѣе; живѣе — вы- спускаетъ мѣрно, держится, какъ

будпо зашнурованѣ, смотритѣ при-
жмурясь, словомѣ вѣ Ванюхѣ все было
ошмѣнно, недоспавало одного поль-
ко лорнета да фрака, а шо со всемѣ
бы Господчикѣ. Будучи вѣ полицомѣ
о дарованіяхѣ своихѣ восхищеніи, а
болѣе для показанія передѣ земляками
удальства своего; подходитѣ онѣ
кѣ реченной галлерей близехонько,
мѣшаеца со знаиосцію, присту-
паеца на крыльцо, не спуская самѣ
глазѣ сѣ своихѣ товарищей. торже-
ственная похвала и чрезмѣрное уди-
вленіе послѣднихѣ его ободряютѣ—
Ванюха хотѣлѣ было еще далѣе, еще
выше; какѣ вдругѣ на шу пору оп-
куда ни взялись человекѣ чешыре
вѣ красномѣ одѣяніи сѣ черными
воротниками и обшлагами— ну знае-
те, что при всенародныхѣ зрѣли-
щахѣ расхаживаютѣ сѣ просточ-
ками для соблюденія порядка и бла-
гочинія. Можетѣ быть имѣ бипся
и невелѣно; однако они видно на

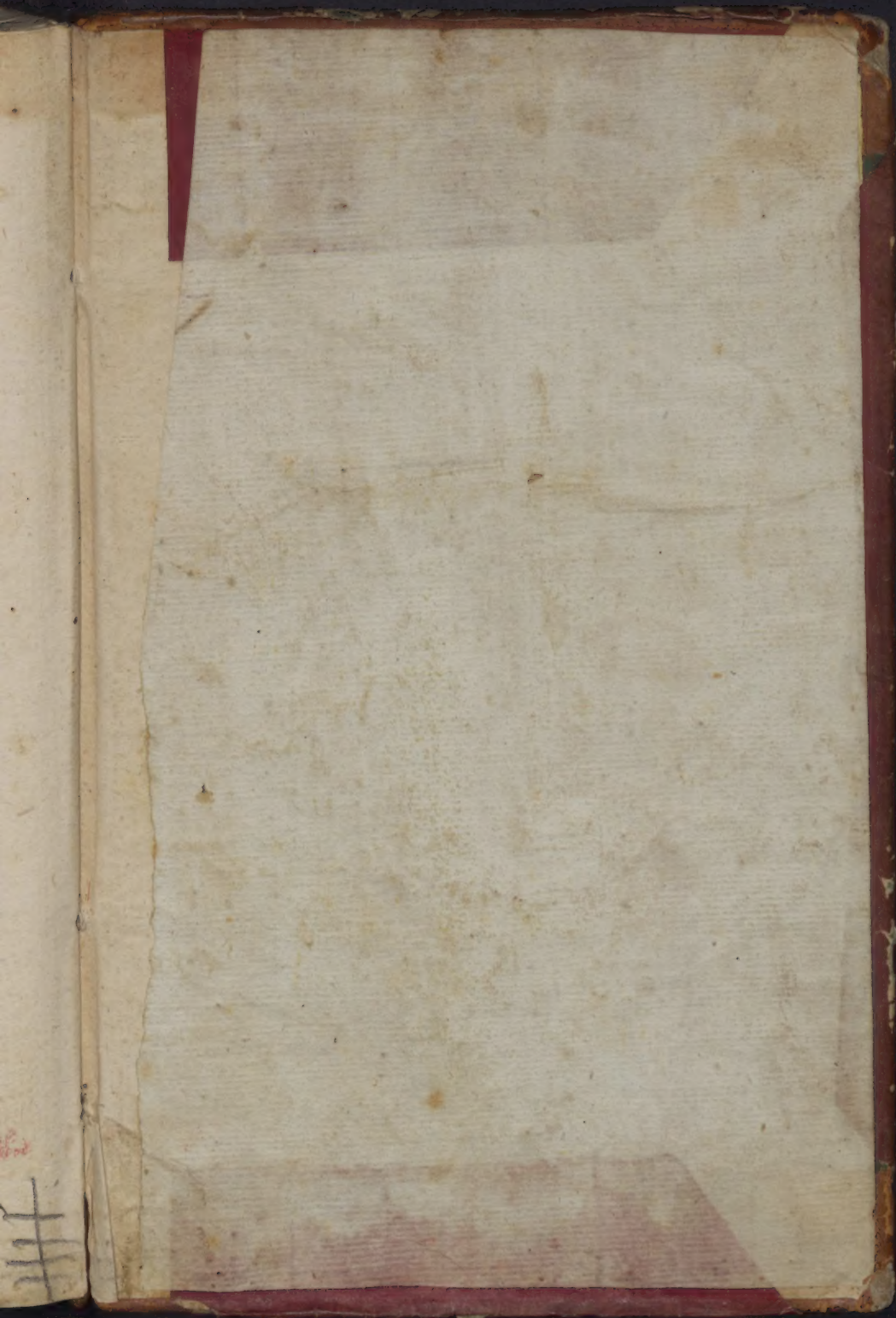
есть раз забылись, и больше дѣйствовали руками, нежели языкомъ — примкнули доброва молодца со всѣхъ сторонъ, прихватили по военному, и такъ начали ожгучивать, что Ванюха нашъ не только отъ ихъ и галлерей, да и отъ земляковъ своихъ ударился въ народъ опрометью. И я къ сожалѣнію только его и видѣлъ. Послѣ хотя мнѣ поварищи его и попались, только его тушъ не было — И мнѣ нельзя было спровѣдать, дождался ли онъ, какъ городокъ разбивать спали, или прямо лизнулъ на свою фашеру, По всему вѣроятію заключить можно, что не такъ спинъ, головъ и бокамъ его были чувствительны палочныя впечатлѣнія, сколько душъ его несносно было безчестіе претерпѣнное предъ глазами своихъ знакомыхъ. Ибо салдашъ и первое — его встрѣпили: о! о! у! ворона! Куда ты лезешь? — за чемъ? — Отъ шоль нечаяннаго при-

вѣпствія *Ванюха* весь измѣнился —
Лице его уподобися бѣлому плапу.
Товарищи же его, кои за минушу
предѣ тѣмъ не умѣли довольно вос-
хвалишь его достоинства и нади-
вишься дѣсына его дарованіямъ,
путь глядя на него вмѣстѣ съ дру-
гими зубоскалами надрывали живо-
тики свои съ хохоту. — Вотъ какъ
скоро преходишь слава человѣческая!

7492 100
1881 #

ГПБ Русский фонд

18.2/6.7.19